

«НОРАВАНК»
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*По материалам
осенней школы по информационной безопасности,
организованной НОФ «Нораванк» и
Госкомитетом по науке РА
(10 – 24 ноября, г.Ереван)*

Ереван
2009

УДК 004 : 002
ББК 32.973 + 73
О 110

*Составитель и главный редактор
АРУТЮНЯН Г.А.*

О 110 О некоторых проблемах информационной безопасности. -
Ер.: НОФ «Нораванк», 2009. - 236с.

В сборнике представлены: концепция информационной безопасности Армении и Армянства в контексте цивилизационной терминологии, анализ системной антиармянской инфополитики Азербайджана и описание применяемых этой страной методик информационных операций, а также рассмотрен опыт ведущих стран мира в области информационных войн.

Книга предназначена как для специалистов медийной и информационной сферы, так и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами информационной безопасности.

УДК 004 : 002
ББК 32.973 + 73

ISBN 978-9939-825-00-7

© НОФ «Нораванк», 2009г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время в нашем обществе наблюдается повышенное внимание к вопросам информационной безопасности. Это – неслучайное явление, и оно обусловлено не только развитиями вокруг установления дипломатических отношений между РА и Турцией, некоторые этапы которых проходили как бы в остросюжетном жанре информационных диверсий. Уже длительное время Армения (РА, НКР, а в информационном контексте – также и Джавахк) и диаспоральный сегмент Армянства являются субъектами реального информационного противостояния. К сожалению, дело тут не ограничивается известными проблемами вокруг НКР и вопросом признания Геноцида: ныне происходит более чем активный «информационный диалог» с грузинской стороной, а иногда и с другими странами, в СМИ которых проявляются тенденциозные антиармянские настроения. В этом контексте примечательно, что нередко и во внутриармянском информационном пространстве можно встретить концепты, которые не совсем совпадают с нашим национальными интересами и тем самым представляют определенную угрозу для информационной безопасности.

Вместе с тем актуализация информационной тематики привела и к определенным выводам в практической сфере, частным проявлением которых и является «Осенняя школа по вопросам информационной безопасности», организованная фондом «Нораванк» и Госкомитетом науки РА (10 – 24 ноября, г.Ереван). По ряду технических и организационных проблем в данный сборник вошли далеко не все материалы, которые были представлены в «Осенней школе». Вместе с тем, у участников этой школы сложилось убеждение, что подобные мероприятия должны стать традиционными и что необходимо расширить круг обсуждаемых тем. Появились также интересные предложения по формату и методике ведения учебного процесса в будущем. Поэтому надеемся, что последующие сборники лекций по проблемам информационной безопасности окажутся более полновесными не только в плане объема, но и по охвату обсуждаемых тем.

*Гагик АРУТЮНЯН
фонд «НОРАВАНК»*

Гагик Арутюнян

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ
КОНТЕКСТ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР

Безопасность стран и цивилизаций во многом определяется их умением функционировать в динамичной, порой крайне сложной системе вызовов и ответов. Вызовы, означая, как минимум, проверку цивилизаций на прочность, содержат в себе определенный позитив: они стимулируют в обществе процессы формирования и мобилизации ресурсной базы (духовной, интеллектуальной, военно-политической и материальной) для достойного ответа. Вместе с тем хорошо известно изречение Арнольда Тойнби о том, что причиной гибели цивилизаций является неспособность адекватно реагировать на брошенные им вызовы.

В нашу эпоху вызовы зачастую имеют инфогенное происхождение, и безопасность обществ напрямую зависит от уровня собственных информационных ресурсов, способности их успешной мобилизации для ответных действий, а также знания методологии и понимания стратегии «условного противника». И потому актуально определить возможные источники инфогенных угроз для Армении (в данном случае – РА, НКР, и в информационном контексте – Джавахка), как внешние, так и внутренние.

Инфогенные вызовы

Источниками внешних инфогенных угроз могут быть:

- Страны и организации, являющиеся конкурентами или противниками Армении;

- страны и организации, преследующие свои интересы, но игнорирующие национальные интересы Армении, в числе которых могут быть также военно-политические и экономические партнеры Армении.
- Циркулирующие в информационном пространстве нерегулируемые, хаотичные информационные потоки, не направленные специально против РА, но оказывающие негативное воздействие на общественное сознание.

Источниками внутренних инфогенных угроз могут быть:

- Базирующиеся в Армении, но подпитываемые внешними ресурсами политические, общественные, экономические организации и СМИ, деятельность которых направлена против наших национальных интересов;
- Опирающиеся на внутренние частные и государственные ресурсы политические, общественные, экономические организации, компании, государственные органы и СМИ с размытыми представлениями о национальных интересах Армении. Как следствие, подобные структуры могут невольно или из-за отсутствия соответствующей идеологической ориентации стать источником инфогенной опасности для общественности (подобные действия иногда определяются как «информационная война против собственного народа»).

Отметим, что выявление и определение инфогенных угроз в значительной степени обусловлено наличием развитых представлений о национальном интересе. Можно констатировать, что любая концепция *национальной безопасности* предполагает наличие четких формулировок относительно понятия *национальный интерес*. В противном случае определение инфогенных (да и других) угроз будет чрезвычайно затруднено.

Известно, что современные инфогенные процессы формируют (в известной мере – доступное) глобальное информационно-интел-

лектуальное пространство, что является несомненным позитивом. Вместе с тем это пространство отражает существующую иерархию в глобальной политике. Однако следует учесть, что в сфере информации субъекты с небольшими военно-политическими, материальными ресурсами, обретая необходимые интеллектуальные ресурсы и действуя асимметрично, могут достичь значительных результатов. Заметим, что зачастую эти субъекты могут и не быть государствами или, как минимум, юридически не подчиняться непосредственно государству. Подобная ситуация должна восприниматься и как вызов Армении и Армянству в целом, и как стимул и дополнительная мотивация для развития собственной ресурсной базы.

Суть вызовов, в частности, состоит в том, что современная глобализация содержит элементы идеологической, цивилизационной – духовной и культурной – экспансии. Это явление, как правило, отражает национальные интересы воздействующей страны и тем самым может нанести урон государству или обществу, подвергающимся этой экспансии. Наряду с этим формирование общего информационно-интеллектуального пространства, взаимодействие разных цивилизаций в режиме диалога создают благоприятные условия для развития и целевого распространения собственного духовно-культурного контента.

И то, и другое (т.е. и опасность разрушения собственной системы безопасности, и возможность влияния на глобальные процессы) являются составными частями современных информационных процессов.

Информационные операции и войны

Современное содержание и терминология информационных операций и войн начали формироваться в 1991г. (см., в частности, [1]). В 1998г. уже была разработана «Объединенная доктрина информационных операций» Министерства обороны США. В этом документе, в основу которого были положены разработки «мозгового центра» – корпорации *RAND*, представлены, в частности, следующие определения понятий «информационная операция» и «информационная война»:

- информационная операция – действия, предпринимаемые с целью затруднить сбор, обработку, передачу и хранение информации информационными системами противника при защите собственной информации и информационных систем
- информационная война – комплексное воздействие на систему государственного управления противостоящей стороны и ее военно-политическое руководство, которое уже в мирное время может привести к принятию благоприятных для ведущей информационной войну страны решений, а в ходе вооруженного конфликта способно полностью парализовать функционирование управленческой инфраструктуры противника.

Из приведенной формулировки следует, что информационная война – это реализация инфогенных угроз технического и духовно-психологического типа. Разработки в данном направлении продолжаются, и в настоящее время в практическую плоскость переместилась концепция информационных войн второго поколения. И если информационная война первого поколения рассматривается как некий важный компонент наряду с традиционными средствами (ядерными, биологическими и др.), то во втором поколении она приобретает полностью самостоятельное значение. Среди задач, которые предполагается решать с помощью информационных войн этого типа, выделим следующие:

- формирование атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника;
- манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны с целью создания политической напряженности и хаоса;
- распространение недоверия и подозрительности, обострение политической борьбы между партиями, провокация взаимного уничтожения;
- международная дискредитация государства и нации, ухудшение их отношений с остальными;

- нанесение ущерба жизненно важным интересам нации и государства в политической, экономической, оборонной и других сферах.

Как видим, в информационных войнах второго поколения особое значение придается факторам духовно-идейного типа. И, как нетрудно заметить, тезисы информационных войн второго поколения нашли свое практическое применение в революциях – как в прошлых, так и в нынешних, цветных И то, с чем столкнулась Армения в ходе поствыборных развитий 2008г., является классическим образцом современных информационных войн, когда манипулирующая сторона добивается поставленных перед собой задач, в частности, сея недоверие и нетерпимость между разными сегментами Армянства. В этом контексте примечательна, в частности, попытка распространения дифференциации «карабахец – уроженец Армении» и придание ей отрицательно-политического оттенка, неадекватная реакция некоторых зарубежных армянских общин на выборные реалии и, как следствие, формирование негативного имиджа РА (а, следовательно, и Армянства) за рубежом.

Таким образом, цветные революции представляют собой классические образцы информационных войн второго поколения, когда без применения характерных для традиционных войн боевых действий воздействующая сторона стремится решить стоящие перед ней геополитические и геоидеологические задачи [2].

Необходимо подчеркнуть, что при наличии интенсивных и в целом неконтролируемых информационных потоков от инфогенных угроз (например таких, как «формирование негативного отношения к культурному наследию») практически невозможно защититься запрещающими (или только запрещающими) методами. Эффективным средством защиты могут быть только собственные информационные и цивилизационные ресурсы, а также ведение (как государственными, так и негосударственными структурами) эффективной информационной политики на базе этих ресурсов. Подобная информационная политика осуществляется, в частности, следующими методами:

- *Киберполитика*: Согласно автору термина Дэвиду Роткопфу (1998г.), развитие информационных технологий привело к тому, что традиционные субъекты политики – государства – уже утратили свою монополию на обладание знанием (информацией). В прошлом только спецслужбы и дипломаты знали, что творится в той или иной части мира, между тем сегодня рядовой пользователь Интернета и СМИ может быть столь же осведомлен и, следовательно, может сыграть определенную роль в информационно-политических процессах.
- *Ноополитика* (политика знаний): В опубликованной в 1999г. работе Джон Аквилл и Дэвид Ронфельт, также констатируя уменьшение роли государства, пришли к выводу, что новые субъекты политики – международные организации, СМИ, транснациональные экономические компании, террористические и преступные структуры – обрели интеллектуальные и информационные ресурсы, что позволяет им вести собственную политику в глобальном информационном пространстве. Ноополитика основана на концепции «сетевых войн» или другими словами – «информационных войнах третьего поколения», которые мы более подробно обсудим в разделе «Вопросы организации Армянства».
- *Медиаполитика*: Этот термин в 2001г. ввел в оборот Ли Эдвардс, который доказал, что Интернет и телевидение превратились в важнейший фактор политики. Именно они играют существенную роль в формировании внешней и внутренней политики, обращают внимание общества и властей на ту или иную проблему

Сюда следует добавить еще одну сферу и понятие – *мобайл политику*. Она отражает широкое распространение и развитие технических возможностей *мобильных телефонов*, так называемого третьего экрана (наряду с телевизором и монитором компьютера). Пользователи подобных телефонов (число которых перевалило за

миллиард) могут получать, обрабатывать и передавать текстовую, аудио- и видеоинформацию в динамичном, мобильном режиме, независимо от местоположения или географических координат. *Мобайл политика* сегодня стала важным фактором и во внешнеполитической (вспомним арабо-израильский конфликт 2006г.) и во внутриполитической сфере (отметим развития, связанные с президентскими выборами в РА 2008г., когда действия демонстрантов координировались в основном при помощи *SMS* сообщений, так называемого флеш-моба). Сегодня *мобайл технологии* играют важную роль также в процессе формирования социально-экономических сетей.

Цивилизация в контексте политики

Цивилизационный фактор и в прошлом часто играл важную роль в международных отношениях, однако как разработанная политическая категория он стал восприниматься, скорее всего, с 1993г., когда в журнале *«Foreign Affairs»* была опубликована статья Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» (в дальнейшем она была переработана и опубликована в виде монографии [3]). По мнению автора, основным и важнейшим вектором современных глобальных развитий станут столкновения отличающихся друг от друга цивилизационных групп, причиной которого, как выразился позднее Александр Неклесса, является «взаимная идиосинкразия культурно-исторических геномов».

Как известно, понятие «цивилизация» характеризуется как совокупность признаков и качеств (генеалогических, языковых, религиозных, культурных и т.п.), свойственных нации или группе наций (см., например, [4-6]). В то же время, в работах разных авторов отличаются как перечень этих признаков, так и их интерпретации. Вследствие подобных методологических разногласий состав и число как «мертвых», так и существующих ныне цивилизаций у разных авторов различны. По Хантингтону (который избегает четкой формулировки понятия «цивилизация»), в современном мире есть 9 цивилизаций: Западная, Латиноамериканская, Африканская, Ислам-

ская, Китайская, Индуистская, Православная, Буддистская и Японская. Подобная классификация цивилизаций может вызвать множество вопросов. В частности, согласно некоторым исследователям, США и Европу нельзя унифицировать и представлять в качестве единой Западной цивилизации (как это делает Хантингтон), так как на сегодня это во многом разные цивилизационные модели, и существует тенденция углубления противоречий между ними. Представляется, что формулировка относительно единой Западной цивилизации, как, впрочем, и другие определения в монографии Хантингтона, отражает скорее политические, американоцентристские предпочтения ее автора, нежели особенности примененной академической методологии. Таким образом, хантингтоновский перечень цивилизаций, скорее всего, отражает концептуальные представления определенной части американского истеблишмента и подчинен четкой логике: указанные цивилизационные единицы в той или иной мере обладают военно-политическим и экономическим потенциалом и являются основными акторами в современных международных отношениях.

С появлением монографии «Столкновение цивилизаций» понятие «цивилизация», которое прежде являлось предметом исследования преимущественно историков, философов и культурологов, в значительной мере переместилось в сферу реальной политики, где не так существенны характерные для академической науки фактологические или же методологические тонкости. Концептуальный тезис Хантингтона был положен в основу американской глобальной политики и в идеологической плоскости сегодня обосновывает, в частности, противостояние США (представляющих, по нашей терминологии, не «западную», а «англосаксонскую» цивилизацию) с Исламским миром, которое проходит под слоганом «антитеррористической войны». Представляется, что определенная часть концепций в современной американской политике – доктрина гиперпревентивных ударов, информационно-психологические войны, доктрина Льюиса (фактически представляющая постулат «разделяй и властвуй») – известные в классической стратегии тезисы, которые

были систематизированы, заново осмыслены, получили научное обоснование и современную терминологию в американских «мозговых центрах».

Известно, что доктринальные постулаты, применяемые Соединенными Штатами, значительным образом воздействуют на форму и содержание современной международной жизни: они становятся своеобразным сводом канонов, диктующим «правила игры» в международных отношениях. Подчиняясь этой логике, противоречия и общность в цивилизационной сфере стали важным, а иногда и определяющим фактором в идеологических, политических и даже экономических отношениях.

Заметим, что в противовес теории «столкновения цивилизаций» бывший президент Ирана Хаттами выдвинул концепцию «диалога цивилизаций». Однако надо признать, что имплантация той или иной амбициозной концепции в глобальную политику главным образом зависит от суммарных ресурсов, которыми обладает внедряющий. В этом контексте иранский подход, в отличие от американского, пока обсуждается в основном в интеллектуально-аналитических кругах, но в целом имеет большой потенциал для развития, особенно в контексте российского инициативного проекта «Диалог цивилизаций».

Во всех случаях «цивилизационная» терминология в выступлениях лидеров самых разных стран сегодня стала привычной. Можно констатировать, что недооценка или, тем более, игнорирование этого фактора может иметь тяжкие последствия для любой большой или малой нации или государственного образования.

Между тем, не всегда то или иное общество может однозначно ответить, к какой цивилизации оно относится, и в соответствии с этим сформировать свою внешнюю и внутреннюю информационную стратегию. Часть из них не только не имеет четких представлений о собственной цивилизационной принадлежности, но и раздроблена по своим ориентациям в этой сфере. Нации или их союзы, оказавшиеся в подобной ситуации, Хантингтон называет «разорванными цивилизациями» и, пожалуй, справедливо предвидит их крах в будущем.

Порой «цивилизационная разорванность» – следствие внешних воздействий. Как известно, такой сценарий в недавнем прошлом был осуществлен в Югославии: эту некогда развитую страну сейчас называют «бывшей». Той же логике подвержена сегодняшняя Украина, где общество поляризуется по признакам прорусской и прозападной ориентации. Примечательно, что, согласно прогнозам Хантингтона, в аналогичной ситуации могут оказаться и США [7].

Нужно отметить, что некоторая путаница в вопросе цивилизационной ориентации имеет место и в Армении: в среде национальной элиты озвучиваются порой взаимоисключающие подходы в вопросах политической/цивилизационной ориентации Армении и Армянства. Это явление обусловлено следующими обстоятельствами:

- Географическое положение РА и объективно сформировавшаяся политическая ситуация диктуют руководству страны необходимость проведения гибкой, комплементарной политики, маневрируя в сферах влияния крупных геополитических акторов: России, США, ЕС и отдельных государств этого союза, Ирана и (уже или скоро) Китая. Как следствие подобного положения, в республике сформировались группы политиков и экспертов, являющихся сторонниками того или иного геополитического направления. В свою очередь, геополитические предпочтения в этих группах из-за отсутствия необходимой концепции перерастают в цивилизационные. Подобная тенденция является следствием как личных политических/цивилизационных ориентаций членов упомянутых групп, так и, возможно, определенной работы, проводимой с ними представителями различных политических центров.
- Некоторые политические и общественные круги армянской диаспоры свои цивилизационные предпочтения, как правило, отождествляют с местами их проживания – преимущественно с Россией, США, Европой и Ближним и Средним Востоком.

Разнообразие цивилизационных ориентаций – классическое проявление внешних и внутренних инфогенных угроз. Источниками угроз в области информационной безопасности Армении являются – как это было ранее сформулировано – «опирающиеся на внутренние частные и государственные ресурсы политические, общественные, экономические организации, компании, государственные органы и СМИ с размытыми представлениями о национальных интересах Армении». В контексте прогнозов Хангтингтона относительно «разорванных цивилизаций» упомянутые выше геополитические и цивилизационные разногласия нужно воспринимать как серьезнейший вызов Армении и Армянству в целом. Из чего следует императив: необходимо разработать подходы, позволяющие избежать нежелательных развитий и сценариев «разрыва».

Армения и Армянство – уникальная цивилизация

Логика глобализации поставила перед опасностью «разрыва цивилизации» не только Армению, но и ряд больших и малых государств (из бывшего СССР – Грузию, Украину, Азербайджан и Молдову), которые в плане выбора цивилизационной ориентации оказались перед дилеммой (в лучшем случае). Для сохранения политического суверенитета и национальной идентичности в такой ситуации необходимы культурно-исторические, цивилизационные ресурсы. Между тем подобными ресурсами обладают далеко не все. В этом плане наша позиция выглядит намного предпочтительнее. Есть все основания утверждать, что Армения и Армянство являются особой, или, пользуясь терминологией Арнольда Тойнби, локальной цивилизацией. Армянской цивилизации присущи самобытные духовно-культурные ценности. Это прежде всего:

- Генеалогия армян и армянский язык занимают особое место в группе индоевропейских народов.
- В контексте идеи государства, которое первым приняло христианство, Армянская Апостольская Церковь имеет свою особую направленность и место в христианском мире.

- Феномен армянской письменности Маштоца и обусловленное им многовековое литературное наследие.
- Армянская культура (архитектура, музыка, хореография) обладает всеми признаками уникальности.

Известно также, что армянская культура «экспортировалась» в самые разные страны. В связи с этим отметим, что в настоящее время проблемы арменоведения выходят за рамки характерных для прошлого века научных параметров и переосмыслиются в качестве важного компонента информационной безопасности (в частности, ее духовно-цивилизационно-культурного сегмента) Армении. Иными словами, в условиях цивилизационной конкуренции задача развитие арменоведения стала предусловием обеспечения национальной безопасности. Создавшаяся ситуация, пожалуй, требует условного разделения функций арменоведения на фундаментальное-академическое и прикладное. Цель прикладного арменоведения – максимально эффективное использование результатов академических арменоведческих исследований в информационной сфере и их применение для решения задач национальной безопасности. К тому же Армения и Армянство прошли своеобразный исторический путь и сегодня также являются субъектом не только региональной, но и глобальной политики (в частности, принимая во внимание проблемы, касающиеся Геноцида и проблем НКР).

Необходимо подчеркнуть, что чувство собственной уникальности является элементом сознания армянского общества. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты соцопроса «Отношение молодежи Армении к европейским ценностям и интеграции Армении в Европу» представленные в *Таблице 1* (http://partnership.am/files/unlisted/European%20values_data_rus.xls).

Как видим, подавляющее большинство опрошенных считает, что «Армянская культура и менталитет уникальны».

Таблица 1

*По-вашему, к какой культуре и образу мышления
близка армянская культура?*

	Культура	%
1.	Русская	4,3
2.	Ближневосточная	7,4
3.	Европейская	6,9
4.	Американская	1,6
5.	Ни к какой. Армянская культура и менталитет уникальны	70,5
6.	Затрудняюсь ответить	9,3
7.	Всего	100

В среде политической элиты и экспертного сообщества фокусный соцопрос провел также фонд «Нораванк». Результаты опроса свидетельствуют, что большинство респондентов (примерно 70%) также уверено, что Армения и Армянство являются носителями уникальной цивилизации. Ниже приведем некоторые характерные ответы опрошенных:

- «Армения является локальной цивилизацией... нашему народу свойственно состояние открытости и восприимчивости – это главное преимущество нашей нации»; «историческая миссия Армении – быть связующим звеном цивилизаций».
- «Пожалуй, бессмысленно искать на пути глобализации или победного шествия радикальных исламистов более стойкую преграду, чем армянская цивилизация».
- «Армянство... обладает уникальным языком, культурой, письменностью, отличающейся от других христианских народов церковью... Армения, Армянство – уникальное цивилизационное явление».

Таким образом, социальные группы, играющие важную роль в стране, – молодежь, политическая элита и экспертное сообщество – воспринимают Армению как особую цивилизацию. Эти реалии яв-

ляются серьезной предпосылкой для переноса отмеченных тезисов в политическое поле РА. Однако задачи и постулаты, связанные с самобытностью, не должны привести к формированию идеи так называемой «цивилизационной стены», которая тормозит развитие общества и которая по своей сути не характерна для нас¹.

Поэтому для достойного позиционирования в международном конкурентном поле цивилизационная уникальность является необходимым, но недостаточным условием. Современные условия диктуют, чтобы носитель той или иной цивилизации мог соответствовать и быть адекватным логике мироустройства, владел механизмами самоорганизации, умел пользоваться предоставленными возможностями для духовного, интеллектуального и экономического развития. Иными словами, дабы быть конкурентоспособной, цивилизационная система должна быть восприимчивой и «открытой».

В этом контексте примечательно, что армянская цивилизация, будучи самобытной, одновременно содержит в себе универсальные составляющие, суть которых созвучна современным общечеловеческим ценностям. В этом контексте примечательно, что армянская цивилизация, будучи самобытной, одновременно содержит в себе универсальные, общечеловеческие ценности. Христианские качества, гуманизм армян отражены в историографии, эпосе, деловых и воинских кодексах поведения, а идеи свободы и справедливости всегда были частью армянского менталитета. Что, в частности, привело к отсутствию крепостного права и института рабства в армянском обществе.

¹ По этому поводу заметим, что понятие «стена» иногда приобретает идеологическое и символическое значение. Например, строительство Великой Китайской стены (высота до 10 м, толщина – 10 м, длина – 3000-4000 км) было начато в 246г. до н.э. и завершено в 1620г., то есть длилось примерно 19 веков. В наш век самым грандиозным проектом «стены» была граница СССР: она тянулась на десятки тысяч километров. В настоящее время власти Израиля возводят 700-километровую стену для отделения от палестинцев. Аналогичная программа разрабатывается в США, где планируется построить 1200-километровую «стену» на американо-мексиканской границе и тем самым пресечь нелегальное проникновение мексиканцев в США. Идеей «стены» прониклись также некоторые азербайджанские политические деятели: они предлагают воздвигнуть «цивилизационную стену» между Арменией и Азербайджаном.

Упомянутые факторы – характеристики «открытого» общества, которые всегда были свойственны армянскому обществу. В связи с этим заметим, что некоторые общественные организации пытаются в качестве некой новации внедрить вышеупомянутые положения в наше общество. Однако создается впечатление, что общество достаточно равнодушно к этой пропаганде и это часто обусловлено не содержанием декларируемых принципов, но теми искусственными методами, посредством которых осуществляются всевозможные «демократизационные» проекты.

Об этом свидетельствуют также результаты социологических опросов общественной организации «Партнерство во имя открытого общества» согласно которым большинство респондентов – примерно 60%, не видят каких-либо противоречий между европейской и армянской системами ценностей (см. Таблицу 2).

Таблица 2

С каким из утверждений вы согласны?

	Утверждение	%
1.	Европейская культура очень развита и прогрессивна, и мы должны стремиться принять ее за образец и усвоить ее ценности и стандарты.	10.1
2.	Европейские ценности и стандарты в основном противоречат армянским национальным ценностям и традициям, поэтому мы не должны подражать им.	23.4
3.	Не вижу смысла противопоставлять армянскую и европейскую культуры: мы спокойно сможем интегрироваться в Европу, сохранив и наши традиции, и наши ценности.	59.4
4.	Затрудняюсь ответить	7.1
5.	Всего	100

Представленные выше результаты аналогичны результатам опроса о цивилизационных ориентациях, проведенного Армянским центром стратегических и национальных исследований среди экспертов и общественности [8]. Согласно этим данным, представленным в Таблице 3, 20.6% респондентов считают, что «мы резко отли-

чающаяся и самобытная цивилизация», а по мнению 22.7% – «мы всеобщий синтез». Отсюда следует, что наибольшая группа опрошенных – 43.3% (при опросе среди экспертов этот результат достигает 54%) – считает, что в цивилизационном аспекте Армянство уникально или «открыто», будучи синтезом разных цивилизаций. Между тем респондентов, придерживающихся иных цивилизационных ориентаций, существенно меньше.

Таблица 3

Социологический опрос		
1.	Западная цивилизация европейского типа	8.8%
2.	Восточная цивилизация азиатского типа	12%
3.	Русская цивилизация	17.6%
4.	Мы резко отличающаяся и самобытная цивилизация	20.6%
5.	Мы всеобщий синтез	22.7%
6.	Затрудняюсь ответить	18%
7.	Иное	0.3%

Может показаться, что наличие «открытых» и «закрытых» подходов в обществе несколько противоречиво или двойственно. Однако эти реалии – выражение цивилизационной самодостаточности и отражают способность сохранять самобытность и вместе с этим быть причастным к мировым тенденциям. По нашим наблюдениям, подобная идеология свойственна самым «успешным» цивилизациям современности – англосаксонской (согласно нашей терминологии) и китайской.

Некоторые выводы

При разработке системы национальной безопасности следует уделить особое внимание инфогенным рискам в цивилизационной сфере. Это особенно актуально сегодня, когда культурологические и онтологические вопросы переросли в стратегические доктрины, а в глобальном политическом поле превалируют противостояния междивизиационного характера. В этом контексте Армения и Ар-

мянство, обладая необходимыми ресурсами и будучи уникальной цивилизацией, имеют благоприятные исходные позиции и все предпосылки для конструирования национальной системы информационной безопасности. Вместе с тем следует подчеркнуть, что эта система подразумевает определенную специфику, обусловленная диаспоральной организацией большей части Армянства.

Источники и литература

1. *Сергей Гриняев*, «Поле битвы – киберпространство», Минск, 2004.
2. *Гагик Арутюнян*, «Переходное состояние. Геоидеологический фактор в глобальных развитиях», «21-й Век», #2, с.3, 2005.
3. *Самюэл Хантингтон*, «Столкновение цивилизаций», М., 2003.
4. *Арнольд Тойнби*, «Цивилизация перед судом истории», М., 2003.
5. *Питирим Сорокин*, «Человек. Цивилизация. Общество», М., 1992.
6. *Александр Панарин*, «Православная цивилизация в глобальном мире», М., 2002.
7. *Самюэль Хантингтон*, «Кто мы?», М., 2004.
8. ՀՀ տասներեքամյա անկախությունը և ինքնիշխանությունը, փորձագիտական և հանրային հարցումների արդյունքների ներկայացում, Ռազմավարական և ազգային հետազոտությունների հայկական կենտրոն, հոկտեմբեր, 2004. (13-летие независимости и суверенитета РА: представление результатов экспертных и социологических опросов, Армянский центр стратегических и национальных исследований, октябрь 2004г.).

ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АРМЯНСТВА

В современном мире, как мы уже отметили, информационный фактор является важнейшим элементом геополитики и межкультурных отношений. В этом контексте вопросы информационной организации и безопасности Армянства, с учетом диаспорального характера определенной части последнего, приобретают особую актуальность.

Информационная безопасность Армянства

Очевидно, что армянская система информационной безопасности (*ИБ*) должна включать в себя весь комплекс информационных проблем не только Армении (это понятие, как уже отметили ранее, в информационном аспекте включает в себя РА, НКР и Джавахк), но и всего Армянства. Функции обеспечения *ИБ* Армении и Армянства естественным образом взаимосвязаны: они просто обречены на функционирование в режиме взаимодополнения и синергизма.

Известно также, что формат проблем информационной сферы Армении в той или иной степени установлен. То есть, можно предположить, что если мы примем экспертно обоснованные исполнительно-организационные и законодательные решения, то можно будет разработать более или менее эффективную систему *ИБ* страны и улучшить не совсем благоприятную ситуацию в этой сфере [1,2]. Однако эта система в принципе не может быть полноценной, если в ней будет должным образом учтен диаспоральный сегмент Армянства. Формирование же полноценной общеармянской системы *ИБ* – задача, безусловно, более сложная, чем *ИБ* страны, но при

этом, как представляется, вполне решаемая. Между тем проблемы информационной безопасности Армянства в целом пока изучены явно недостаточно.

Ресурсы и задачи Армянства в контексте ИБ

Следующие фундаментальные факторы являются благоприятными для информационной организации Армянства:

1. Армянство является носителем собственных цивилизационных ценностей, и эта цивилизационная общность является основным фактором для восприятия Армянством себя в качестве единого целого. В этом контексте следует подчеркнуть, что попытки сужения представлений об Армянстве не как о цивилизационной единице, а исключительно как об однородной этнорелигиозной группе, однозначно противоречат как реалиям, так и нашим национальным интересам (*см. предыдущий раздел*).
2. Сохранение идеи и памяти об исторической Родине.
3. Фактор Геноцида и Армянский вопрос.
4. Реальность существования армянской государственности в виде РА и НКР.
5. Комплекс военно-политических отношений РА-НКР с Азербайджаном и Турцией, что, по сути, является актуальным отражением определенного сегмента Армянского вопроса.

Два последних фактора сегодня являются важным элементом глобальной реальной политики, что в аспекте информационной интеграции Армянства является позитивом. Благоприятными являются и тенденции по принятию международных, особенно европейских, конвенций о национальных меньшинствах: они могут помочь армянским общинам в рамках законодательства конкретной страны улучшить организационно-информационную сферу. Однако в экспертном сообществе существует также мнение, что все вышеупомянутые факторы еще недостаточны и необходимы новые, созвучные логике со-

временного мира идеи и национальные проекты, которые могли бы создавать новые механизмы для национальной самоорганизации.

Вместе с тем, в деле создания системы общеармянской *ИБ* есть и серьезные проблемы. Попробуем классифицировать эти неблагоприятные факторы:

1. Армяне за рубежом количественно по меньшей мере вдвое превосходит жителей Армении, то есть конструирование общенациональной информационной безопасности, хотя бы чисто количественно, – более масштабная задача, чем организация *ИБ* Армении.
2. Армянство разделено на разные сегменты по религиозно-языковым признакам: эта проблема касается не только исламизированных армян в Турции и некоторых других странах, но и наших многочисленных иноязычных и иноконфессиональных соотечественников, живущих как в Армении, так и в других странах. С коммуникационной точки зрения, определенные сложности вызывает также различие между «восточно-армянским» и «западно-армянским» языками.
3. Географически Армянство рассеяно приблизительно по 100 странам, которые условно можно классифицировать по следующим цивилизационным зонам, регионам и странам:
 - Армянское Нагорье – регион собственно Армянской цивилизации, который ныне лишь частично контролируется армянскими государствами, и в этом контексте следует уделять особое внимание проблемам проживающих на территории современной Турции армян,
 - православно-славянская цивилизационная зона; здесь нужно выделить как постсоветское пространство (население которого до сих пор в той или иной мере является носителем «советских цивилизационных ценностей»), так и страны, претендующие на так называемое «византийское наследие» (например – Греция, Болгария и Сербия),

- англоязычные страны (или же, по нашей классификации, зона англосаксонской цивилизации): Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.,
- страны континентальной Европы,
- зона исламской цивилизации, выделяя в первую очередь страны Ближнего и Среднего Востока,
- латинское (католическое) цивилизационное пространство: Испания, Португалия и страны Южной Америки.

Все эти страны и регионы оказывали и продолжают оказывать определенное влияние на мировосприятие, менталитет, культурную, политическую и социально-экономическую ориентацию проживающих там армян, что создает серьезные проблемы коммуникационного характера. Таким образом, Армянство – неоднородная система, восприятие же его отдельных сегментов даже собственной цивилизационной общности разнятся. Исходя из этих критериев, наша цивилизация отчасти относится, по терминологии Хантингтона, к так называемым «разорванным цивилизациям», подверженным риску распада.

Вместе с тем эта ситуация содержит в себе и определенные возможности: способность в частности, инорелигиозных и иноязычных сегментов Армянства общаться и сотрудничать с представителями разных народов и конфессий нужно воспринимать как дополнительный ресурс для обеспечения жизнедеятельности и конкурентоспособности в глобализирующемся мире. Заметим, что подобными возможностями обладает ограниченное число наций. Таким образом, разные сегменты Армянства несут на себе разную функциональную нагрузку, и в условиях нынешней цивилизационной конфронтации они могут выполнять специфическую миссию и превратиться в «реализаторов» наших интересов в других геополитических и культурных зонах.

В некоторых случаях эти сегменты могут выполнять также роль «ворот глобального мира». Безусловно, это понятие предпола-

гает не только фактор Армении, для которой Диаспора является «асимметричным ресурсом» и дает возможности для разворачивания действий на глобальном уровне: будучи «воротами глобального мира», разные сегменты Армянства предоставляют «асимметричные» возможности и друг для друга. Однако реализация подобной стратегии возможна только при наличии высокого уровня национальной организации.

Но помимо отмеченных проблем, обусловленных в основном, диаспоральным фактором, в деле общенациональной информационной организации существуют риски и другого рода.

Информационные войны и Армянство

Известно, что после окончания Второй мировой войны количество суверенных государств существенно увеличилось. Вместе с тем сегодня наблюдаются тенденции несколько иного рода: в стратегической перспективе некоторые страны могут потерять свою этноцивилизационную идентичность и превратиться в пассивных объектов мировой политики. В определенном смысле нечто подобное происходит, например, в Европе. Эта проблема особенно актуальна для небольших наций и государств, не обладающих необходимыми ресурсами в частности, в интеллектуально-духовной (информационной) сфере. В этом контексте играют определенную роль как неконтролируемые подобными обществами глобальные и в первом приближении хаотичные информационные потоки, так и целенаправленные пропагандистско-манипулятивные информационные атаки, иногда содержащие элементы так называемых *Nation Building* технологий.

Можно привести множество примеров, подтверждающих, что Армения и Армянство являются субъектами информационной войны (см., например [3]). Известно также, что сегодня наибольшую угрозу для Армении представляют информационные войны второго поколения, целью которых, в частности, является достижение деструкции обществ или государств (см. предыдущий раздел). Очевидно, что для противодействия, а при необходимости и принятия пре-

вентивных мер, необходимы определенные информационные ресурсы. Попытаемся их оценить с точки зрения формирования армянской информационной системы.

Ресурсы Армянства

Никак не претендуя на детальное рассмотрение проблемы, схематично представим некоторые необходимые для армянской системы безопасности ресурсы и попытаемся оценить их с точки зрения *ИБ*.

1. *Цивилизационные*, или, иными словами, ресурсы национальной, духовной и культурной сферы;
2. *Технологические* – под этим термином подразумеваются человеческие, интеллектуально-творческие, научно-технические и собственно информационно-медийные ресурсы;
3. *Материальные*, или же производственные, коммерческо-финансовые и другие возможности подобного рода;
4. *Организационные* – т.е. способность самоорганизовываться и создавать необходимые для жизнеобеспечения структуры (в том числе государства, общины, политические, экономические и общественные национально-институциональные организации и другие форматы) и, что крайне важно, обеспечивать взаимодействие этих структур и осуществлять посредством их функции и проекты, нацеленные на защиту национальных интересов.

Попытаемся вкратце оценить наши возможности в представленных сферах:

- Армянство, будучи носителем цивилизационных ценностей, сполна владеет духовно-культурными ресурсами (*см. предыдущий раздел*).
- Близки к удовлетворительному уровню технологические ресурсы, однако нужно учесть, что: сравнительно малы и не полностью учтены (что, между прочим, также является актуальной организационной задачей) человеческие ресурсы –

численность армян в мире по разным оценкам достигает, как минимум, от 10 до 12 млн. человек (*см., например, [4,5]*).

- Сравнительно не очень велики и, главное, не учтены и не систематизированы интеллектуально-творческие и собственно информационные ресурсы.
- Близки к удовлетворительному уровню и также не сполна учтены материальные ресурсы (условный ВВП «армянского капитала» в мире, судя по разным и очень приблизительным оценкам, составляет, как минимум, сотни миллиардов долларов).
- Как показывает анализ реальной ситуации, безусловно недостаточны организационные ресурсы: у нас, как нам кажется, имеются определенные проблемы в сфере менеджмента (в этом контексте обнадеживают системные и энергичные действия недавно организованного Министерства диаспоры РА).

Как видим, в плане необходимых для жизнедеятельности и конкурентоспособности ресурсов армяне в целом занимают неплохое положение в международном сообществе. Вместе с тем создается впечатление, что при беспорном владении цивилизационными, в достаточной мере – технологическими и материальными ресурсами, наш статус в глобальном мире мог быть и выше, а положение – благоприятнее. Думается, причину подобного положения нужно искать в организационной плоскости.

Пожалуй, не стоит подробно представлять важность организационного фактора: очевидно, что высокая степень организованности при ограниченности прочих ресурсов приводит к успеху, а отсутствие организованности – к провалу даже обладателей громадных ресурсов других типов. Очевидно также, что представленные разные типы ресурсов взаимосвязаны друг с другом, и упущения в организационной сфере снижают, а иногда и просто минимизируют эффективность процессов в остальных сферах.

Безусловно, Армянство не лишено организационных способностей, иначе у нас не было бы насчитывающей тысячелетия исто-

рии. Примечательно, что победа в Карабахской войне, по экспертным оценкам, далась в первую очередь благодаря доминированию в организационно-технологической сфере. Однако складывается впечатление, что в неэкстремальных условиях нам свойственно проявлять некоторую беспечность, что отрицательно сказывается, в частности, при организации общеармянского информационного пространства. Эта ситуация, пожалуй, актуализирует уточнение и систематизацию задач организации *ИБ* Армянства.

Задачи организации национальной информационной системы

В качестве первоочередных задач данной сферы выделим следующие:

1. Инвентаризация имеющихся и формирование новых информационных ресурсов, разработка системы их эффективного сотрудничества и безопасной деятельности.
2. Концептуальная разработка методов внутриармянской и внешней пропаганды/контрпропаганды и их практическая реализация.
3. Создание взаимодополняющих брендов Армянства и Армении, внедрение этих брендов – в качестве элементов сознания – в армянской среде и в других сообществах,
4. Разработка и реализация общественно-политических, научных, учебных и иных общеармянских проектов.
5. Широкое применение современных технологий («медиа», «кибер» и «мобайл») информационной политики для решения политических, исторических, культурных, экономических и других проблем Армянства.
6. Концептуальная разработка национальной «ноополтики» – сетевцентричной системы, и формирование на этой базе единого информационного и организационного пространства Армянства.

Для эффективной реализации первых пяти пунктов необходимо организовать международные армянские «мозговые центры», которые должны разработать информационно-организационные форматы с учетом опыта других наций, обладающих диаспорой.

Последний пункт в списке вопросов организации информационной сферы Армянства – концептуальная разработка информационной сетевцентричной (*ИС*) организационной системы и формирование с ее помощью единого информационного пространства – следует воспринимать как стратегическую сверхзадачу.

О сетевцентричной системе

В некоторых публикациях относительно организации Армянства нередко можно встретить тезис, что самым эффективным инструментом для этого является *ИС* система. В то же время впечатление таково, что иногда это понятие воспринимается несколько упрощенно. В этом аспекте нелишне вкратце представить историю формирования и сущность этой информационной и военно-политической технологии.

Концепция «сетевцентричных войн» была разработана в конце 90-х годов прошлого века сотрудниками *RAND* Дж.Аквиллом и Д.Ронфельтом. В качестве исходного было принято положение о том, что в информационном обществе могущество государства (социума) в первую очередь зависит от возможности быть осведомленным и способности адекватно реагировать на полученную информацию или же, другими словами, адекватно оперировать имеющимися знаниями.

Согласно представлениям авторов концепции, понятие «сеть» предполагает отказ от присущего индустриальному обществу метода иерархического управления «центр-периферия» и формирование не имеющей четкой структуры, т.е. неструктурированной системы, подчиняемой логике саморазвития и нелинейных процессов.

Элементы сетевцентричной системы, будучи разрозненными и в то же время имея высокий уровень прав и возможностей действо-

вать самостоятельно, находятся в едином информационном пространстве – сети, имеют общее руководство, общие цели и задачи. Сетецентричный формат, в частности, обладает высокой устойчивостью: даже если из строя выходит один или несколько управляемых компонентов, то остальные, благодаря высокой автономии, могут эффективно продолжать свою деятельность.

Предложенная *RAND* концепция привлекла внимание военных стратегов (Д.Рамсфелд, П.Вулфовиц), и очень быстро практическим внедрением этого концепта начали заниматься многие «мозговые центры». В Пентагоне был основан Департамент по реорганизации вооруженных сил, который, исходя из принципов сетевых войн, проводит реформы американской армии и разрабатывает новые концепции. Отдельного внимания заслуживает доктрина «основанных на эффектах действий», формулируемая как «группа действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в условиях мира, кризиса и войны». Некоторые исследователи полагают, что в результате сетевой организации формируется коллективно-командный сверхинтеллект, дающий возможность решать непосильные для индивидов сверхсложные задачи и будущий глобальный миропорядок будет представлен неким комплексом сетевых организаций [6-8]. Политику, проводимую посредством высокоразвитой *ИС*, принято называть также *ноополитикой* в том смысле, что она основана на знаниях.

Таким образом, концепция «сетецентричности» представляет:

- *владеющую высокими интеллектуальными ресурсами системой, компоненты которой могут полноценно осведомляться и быстро, адекватно и автономно реагировать на полученную информацию.*

Концепция *ИС* также предполагает:

- *осознание факта перманентно протекающей информационно-организационной войны (при широкой интерпретации этих понятий) и соответствующий мобилизационный дух и стиль работы и операций.*

Для формирования сетевой системы необходимы разноформатные организации, и в этом плане применение *ИС* для формирования национальной системы должно быть весьма эффективным. Армянство еще в своем историческом прошлом применяло элементы сетевой организации, и классическим примером этому является Армянская Апостольская Церковь. Сегодня же по сетевому принципу функционирует, например, партия «Дашнакцутюн», Общеармянский благотворительный союз и другие национальные структуры. Заметим, что в настоящее время число армянских общественно-политических организаций по всему миру достигает 30 000. Они далеко не всегда проводят координированную деятельность, между ними порой отсутствует обратная информационная связь, но вместе с тем эти организации обладают определенным потенциалом в контексте *ИС* системы.

Таким образом, следует констатировать, что применение «сетевых технологий» требует от Армянства критической массы духовных, интеллектуальных, организационных ресурсов и мобилизованного общества. Очевидно, что для формирования такой ситуации в первую очередь необходима интеллектуальная элита. Характерно, что Арнольд Тойнби обуславливает жизнеспособность цивилизаций именно наличием этого «творческого меньшинства».

Вместе с тем, система *ИС* является тем инструментом, который может обеспечивать общенациональное управление не только в условиях нормального развития Армении и Армянства, но и при возникновении чрезвычайных ситуаций. В этом контексте рассмотрим, в частности, два экстремальных – теоретических, и один «промежуточный» – намного более реалистичный – сценария.

«Виртуальная Армения»

Сущность этого катастрофического сценария заключается в следующем: в результате определенных военно-политических процессов Армения (РА и НКР) лишается армянского населения и превращается в абстрактную, виртуальную идею-понятие (примерно такое,

каким для нас в какой-то мере является нынешняя Западная Армения). Это возможно, в частности, в случае следующих развитий:

- *Военная ядерно-экологическая катастрофа.* Конфликт Иран–Израиль/США приводит к региональной ядерной войне, вследствие которой сосед Армении – Иран, подвергается ядерной атаке. Армения не участвует в конфликте, однако ее территория подвергается радиоактивному заражению, которая приводит к экологической катастрофе. В этом случае проживание на значительной части территории нынешней Армении становится нецелесообразным. Заметим, что научные прогнозы последствий ядерных войн имеют почти 60-летнюю историю, и все они предрекают катастрофы общемирового масштаба. В частности, согласно проведенным недавно исследованиям Колорадского университета (США), в случае применения в локальном конфликте 50 атомных бомб, мощность которых не превышает мощности бомб, сброшенных на Хиросиму, погибнет 50 млн. человек, т.е. почти столько, сколько во время Второй мировой войны.
- *Техногенная ядерно-экологическая катастрофа.* Этот сценарий сводится к взрыву на Мецморской АЭС (наподобие той, что произошло в Чернобыле в 1985г.).

Последствия. В результате реализаций одного из этих сценариев территорию нынешней Армении (и не только), из-за несовместимых с жизнью экологических условий, покидает большая часть населения. При таком развитии, пожалуй, Армения в какой-то период времени может превратиться в практически безлюдную, виртуальную Родину.

Заметим, что представленные, кажущиеся невероятными, но теоретически вполне возможные сценарии представляют лишь часть угроз, направленных против безопасности Армении. В случае подобных развитий задачи существования и организации Армянства можно решить исключительно посредством заранее сформированной

ИС системы. В создавшихся условиях жизнеспособность системы на практике может быть гарантированной, пожалуй, в том случае, если будут действовать несколько центров информационного управления, ни один из которых не имеет доминирующего статуса.

Эти центры должны руководствоваться едиными идеологическими постулатами, представляющими концепцию безопасности Армянства, и функционировать в нелинейном режиме, по принципу взаимодополнения, обеспечивая положительную обратную (иными словами – взаимоусиливающую) связь между отдельными звеньями.

«Могучая Армения»

Этот сценарий предполагает, в результате геополитических потрясений, восстановление Арменией своей исторической территориальной целостности и консолидацию Армянства в этом новом государстве. Такое возможно, в частности, в следующем случае:

1. Турция вовлекается в широкомасштабную войну с одним или несколькими соседями одновременно (например, с Ираком, Арменией и Грецией).
2. Неудачный для Турции ход войны приводит к усилению межэтнических конфликтов; к борьбе, которую уже ведут курды, присоединяются также другие национальные меньшинства – армяне, греки и пр. – т.е. так называемый «кризис идентичности» перемещается в практическую военно-политическую плоскость.
3. Эти процессы обостряют отношения между самими турецкими группировками, имеющими различные политические (исламистские, кемалистские) ориентации, и, наконец, приводят к гражданским столкновениям. Кризис государства и общества принимает хаотичный и неуправляемый характер.
4. Армения и Армянство (возможно, и другие заинтересованные державы) пользуются сложившейся в Турции ситуацией, способствуют расчленению этой страны, и им удастся в значи-

тельной степени восстановить территориальную целостность Армении. Следующим шагом становится сосредоточение Армянства на территории освобожденной Родины, и таким образом формируется могучее Армянское государство.

Однако, даже *Могучая Армения*, где может проживать преобладающая часть Армянства, должна стремиться к тому, чтобы иметь в развитых странах малочисленные, но дееспособные общины. Другими словами, даже если Армения превращается в доминирующий центр Армянства, все равно нужно стремиться к сохранению ресурсов, ставших для рассеянного по миру Армянства традиционными, придав им статус как бы особых посольств. При таком варианте нужно сформировать классическую, сосредоточенную в Армении ИС систему организации Армянства, когда управление преимущественно осуществляется из одного центра.

«Развитая Армения»

Этот сценарий предполагает весьма реальное будущее нынешней Армении, сформировавшееся в результате концептуального развития. При этом предполагаются следующие реалии:

1. Армения за счет собственных ресурсов, а также ресурсов Армянства, при содействии стран союзников и партнеров формирует развитую научно-технологическую инфраструктуру и тем самым добивается существенного экономического прогресса. При этом вооруженные силы полностью гарантирует военную безопасность страны, происходит интенсивный процесс заселения и освоения освобожденных территорий. Страна по возможности интегрируется в международные политические, экономические структуры и становится полноправным субъектом международных отношений.
2. Подобная Армения становится очень привлекательной для Армянства, отношения Армения – Армянство принимают системный характер, начинается формирование единого информационного, организационного и экономического пространства.

Представленные развития наиболее реалистичны и, пожалуй, даже predetermined, поскольку для неразвитой Армении формирование ИС системы организации Армянства будет связано с несравнимо большими трудностями.

Не вызывает сомнений, что *Развитая Армения*, владея значительной частью национальных и организационных ресурсов, будет представлять важный сегмент Армянства, и поэтому армянское государство в ИС системе будет играть очень важную роль. Однако во всех случаях немалая часть наших ресурсов все равно будет находиться в иных цивилизационных зонах, и поэтому эти сегменты Армянства не теряют свое значительное влияние в национальной ИС системе.

Таким образом, с информационно-сетевой точки зрения, в случае реализации данного сценария Армения занимает как бы «среднюю» позицию между двумя предыдущими сценариями. Подобная «промежуточная» система должна совмещать в себе и нелинейную (децентрализованную), и классическую (Арменияцентричную) ИС концепции.

Некоторые выводы

На современном этапе способность владеть информацией и эффективно, целенаправленно использовать ее стала важнейшим критерием жизнеспособности и конкурентоспособности наций. В случае с Армянством повышение роли глобального информационного фактора является одновременно источником опасных вызовов и новых возможностей. Очевидно, что для противостояния этим вызовам и использования открывающихся возможностей необходимы разнообразные национальные ресурсы и, в первую очередь, концептуальные представления о проблемах национальной/информационной безопасности.

В то же время, обладая цивилизационными, технологическими и материальными ресурсами, Армянство сталкивается с рядом проблем в организационной сфере. В этом контексте особого внима-

ния заслуживают теоретическая разработка и практическое применение национальной сетевцентричной информационно-организационной системы. Подобная система в наибольшей степени соответствует интересам децентрализованного Армянства и, в частности, позволяет использовать эту перспективную стратегию посредством технологий современной информационной политики.

Источники и литература

1. *Գազիկ Հարությունյան*, ՀՀ տեղեկատվական համակարգի զարգացման հիմնախնդիրները ազգային անվտանգության համատեքստում, «Նորավանք» ԳԿՀ, Երևան, 2003: (*Գագիկ Արուտյունյան*, «Проблемы развития информационной системы РА в контексте национальной безопасности», НОФ «Нораванк», Ереван, 2003.
2. *Գազիկ Հարությունյան*, Տեղեկատվական անվտանգության որոշ խնդիրների շուրջ, Տարածաշրջան, «Նորավանք» գիտակրթական հիմնադրամի տեղեկագիր, 2005: (*Գագիկ Արուտյունյան*, «О некоторых задачах информационной безопасности», Регион, бюллетень НОФ «Нораванк», Ереван, 2003.
3. Ադրբեջանի հակահայկական տեղեկատվական համակարգը, Երևան «Նորավանք» ԳԿՀ, Երևան, 2009, (Антиармянская информационная система Азербайджана, НОФ «Нораванк», Ереван, 2009).
4. Հայ Միությունը, Հանրագիտարան, Երևան, 2003: (Армянская диаспора, энциклопедия, Ереван, 2003).
5. *Մ. Մալխասյան*, Հայերն աշխարհում, 2007, (*Մ.Մալխասյան*, «Армяне в мире», Ереван, 2007).
6. *Paul T. Mitchell*, Network Centric Warfare, IISS, Adelphi Paper 2006.
7. *Сергей Гриняев*, «Поле битвы – киберпространство». Минск, 2004; Washington Profile, #47,(564), 05.05.2005.
8. *Сергей Гриняев*, «Интернет как супермозг: от гипотезы до модели», 21 Век, #1, 2003.

ПОЛИИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Нынешний кризис порой представляется как следствие ошибок, допущенных исключительно в финансовой сфере. Однако такая упрощенная трактовка неубедительна, ведь экономические проблемы – всего лишь часть причинно-следственного комплекса. В частности, становление многополярного мира свидетельствует об окончании американской монополии не только в политической и экономической сферах. Обретшая тоталитарные тенденции либеральная идеология, на которую опирается система ценностей потребительского общества, сегодня так же теряет свои доминирующие позиции. Это значит, что изменения происходят прежде всего в общественном сознании и психологии, т.е. в идеологической сфере устанавливаются новые, в некотором смысле также многополярные, подходы. Подобные концептуальные изменения отражаются на ранее общепринятых понятиях национальной безопасности и идеологии.

Формирование полиидеологии

Как известно, сегодня характерные для западного (особенно американского) общества постулаты либерализма и составляющие с ними единое целое методы хозяйствования уступают свои монопольные позиции. Частично об этом свидетельствует значительное усиление роли и вмешательства государства в вопросы регулирования рынка, проявлением чего стала национализация крупнейших обанкротившихся корпораций, предоставление крупных государственных субсидий частным компаниям и т.д. Примечательно, что экономическое сообщество сегодня стало перечитывать, казалось бы, забытый

«Капитал» Карла Маркса, который был переиздан в ряде стран беспрецедентно большими тиражами. Есть все основания утверждать, что логика нынешних развитий легитимизирует социалистические идеи в традиционно считающихся либеральными обществах.

Вместе с тем, создававшаяся ситуация отличается от того, что происходило в 90-ые годы прошлого века, когда в первую очередь из-за идеологического кризиса произошел распад советской системы. В те годы была предпринята попытка объявить «вне закона» социалистическо-коммунистические идеи, в то время как нынешние идеологические переоценки не предполагают забвения классиков либерализма. Сегодня для решения возникших проблем применяются любые идеолого-экономические модели или методы, лишь бы они были эффективными. Иными словами, действует известный принцип: «Для решения проблем хороши все методы, кроме плохих».

В результате формируются полиидеологические общества [1], где в определенной пропорции функционируют как универсальные (социалистические и либеральные), так и национальные, цивилизационные и консервативные представления. Универсальные идеологии также пережили определенную эволюцию и утратили прежнюю однозначность, безапелляционность своих позиций (что было особенно характерно, например, для тоталитарно-коммунистической или вульгарно-либеральной концепций). Заметим, что термину «идеология», введенному в европейскую традицию Антуаном Дестьютом дэ Трасси («Элементы идеологии», 1801), по сей день даются многочисленные, зачастую взаимодополняющие определения. Это естественно для сложных и эволюционирующих понятий, и мы, в зависимости от контекста, будем использовать те или иные определения этого понятия. Вдобавок, с 90-х годов, вполне в духе так называемого постмодернизма, происходит своеобразное перекрещивание разных идеологий. Например, в Великобритании «неолейбористы» представляют «либерально-социалистическое» направление [2]. В администрации Дж.Буша-младшего важную роль играли «неоконсерваторы», в идеологических истоках которых, по мнению

некоторых исследователей, проступали концепты «троцкизма», и т.д. Как следствие, возрастает совместимость разных мировосприятий, формируется многокомпонентное, но не разрозненное, а стремящееся к некой общности идеологическое пространство.

Такая тенденция является эволюцией и развитием ранее разработанных политических мировоззрений и технологий. Полиидеологический формат увеличивает и, главное, делает более разнообразными концептуальные ресурсы общества, что позволяет наиболее адекватно реагировать на вызовы, а иногда и использовать их во благо. Очевидно, что общество, применяющее подобные формы идейной самоорганизации, существенно повышает свои возможности в геополитической, геоэкономической и других сферах.

Идеология и национальная безопасность

Попытаемся схематично сравнить и оценить эффективность системы национальной безопасности (*НБ*) некоторых обществ в зависимости от типа идеологической формации этих обществ.

Англо-американские политтехнологии. Примером эффективной полиидеологической организации, пожалуй, является опыт Великобритании, имплементированный также в остальных англоязычных странах. Обществам этих стран присуща идеологическая толерантность: носители консервативных (национально-консервативных) и лейбористских (в известной мере – социалистической направленности) идей разработали взаимодополняющие механизмы и совместно действуют на либеральном идеологическом поле, близком к англосаксонскому менталитету. Этим фактором следует объяснять, в частности, крупные стратегические достижения Британской империи (принято считать, что Соединенные Штаты – преемники и наследники Британской империи) и тот факт, что за последние несколько сот лет англосаксы сумели сохранить свое мировое лидерство.

Примечательно, что США, перенеяв политическую логику британцев, из-за своеобразия своего исторического развития проиг-

норировали важность политического значения левой ориентации. В результате крайняя культивация либерализма и потребительства в Соединенных Штатах привела к возникновению серьезных проблем, вследствие которых эта держава стала уступать свои позиции мирового лидера. Наличие идеологических упущений, кажется, воспринято американской элитой, и именно этим обуславливается легитимизация социалистических постулатов и попытка создание механизмов «сдержанности» (если уже не поздно) в американском обществе (см., например, [3]).

Континентальная Европа. В континентальной Европе и сегодня традиционно развиты универсальные (либеральные и левые) идеологии (см., например, [4]). Вместе с тем, после краха национал-социализма и Третьего рейха любые проявления националистических тенденций в современной Европе крайне негативно воспринимаются международным сообществом. Более того, политическое устройство послевоенной Европы и создание Европейского союза во многом направлено на неповторение этого прецедента. Одновременно в некоторых европейских странах функционируют политические партии национально-консервативного толка, которые зачастую выступают против интеграционных проектов ЕС. Однако эти партии пока не самостоятельны и, что любопытно, своими действиями препятствуют формированию в ЕС общеевропейского национально-консервативного направления. Этим, пожалуй, объясняется то, что ЕС, – обладая таким же экономическим потенциалом, что и США, – в плане военной мощи и геополитического влияния неадекватен своему потенциалу.

Реформы по Ден Сяопину. С идеологической точки зрения особого внимания заслуживает «китайское чудо». Всего лишь два десятилетия назад Китай находился под грузом многочисленных и разнообразных проблем. Такая же ситуация была в моноидеологическом СССР, который не сумел адекватно отреагировать на вызовы

и распался. Ситуация в Китае резко изменилась в конце прошлого века, когда благодаря реформам Ден Сяопина сформировалось полиидеологическое поле, в котором действовали не только социалистические (отметим, что взгляды на социалистическое мироустройство в Китае сформировались уже в 5-ом в. до н.э. на основе учения мыслителя Мо-цзи [5]), но и национально-консервативные (конфуцианские) и либеральные концепты. Сегодня КНР обоснованно претендует на роль глобального лидера, а пример его стремительно усиления свидетельствует об эффективности применяемых идеологических технологий.

Идеологические революции в России. Наряду с носителями националистических и либеральных идей менталитету значительной части российского общества близки социалистические идеи (основой которых принято считать традиционную структуру русской сельской общины). Известно, что в российской действительности идеологические противоречия привели к революциям (в 1917г. – социалистической, а в 1991г. – либеральной), со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями и последующей искусственной доминацией какого-либо одного концепта. В результате обладающая необходимыми предпосылками и амбициями на роль мирового лидера Россия в последнее столетие периодически оказывалась в трудных ситуациях. Исходя из этих исторических уроков, нынешние российские власти пытаются как-то совмещать разные идеологические течения. В любом случае следует констатировать, что неблагоприятная ситуация в идеологической сфере отрицательно повлияла на развитие российско-славянского мира.

Ислам и либерализм. Нынешняя общая ситуация в исламском мире в значительной степени обусловлена доминированием религиозного консерватизма в идеологической сфере. Примечательно, что те страны, которые сумели совместить религиозный традиционализм (содержащий в себе, в частности, и определенные представ-

ления о социальной справедливости) и либеральные, а также чисто национальные подходы, существенно улучшили свое положение в международном сообществе. Среди подобных государств, наряду с Мьянмой и Индонезией, особого внимания заслуживает Иран, где, кажется, удалось в достаточной степени интегрировать фундаментальный ислам, иранские национально-цивилизационные традиции и элементы демократического либерализма. В результате эта страна превратилась в регионального лидера и выступает как одна из наиболее динамично и разносторонне развивающихся стран на международной арене. Заметим, что причиной недостаточной конкурентоспособности исламских стран иногда считают некоторый недостаток интеллектуальных ресурсов. В этом плане примечательно, что Иран на ракете собственного изготовления запустил в космос спутник, а в области нанотехнологий иранские ученые занимают 25 место в мире по цитируемости [6]. Заметим также, что Иран пока единственная исламская страна, занимающая позиции в этой области.

Актуальность формирования идеологической «триады» в Армении. Как известно, Республиканская партия Армении провозгласила в качестве своей партийной направленности консерватизм, что является важным шагом в деле формирования конкурентоспособной идеологической системы. В этом контексте нынешнюю оппозиционность «Дашнакцутюн», как нам кажется, можно воспринимать, по всем канонам политической науки, исключительно как стимул для усовершенствования национально-идеологической сферы. Есть также признаки того, что в республике формируются либеральные партии, которые при этом – что крайне важно – отмежевываются от «вульгарного либерализма» девяностых годов.

Однако представляется, что для формирования адекватной глобальным вызовам идеологической «триады» политическая элита страны должна создать условия для того, чтобы в стране сформировалась состоятельная политическая сила социалистической направленности. Подобная политическая технология позволит не только эф-

эффективно разрабатывать механизмы урегулирования внутренних социальных проблем, но и будет способствовать развитию взаимоотношений с другими странами (КНР, государства ЕС), где партии социалистической направленности играют важную роль [7]. В этом контексте заметим, что, к сожалению, Компартия республики и некоторые другие организации соцнаправленности не смогли должным образом воспринять новые реалии и соответственно перестроиться.

На наш взгляд, крайне важно, что в свое время «традиционные» армянские партии «Дашнакцутюн», «Рамкавар» и «Гнчакян», более чем соответствовали современным представлениям о «гармонической идеологической триаде»: они представляли соответственно национальные, социалистические и либеральные течения. К сожалению, сегодня трудно судить об общеармянском значении и конкурентоспособности партий «Рамкавар» и «Гнчакян». Однако прецедент национального многопартийного строительства весьма поучителен и его следует обновить и применять в нынешних, во многом изменившихся реалиях.

Из приведенных выше примеров следует, что структура идеологического пространства общества предопределяет эффективность национальной стратегии в целом, т.е. непосредственно коррелируется и ассоциируется с понятием национальной безопасности.

Идеология и национальная безопасность

Не случайно, что, согласно современным обществоведческим представлениям, идеология определяется как «комплекс инструкций, обеспечивающий наиболее эффективный режим функционирования и взаимосвязанности протекающих процессов». Эта содержащая в себе динамизм формулировка Вячеслава Янко¹ применительна также для определения национальной безопасности (*НБ*). То есть, в современных условиях задачи интегральной идеологии (идеологической триады) и *НБ*, а также – в известной степени – методы решения этих задач практически совпадают.

¹ См. работы автора на сайте <http://yanko.lib.ru>.

Как в сфере идеологии, так и в сфере *ИБ* эффективность системы предполагает взаимосвязанность практически всех сфер человеческой жизнедеятельности. Из всего этого, в частности, следует, что являющаяся важнейшим компонентом *ИБ* информационную безопасность (*ИБ*), которая «ответственна» за эффективный режим протекающих в интеллектуальной и духовной сфере процессов, можно идентифицировать с национально-консервативным сегментом интегральной идеологии общества.

Идентичность информационной безопасности и национально-консервативной идеологии

Согласно классической формулировке, национально-консервативная идеология – это та система воззрений и национальных ценностей, в которой осмысливается и оценивается отношение людей друг к другу и к действительности. В свою очередь, идеологию можно считать реальным фактором только в том случае, когда она становится элементом общественного сознания, а этого можно добиться исключительно посредством информационных технологий (широко интерпретируя этот термин и не понимая под ним лишь упрощенную пропаганду). Иными словами, национальная идеология, если необходимость ее осознана обществом, должна выступать как приоритетный и основной компонент информационного пространства. Отсюда следует, что основными задачами информационно-психологической безопасности являются:

- Имплементация национально-консервативной идеологии в национальном информационном пространстве.
- Защита основных постулатов этой идеологии от внешних и внутренних искажений;
- Распространение во внешнем информационном пространстве идеологических концептов в контексте национальных интересов (в режиме сетевцентрической, основанной на эффектах информационной политики).

Таким образом, если интегральная идеология общества и обобщенные постулаты *НБ* тождественны, то национально-консервативный компонент идеологии в свою очередь тождествен с задачами *ИБ*, и функции этих двух понятий совпадают. То есть, эти понятия в совокупности можно определить как комплекс инструкций, обеспечивающий наиболее эффективный режим и взаимосвязь протекающих информационных процессов (при широком толковании этого термина).

Наличие «критических инфраструктур» в контентном сегменте ИБ и необходимость их защиты

Во многих странах, и в первую очередь – в Соединенных Штатах, первоочередной задачей «технического» сегмента *ИБ* является обеспечение безопасности информационного компонента «критических инфраструктур»: управленческих, военных, коммуникационно-информационных, энерго- и водоснабжения, полицейско-спасательных, финансовых и других систем. Представляется, что подобные «критические инфраструктуры» характерны также для контентного сегмента *ИБ*, т.е. для национально-консервативной идеологии: не случайно американские эксперты считают основной задачей *НБ* защиту национальных ценностей. На практике это означает, что в национальной системе ценностей должны быть отобраны и сделаны предметом особой защиты те постулаты, искажение которых может привести к национальной деморализации и коллапсу.

Некоторые выводы

Из представленных соображений следует, что формирование полноценной системы *ИБ* невозможно без наличия соответствующих идеологических постулатов. Однако это не значит, что формирование системы *ИБ* должно реализоваться только после окончательного уточнения идеологических тезисов. Эти процессы взаимосвязаны, и не только идеологические постулаты формируют *ИБ*, но и

концептуальные разработки в сфере *ИБ* способствуют формированию и модернизации комплексных идеологических подходов. В частности, идеологические «критические инфраструктуры», имеющие большое значение для безопасности общества в целом, определяются из концептов *ИБ*.

Источники и литература

1. *Гагик Тер-Арутюнян*, <http://www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=1852>
2. *А.Громыко*, «Конец идеологии или контуры новой «большой идеи»?» http://www.ieras.ru/gromyko_ar5.htm; *А. Громыко* «Третий путь» – что дальше?», *Современная Европа*, выпуск 2, с. 62, 2006.
3. *Ч. Фримен*, «Быть скромнее», *Россия в глобальной политике*, т.7,#2, с.60, 2009.
4. *Борис Кагарлицкий*, «Политология революции», Москва, Алгоритм, 2007.
5. *М.П. Титаренко*, «Древнекитайский философ Мо-Ди, его школа и учение». Изд-во «Наука», М., 1985.; *Ч.П. Фицджералд*, «История Китая», Центрполиграф, Москва, 2008.
6. *Елена Шварц*, «Иранский парадокс. Станет ли Исламская Республика сильным игроком XXI века?», *Политический класс*, #52, 2009.
7. *Гагик Арутюнян*, «Армения в глобальном мире», 21 Век, #2, с. 3, 2007.

Сергей Гриняев

**О НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ
КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ**

О КОНЦЕПЦИИ ТОТАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В последние годы в США продолжается совершенствование концепции ведения информационной войны. Основное направление совершенствования – расширение сферы применимости приемов и способов ведения информационной войны.

Так, в частности, происходящие концептуальные изменения нашли отражение в документе армии США «Стратегия информационных операций» (*Information Operation Roadmap*). Данный документ отражает дальнейшую эволюцию военной мысли в среде военных специалистов Пентагона в области планирования и ведения информационной войны. Документ сосредотачивается на вопросах расширения пространства, совершенствования средств и методов ведения информационного противоборства.

Документ введен в действие в октябре 2003г. с грифом «Секретно / Не для иностранцев», в конце 2007г. гриф «Секретно» с документа был снят, что, в частности, свидетельствует о том, что к этому моменту развитие концептуальных основ ведения информационной войны в США уже вышло на более совершенный уровень.

Анализ и оценка документа позволяют выделить **появление принципиально новой концепции информационных операций, т.н. full-time&full-spectrum information operations (FTFSIO)**. Наиболее адекватным толкованием данного термина может быть словосочетание «тотальная информационная война». Именно это направление развития военной мысли видится авторам документа ключевым и определяющим в дальнейшем основы всей военной деятельности и военного строительства армии США. Тотальная информационная война рас-

сма­три­ва­ет­ся как раз­ви­тие та­ких по­ня­тий, как «стра­те­гическая ин­фор­ма­ци­он­ная опе­ра­ция» и «опе­ра­ция на ос­но­ве эф­фек­тов».

В це­лом оце­нка до­ку­мен­та по­ка­зы­ва­ет, что ***раз­ви­тие по­ни­ма­ния при­ро­ды ин­фор­ма­ци­он­ных опе­ра­ций за­став­ля­ет аме­ри­кан­ских спе­ци­а­ли­стов су­ще­ствен­но транс­фор­ми­ро­вать свои взгляды, в част­но­сти, на об­ъект и суб­ъект воз­дей­ствия.***

В ран­них док­три­наль­ных до­ку­мен­тах Ми­ни­стер­ства обо­ро­ны США от­ме­ча­лось, что ос­нов­ны­ми фор­ма­ми ве­де­ния ин­фор­ма­ци­он­ных опе­ра­ций яв­ля­ют­ся: об­щес­вен­ная ди­пло­ма­тия (*public diplo­macy*), свя­зи с об­щес­вен­но­стью (*public relations*) и пси­хо­ло­гичес­кие опе­ра­ции (*PSYOPS*). Эти фор­мы оста­ют­ся и в рас­сма­три­ва­е­мом до­ку­мен­те, оп­ре­де­ле­но и их су­ще­ствен­ное на­пол­не­ние.

Так, в част­но­сти, ***свя­зи с об­щес­вен­но­стью (PR)*** вклю­ча­ют:

На стра­те­гичес­ком ур­ов­не:

- ор­га­ни­за­цию опе­ра­тив­но­го до­сту­па ру­ко­вод­ства Ми­но­обо­ро­ны США к СМИ;
- под­го­тов­ку гло­баль­ных ком­му­ни­ка­ций к воз­мож­но­му из­ме­не­нию фо­ку­са вни­ма­ния в рас­про­стра­ня­е­мом кон­тен­те (в до­ку­мен­те ис­поль­зо­ван тер­мин «прививка для СМИ», т.е. по­сте­пен­ная под­го­тов­ка к вос­при­я­тию ос­нов­но­го со­бы­тия);
- опе­ра­тив­ное ком­мен­ти­ро­ва­ние со­бы­тий;
- фор­ми­ро­ва­ние так на­зы­ва­е­мых «команд правды» для до­ве­де­ния «прав­ди­вой» ин­фор­ма­ции до аудито­рии, а так­же для ор­га­ни­за­ции бри­фин­гов для прес­сы;
- пре­зен­та­ции (в до­ку­мен­те ис­поль­зо­ван бо­лее ши­ро­кий тер­мин *road show*) гу­ма­ни­тар­ных про­грамм (вос­ста­нов­ле­ния по­сле вой­ны, по­мо­щи бе­жен­цам и др.);
- раз­ра­бот­ку раз­лич­но­го ви­да встра­ива­е­мо­го ме­диа­-кон­тен­та, т.н. «до­ма­шние за­го­тов­ки» – ма­те­ри­алы, под­го­тов­лен­ные за­ра­нее, ко­то­рые мо­гут при не­об­хо­ди­мо­сти опе­ра­тив­но ис­поль­зо­вать­ся;
- под­го­тов­ку офи­ци­аль­ных прес­с-ре­ли­зов и об­слу­жи­ва­ние ин­тер­нет-ресурсов Ми­но­обо­ро­ны;
- под­го­тов­ку и пу­бли­ка­цию ин­фор­ма­ци­он­ных ма­те­ри­алов с уча­сти­ем пер­вых лиц Ми­но­обо­ро­ны (ста­тьи, «мне­ния» и др.).

На оперативном уровне:

- организацию работы пресс-центра для командования на театре войны;
- размещение материалов военного и гражданского руководства в СМИ театра войны;
- подготовку новостных сообщений;
- проведение пресс-конференций;
- формирование объединенного пресс-центра на театре войны;
- организацию вещания армейского телевидения и радио.

На тактическом уровне:

- организацию работы пресс-бюро для тактического командования;
- проведение пресс-конференций;
- подготовка выпусков новостей для местных и зарубежных СМИ;
- подготовку медиа-продуктов с камер, размещенных на передовой позиции в войсках и недоступных для средств массовой информации.

Общественная дипломатия в зависимости от уровня руководства включает:

На стратегическом уровне:

- подготовку содержания речей или ответов на вопросы журналистов руководящего состава Министерства обороны для иностранной аудитории;
- подготовку контента публикаций, предназначенных для межрегионального распространения;
- *определение тем для общения в частных беседах с иностранными лидерами и лицами, принимающими решения;*
- руководство освещением событий (доступные для общения темы и высказывания), проводимым по линии военных атташе в иностранных вооруженных силах;
- поддержку со стороны Минобороны деятельности по освещению событий в СМИ другими государственными структурами.

На оперативном уровне:

- презентации и брифинги с освещением политики Минобороны США, включая и мероприятия по линии военных атташе в иностранных армиях;
- открытое продвижение политики правительства США путем создания соответствующих общественно-политических организаций и проведение идеологических мероприятий (в качестве примера в документе приводится создание форума Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества);
- наблюдение за деятельностью региональных информационных центров.

Согласно документу, мероприятия по линии общественной дипломатии на тактическом уровне не проводятся. Предполагается также, что и *PSYOPS* на стратегическом уровне не проводятся.

При этом в компетенцию *PSYOPS* отнесено:

На оперативном уровне:

- разработка распространяемых на театре войны специализированных материалов для радио, ТВ, печатных и интернет-СМИ с целью *непосредственного изменения поведения целевой аудитории*;
- содействие иностранным специалистам в разработке планов проведения *PSYOPS* для координации их с планами *PSYOPS* армии США;
- в необходимых случаях силам и средствам *PSYOPS* предписано организовывать поддержку мероприятий, проводимых по линии общественной дипломатии на театре войны.

На тактическом уровне:

- подготовка материалов на иностранных языках в интересах тактических командований в запрещенных или частично закрытых зонах;

- применение специальных технических средств (громкоговорители, листовки и др.) для локального воздействия на аудиторию из местного гражданского населения или комбатантов (партизаны, боевики и др.);
- в необходимых случаях силам и средствам *PSYOPS* предписано организовывать поддержку мероприятий, проводимых по линии связей с общественностью в тактической зоне.

Основным различием в применимости этих инструментов являлся акцент на аудиторию, время и силу реализации. В частности, *PSYOPS* ранее применялись только против противника и только во время конфликта, при этом *PSYOPS* включают также и методы «жесткого» (шантаж, технические, химические и иные средства воздействия на психику) воздействия на аудиторию.

В этом ключе в документе, в частности, говорится, что воздействие «глобальной деревни» существенно увеличивает возможности людей в разных регионах мира по доступу к источникам информации, что делает выбор целевой аудитории для проведения специальных мероприятий существенно более трудным.

По мнению авторов документа, сегодня различие, в частности между зарубежной и внутренней аудиториями, становится больше вопросом восприятия той или иной информации, а не вопросом ее распространения. В частности, подчеркивается, что традиционно *PSYOPS* ограничены политикой Министерства обороны и директивами правительства США и не направлены на население США, военный и гражданский персонал, находящийся за рубежом, а также не проводятся с вовлечением мировых информационных агентств. Однако информация, предназначенная для зарубежной аудитории, становится все более доступной и для внутренней аудитории. При этом справедливо и обратное, когда внутренняя информация становится достоянием мировой общественности. Авторами подчеркивается, что сообщения, распространенные в рамках проведения психологических операций среди любой аудитории – за исключением

определенных лиц, принимающих решения (а зачастую и в их отношении), достаточно часто будут транслироваться средствами массовой информации **для намного более широкой аудитории**, включая и внутреннюю аудиторию в США.

Таким образом, согласно рассматриваемому документу, **внутренняя аудитория, а также союзники США и нейтральные страны сегодня становятся объектом для проведения в отношении них любых информационных мероприятий, включая и мероприятия по линии PSYOPS**. В документе, однако, отмечается, что проведение подобных мероприятий может быть ограничено специально введенными запрещенными зонами.

Также особый интерес вызывает предписание специалистам Минобороны США содействовать союзным силам в разработке программ проведения психологических операций с тем, чтобы они укладывались в единый замысел и план ведения информационных операций американскими войсками.

Эксперты отмечают, что возможность различной трактовки области применения и средств *PSYOPS*, заложенная в документе, позволяет говорить о расширении сферы применимости для этого вида мероприятий. Так, если ранее утверждалось, что *PSYOPS* задействуются только против антагонистской стороны и только в военное время, то в рассматриваемом документе утверждается, к примеру, также и то, что средства и методы *PSYOPS* могут использоваться для поддержки мероприятий общественной дипломатии. В этом случае, по определению авторов документа, задействованные силы и средства не проводят *PSYOP*, а обеспечивают военную поддержку общественной дипломатии.

Что касается времени применения тех или иных средств, то в документе, в частности, говорится, что руководство Министерства обороны США должно стремиться к информационному доминированию во всем спектре, что будет являться значимым вкладом в планируемые и проводимые операции на основе эффектов во всем диапазоне действий как в мирное, так и в военное время.

Особо подчеркивается, что современные информационные

операции – *это непрерывные операции, требующие обширных приготовлений в мирное время.* Задолго до начала формирования кризисных явлений должно быть сформировано и полностью обеспечено всей необходимой информацией соответствующее боевое пространство. *Значительное усилие должно быть предпринято с целью точной идентификации потенциальной антагонистической аудитории (носителя безусловной враждебности в предполагаемой операции) и, что особенно важно, ключевых антагонистических лиц, принимающих решения. Установлены процессы принятия ими решений и их личные приоритеты.* Если, по мнению авторов, такой персональный анализ не будет проведен задолго до предполагаемого конфликта, провести его в период обострения ситуации будет крайне затруднительно, что снизит общую эффективность проводимых мероприятий по возможному изменению антагонистического поведения.

Особый интерес, в частности, представляет применение средств и методов *PSYOPS* в отношении запретных зон (аудиторий и объектов). Предполагается, что такие запреты будут вводиться правительством США и против них будет запрещено использовать средства и методы *PSYOPS*.

В документе говорится, что дальнейшее развитие *PSYOPS* должно позволить оперативно готовить ориентированные на конкретную аудиторию, коммерчески качественные изделия для *запретных аудиторий и объектов, так как такие запреты могут быть сняты практически в любую минуту.*

Также отмечается, что для *повышения* оперативности в работе с запрещенными аудиториями и объектами необходимо сосредотачиваться на создании скрытых средств воздействия, которые латентно развертываются уже в мирное время, а активизируются с обострением конфликта.

Характерным является тот факт, что многое из описанного в документе было достаточно успешно реализовано на практике. Это, в первую очередь, стратегическая информационная операция под общим названием «Борьба с международным терроризмом», в ре-

зультате которой США добились серьезного геополитического прорыва по целому ряду вопросов. В этом же ряду стоит и операция «Борьба с оружием массового поражения в Ираке» (как часть более масштабной и долгосрочной операции «Борьба с международным терроризмом»), в результате которой США закрепились на Ближнем Востоке и создали условия реализации собственного плана переустройства региона под общим названием «Стратегия формирования Большого Ближнего Востока». Сюда же могут быть причислены и действия в рамках общественной дипломатии и связей с общественностью по развитию тезисов о «несостоявшихся государствах» и «оси зла», которые способствовали обоснованию планов по превентивному применению военной силы в отношении суверенных государств без санкции международных организаций. Следует также отметить, что в последние месяцы акцент смещается с темы борьбы с международным терроризмом в сторону борьбы с коррупцией в международном масштабе, основой которой должны стать действия по контролю над финансовыми потоками в рамках противодействия легализации преступных доходов.

В целом, эксперты отмечают, что в рассматриваемый документ внесено достаточно много нововведений, позволяющих говорить о серьезном прогрессе американских военных в области развития методов ведения информационной войны. Этот вид военных действий, согласно документу, сегодня должен рассматриваться в качестве основного для определения понятия «военной деятельности» в целом. При этом, по мнению американских стратегов, информационные операции должны проводиться непрерывно: и в мирное время, и с обострением конфликта, охватывая возможно большую аудиторию, включая как население своей страны и личный состав вооруженных сил, так и население и вооруженные силы стран-союзниц и стран-противниц США в предполагаемом конфликте.

Все это позволяет говорить о новом витке в развитии военной стратегии – формировании стратегии тотальной информационной войны.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

В одном из выступлений, прозвучавшем сразу после терактов в США, министр обороны Дональд Рамсфелд отметил, что в связи с совершенными 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне нападениями «мы наблюдаем появление нового поля боя... конфликтов иного типа». Далее он отметил, что в ближайшем будущем Америке предстоит решить две важные задачи: одержать победу в борьбе с терроризмом путем ликвидации сети террористических организаций, а также осуществить подготовку к совершенно другой войне — войне, которая будет разительно отличаться не только от войн прошлого столетия, но и от той новой войны с терроризмом, которую США ведут в настоящее время.

Так что же это за вторая война, к которой призывает готовиться американский министр обороны, в преддверии которой война с терроризмом – только учения? Какие цели она будет преследовать? Кто противник?

К лету 2001г. американская экономика оказалась в тяжелейшем кризисе. Об этом свидетельствовало неуклонное падение практически всех возможных биржевых индексов, характеризующих состояние экономики. В силу невозможности быстро перестроиться вместе с изменившейся после развала СССР и Варшавского договора военно-политической обстановкой американские вооруженные силы вынуждены поддерживать многие виды военной техники, оставшейся еще со времен Холодной войны. Это и стратегические бомбардировщики *B-52*, и винтовка *M16*, и вертолеты *AH-64*, и многие другие образцы военной техники. Огромные вооруженные силы, оснащенные высокотехнологичными системами вооружения, стали

серьезно тяготить американских налогоплательщиков. Это привело к тому, что США со временем могли повторить судьбу СССР, вовремя не реализовав программу модернизации своих вооруженных сил.

15 августа 2001г. на одном из мероприятий в городе Альбукерке президент Буш объявил о том, что предложил министру обороны Дональду Рамсфелду подготовить стратегическое представление о том, как американская армия «должна выглядеть сегодня и как она должна выглядеть завтра, чтобы сохранить мир; как в настоящий момент нам оставаться сильными и быть начеку; и, что столь же важно, как нам использовать технологии, чтобы сформировать войска, которые труднее будет обнаружить, которые будут обладать большей поражающей силой при ведении боевых действий, будут мобильнее и примут на вооружение новые технологии, чтобы мы не тратили даром деньги налогоплательщиков, когда речь идет о создании оружейных систем будущего».

Контуры новой стратегии были обозначены Рамсфелдом в статье «За рамками войны с террором», опубликованной в газете «Вашингтон пост» в октябре 2001г. Он отмечает, что в свете последних событий в США подготовка к внезапному нападению – подготовка быстрая и решительная – должна стать одним из слагаемых военного планирования в XXI веке. Для того чтобы отражать внезапные удары, военные стратеги США должны перенести центр тяжести в системе оборонного планирования с модели, отправным моментом которой является угроза и которая до сих пор доминировала в теории обороны, на модель, опирающуюся на силы и средства, необходимые в будущем.

Вместо того чтобы концентрировать внимание на том, кто именно окажется очередным противником или где может произойти война, вооруженные силы США должны сосредоточиться на методах действий возможного противника и, соответственно, развивать новые возможности для его сдерживания и поражения. Вместо того чтобы планировать крупномасштабные войны на точно определенных театрах предполагаемых военных действий, считает Д.Рамсфелд, необходимо предвидеть появление новых и разнообразных противников, которые будут полагаться на фактор внезапно-

сти, обмана и на применение асимметричного оружия (согласно определению Института национальных стратегических исследований Национального университета обороны США, под «асимметричными» угрозами понимается «использование фактора неожиданности во всех его оперативных и стратегических измерениях, а также использование оружия такими способами, которые не планируются США») для достижения своих целей.

Как заявил Д.Рамсфелд, подготовка к такому развитию событий стала целью проводящегося раз в четыре года анализа состояния и перспектив развития обороны, результаты которого были 30 сентября представлены Конгрессу США. В этом анализе изложена новая стратегия обороны США в XXI веке, призванная реализовать четыре ключевые задачи: заверить союзников в незыблемости поставленных целей и способности выполнять обязательства в сфере безопасности; разубедить потенциальных противников в целесообразности проведения программ или мероприятий, которые могут создавать угрозу интересам США или интересам союзников; обеспечить сдерживание агрессии и силового давления за счет передового развертывания сил и средств, способных быстро остановить разрастание кризиса, а также предпринимать решительные действия по нейтрализации любого противника в том случае, если методы убеждения и сдерживания окажутся неэффективными.

Для достижения поставленных целей США должны сохранить существующее военное преимущество на ключевых направлениях и разработать новые способы лишения противников преимуществ, которые они пытаются получить, применяя асимметричные варианты действий.

В точном соответствии с речью Д.Рамсфелда операция американских войск в Афганистане во многом является полигоном испытания принципиально новой оперативной концепции ведения противоборства, известной из зарубежных источников как «сетевая война» (*network-centric warfare*).

Об активизации работ Министерства обороны США в этом направлении говорит тот факт, что за последние годы резко возрос интерес к реализации проекта создания глобальной информацион-

ной сети Минобороны, известного как проект *Defense Information Grid*, который координируется Агентством информационных систем Минобороны (*DISA*). Глобальная информационная сеть Министерства обороны — основа ведения «сетевой войны».

Еще 27 августа 2001г. новый помощник министра обороны США по вопросам командования, управления, коммуникаций и разведки Дж.Стенбит в одном из интервью вновь акцентировал внимание на насущной необходимости развития концепции «сетевой войны». При этом продвижение данной концепции он назвал ключевым приоритетом деятельности на своем посту.

С сентября по октябрь 2001г. тематика «сетевой войны» так или иначе обсуждалась практически на всех конференциях и семинарах, проходивших с привлечением специалистов МО США.

Наряду с этим, только за несколько последних лет анализу различных аспектов этой оперативной концепции был посвящен ряд исследований ведущих аналитических центров Минобороны США.

По мнению ряда американских военных экспертов, новый взгляд на угрозы XXI века заключается в том, что в будущем основная угроза будет исходить не от регулярных армий разных стран, а от всевозможных террористических, криминальных и др. организаций, в том числе негосударственных, участники которых объединены в некие сетевые структуры. Подобные организации не имеют четкой иерархической структуры подчиненности, зачастую не имеют единого руководства, координируют свою деятельность с использованием средств глобальных коммуникаций. Отличительной особенностью таких структур является наличие единой стратегической цели и отсутствие четкого планирования на тактическом уровне. Для обозначения подобных структур появился специальный термин — «сегментированная, полицентрическая, идеологизированная сеть» (*Segmented, Polycentric, Ideologically integrated Network, SPIN*).

В условиях воздействия подобных угроз изменяются роль и место вооруженных сил. В большей степени акцент делается на проведение невоенных операций (*Operation Other Than War*), что требует тесного взаимодействия с негосударственными организациями и структурами.

Для организации деятельности вооруженных сил в условиях воздействия новых угроз и разработана концепция сетевой войны. По мнению ее авторов, сетевое противоборство или сетевая война (*Network-Centric Warfare*) является лучшим термином, предложенным к настоящему времени для описания пути организации и ведения противоборства в информационную эпоху. Как отмечает один из высокопоставленных офицеров ВМС США, это «принципиально отличное от традиционной войны, ориентированной на те или иные системы вооружения (танки, самолеты и др.) понятие, затрагивающее саму суть оперативного искусства».

Авторы определяют *NCW* как оперативную концепцию, базирующуюся на информационном превосходстве и позволяющую достичь увеличения боевой мощи войск путем ориентации на сеть датчиков, штабов и исполнительных подразделений. Это дает возможность достичь широкой осведомленности, увеличить скорость доведения приказов, более высокого темпа проведения операции, большего поражающего действия, большей живучести и степени самосинхронизации. В сущности, *NCW* переводит информационное превосходство в боевую мощь, эффективно связывая интеллектуальные объекты в единое информационное пространство театра военных действий.

Основная задача разработчиков данной концепции – предложить военному руководству теоретическую и оперативную базу для организации противодействия в новых условиях.

В основу концепции положен опыт боевых действий, полученный армией США за время участия в конфликтах. Прежде всего, это война с партизанами во Вьетнаме, в Сомали, в Боснии, а также обобщение опыта боевых действий советской и российской армии в Афганистане и Чечне.

Ключевой особенностью является трансформация понятия «поле боя» (*battlefield*) в понятие боевого пространства (*battlespace*), в которое, помимо традиционных целей для поражения обычными видами вооружений, включены также и цели, лежащие в виртуальной сфере: эмоции, восприятие и психика противника.

Воздействие на новые классы целей достигается за счет тесной интеграции сетевых структур Министерства обороны и сетевых

структур гражданского общества (как совокупности общественных объединений, отвечающих за выработку «общественного мнения»).

Есть несколько ключевых понятий, определяющих основные отличия «сетевой войны» от войны традиционной. Первое такое понятие заключается в использовании географически распределенной силы. Как указывают эксперты, ранее в силу разного рода ограничений было необходимо, чтобы подразделения и элементы тылового обеспечения располагались в одном районе в непосредственной близости к противнику или к обороняемому объекту. Новая концепция снимает эти ограничения.

Второе ключевое понятие состоит в том, что силы, участвующие в «сетевой войне», высокоинтеллектуальны. Пользуясь знаниями, полученными от всеохватывающего наблюдения за боевым пространством и расширенного понимания намерений командования, эти силы будут способны к самосинхронизации деятельности, будут более эффективными при автономных действиях.

Третье ключевое понятие – наличие эффективных коммуникаций между объектами в боевом пространстве. Это дает возможность географически распределенным объектам проводить совместные действия, а также динамически распределять ответственность и весь объем работы, чтобы приспособиться к ситуации.

Как отмечалось выше, основой новой концепции является информационная сеть (*The Grid*). При этом данная сеть состоит из трех подсетей: подсеть датчиков (сенсоров), подсеть узлов, принимающих решения, и подсеть исполнительных узлов.

Все три подсети включают узлы, работающие как с реальными, так и с виртуальными объектами. Так, в сенсорной подсети сами датчики могут быть пассивными и активными, а располагаться могут как в реальной, так и в виртуальной сфере боевого пространства. Это же касается и подсети исполнительных узлов. В нее включены как традиционные средства поражения (танки, самолеты, корабли и др.), так и средства воздействия на цели в виртуальном пространстве: средства массовой информации, компьютерные вирусы и др.

Американским военным не дают покоя результаты собственных прогнозов, согласно которым в сложившихся условиях после

2015г. военный потенциал Китая будет сравним с военным потенциалом США, а в дальнейшем начнется опережение Китаем США в экономическом и военном развитии.

Исследования и анализ подходов к ведению боевых действий Народной армией КНР, а также роли и места революционных процессов, протекающих в военной сфере, вызванных интенсификацией процессов информатизации, анализ концепции «народной войны» (прежде всего в ее приложении к информационной сфере) вынудил американских военных пойти на те кардинальные изменения, которые мы сегодня наблюдаем. Именно тот факт, что сама природа китайского общества, феномен мировой китайской диаспоры имеют структуру все той же сети, и вызвал к жизни активизацию процессов внедрения концепции «сетевой войны».

Задолго до событий в США глава Центрального командования Вооруженных Сил США генерал Томми Р. Фрэнке совершил вояж по ряду стран Центральной Азии, включая Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизию и Туркменистан. Возможная цель визита состояла в зондировании обстановки на случай развертывания американских войск в этом регионе. Та поспешность, с которой правительства большинства стран региона приняли решение о допуске американских войск на свою территорию с началом операции в Афганистане, говорит о том, что, возможно, принципиальная договоренность по этому поводу была достигнута ранее.

В ходе состоявшейся 18 мая 2001г. в Ташкенте пресс-конференции на вопрос журналистов о том, что, по мнению ряда экспертов, оценка террористической угрозы в Центральной Азии весьма преувеличена, Томми Р. Фрэнке заявил, что не считает преувеличенной угрозу террористических актов в Центральной Азии и надо готовиться к ее нейтрализации уже сейчас.

Расширяя свое военное присутствие в Центральной Азии, американские военные уже создали в Узбекистане два училища для подготовки сержантского состава узбекской армии. В 2001г. подразделения американских сил особого назначения провели здесь ряд совместных учений с подразделениями узбекских вооруженных сил. Бюджет военного сотрудничества только с Узбекистаном на

2001г. составил более \$3 млн.

С началом операции в Афганистане и развертыванием американских сил в республиках Центральной Азии резко возросло информационное воздействие на население этих стран. Так, с 3 декабря 2001г. радио «Свободная Европа» и радио «Свобода» увеличили объем своего вещания на азербайджанском, фарси и туркменском языках в контексте общего расширения присутствия этих станций в эфире Центральной Азии. В течение января – февраля 2002г. планируется дальнейшее расширение вещания на азербайджанском, фарси, казахском, киргизском, таджикском, туркменском и узбекском языках в общей сложности на двадцать часов, а также расширение вещания на арабском языке через радио «Свободный Ирак».

Еще 11 декабря 2001г., когда военная фаза операции в Афганистане была в самом разгаре, в Нью-Йорке еще не разобрали руины, а в головах многих еще были свежи провозглашенные администрацией США лозунги о борьбе с терроризмом, информационное агентство «Росбизнесконсалтинг» со ссылкой на пакистанскую газету «*Frontier Post*» сообщило, что Соединенные Штаты Америки уже планируют развернуть на юге Афганистана элементы НПРО для перехвата китайских баллистических ракет.

Со ссылкой на «хорошо осведомленные источники в дипломатических кругах» пакистанская газета отмечает, что приход американских сил в Центральную Азию преследовал несколько целей (а возможно, всего лишь одну — закрепиться в регионе). США стремятся закрепиться в Афганистане, чтобы взять под свой контроль поток природных ресурсов из азиатских стран, проходящий через афганскую территорию. Не менее важной целью для Вашингтона является сдерживание роста экономического и военного могущества Китая.

Далее, уже в январе 2002г. агентство «Росбизнесконсалтинг» со ссылкой на испанскую газету «*El Pais*» пишет, что Соединенные Штаты намерены сохранить свое военное присутствие в Средней Азии и после окончания военной кампании в Афганистане. Ссылаясь на источники в Пентагоне, испанская газета отмечает, что Вашингтон уже начал строить в Киргизии военно-воздушную базу, которая станет транспортным центром и будет способна вместить около 3 тысяч сол-

дат, а также многочисленные самолеты и оборудование.

Американские инженеры завершают также подготовку к строительству военных баз в Узбекистане и Афганистане. Как отмечают журналисты, представитель Центрального командования ВС США контр-адмирал Крейг Куигли полагает, что создание военных баз вокруг Афганистана имеет «большое значение» для Соединенных Штатов, поскольку позволит осуществлять целый ряд задач в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Кроме того, в настоящее время Франция ведет переговоры с таджикскими властями о строительстве в Айни военного аэродрома, который будет предоставлен к услугам НАТО. «*El Pais*» пишет, что усиление военного присутствия США и НАТО в Средней Азии, очевидно, не может не беспокоить Кремль. Сегодня Москва стоит перед реальной угрозой того, что весьма скоро Североатлантический альянс окажется не только у западных границ России, но также и «на ее заднем дворе» – в среднеазиатских республиках, куда США и НАТО пустили лишь на время проведения антитеррористической кампании, отмечает издание.

10 января 2002г. представитель Министерства иностранных дел Китая Сан Юкси назвал «не имеющим оснований» опубликованный ЦРУ США прогноз о перспективах развития китайских ядерных вооружений к 2015г. По заявлению МИД КНР, Китай будет усиливать свою национальную оборону «в соответствии со своими нуждами», и любые прогнозы в связи с этим представляют собой лишь ничем не подкрепленные умозаключения.

В опубликованном 9 января 2002г. докладе Центрального разведывательного управления под названием «Развитие иностранных ядерных ракет и ядерная угроза на период до 2015 года», в частности, говорится, что через 14 лет Китай будет иметь от 75 до 100 ядерных ракет дальнего радиуса действия, что вчетверо превышает сегодняшний ядерный потенциал Китая. Также, по мнению аналитиков ЦРУ, большинство китайских межконтинентальных ракет будет располагаться на мобильных платформах.

Как и ряд других изданий, британская пресса высказывает мнение о том, что американское военное строительство на территории

бывших советских республик в Средней Азии вызывает растущее недовольство в Пекине. Так, британская газета «*Guardian*» сообщает, что из пяти бывших советских республик в Центральной Азии только Туркмения до сих пор не допустила на свою территорию американские войска. Вместе с тем «поспешное строительство американских баз может вызвать раздражение у Пекина, так как новая американская база в Киргизии будет находиться почти на восточной границе этого государства с Китаем. Учитывая американские базы в Японии и в Южной Корее, а также поддержку, оказываемую Соединенными Штатами Тайваню, КНР может почувствовать себя в окружении».

По мнению ряда российских экспертов, возможное развертывание американских военных баз в Узбекистане, в других азиатских бывших советских республиках, в северных провинциях Афганистана может снять необходимость создания НПРО США. Высокоточные ракеты средней дальности (до 3 тыс. км) с территории этих баз перекрывают всю российскую территорию до Северного Ледовитого океана. В зону поражения попадают все пусковые установки российских стратегических ракет.

Таким образом, в начале третьего тысячелетия человечество стоит на пороге новой мировой войны. Хотя многие отмечают, что эта война уже идет. Нежелание США признать саму возможность наличия альтернативной им силы ведет к резкому обострению ситуации во всех регионах страны. Сегодня, по словам некоторых американских политиков, цитата из речи Буша «кто не с нами – тот против нас» стала стандартом новых международных отношений.

В условиях, когда американская экономика находится в глубоком кризисе, администрация США стремится предпринять ряд шагов, дабы помешать возможному стратегическому партнерству России и Китая. С этой целью в сердце Евразийского континента вонзается нож американских военных баз.

О РАБОТАХ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, КНР

Более полувека назад, на заре информационной эпохи, когда была обнаружена восприимчивость человеческой психики к внушению, информация в форме пропаганды стала важнейшим средством управления широкими массами. С течением времени она постепенно заменила собой грубую силу и насилие, которые долгое время считались единственным и неперенным средством управления народами. В западной прессе появился даже термин «мягкая сила», отражающий потенциал идеологии и пропаганды.

Процессы глобализации, протекающие в современном мире, накладывают свой отпечаток на пути разрешения конфликтов в XXI веке.

Применение современного информационного оружия отражает историческую тенденцию перехода от войн с истреблением противника к войнам, ориентированным на деморализацию противника без его уничтожения. Характерно, что еще Ричард Никсон в одном из выступлений перед Конгрессом США заявил, что *он считает 1 доллар, вложенный в информацию и пропаганду, более ценным, чем 10 долларов, вложенных в создание систем оружия, ибо последнее вряд ли будет когда-либо употреблено в дело, в то время как информация работает ежечасно и повсеместно.*

Сегодня стало вполне очевидным, что, несмотря на неопределенность встающих угроз и проблем XXI века, США намерены и в будущем сохранить роль лидера в усложняющемся и все более глобализирующемся мире. Для этого они ориентируются на опережающее формирование адекватной их интересам стратегической среды,

а в случае неуспеха – на готовность к силовой нейтрализации неблагоприятных для США процессов.

В этой связи примечателен следующий факт. Еще в августе 1997г. ЦРУ провело брифинг по вопросам развития Каспийского региона как одного из наиболее богатого нефтяными и газовыми ресурсами. Для наблюдения за развитием политических событий в регионе и оценки его потенциала ЦРУ создало специальное подразделение. После доклада представителя ЦРУ присутствовавшая на брифинге госсекретарь США Мадлен Олбрайт заявила, что «одной из самых важных задач... будет работа над *формированием будущего* этого региона». Это и есть ключ к пониманию проблемы информационного противоборства: *создание всеми средствами необходимой, отвечающей национальным интересам США политической атмосферы в тех регионах, которые входят в сферу интересов США.*

Проведение этой политики доказывает справедливость тезиса о том, что именно лидерство в сфере приоритетных знаний, информатики, технологий и повседневного влияния на жизнь миллионов людей во всем мире через потребляемые ими продукты, товары, услуги, культуру и будет определять в будущем статус «великой державы»

События 11 сентября 2001г. в США резко осложнили проведение работ по установлению международного контроля над процессами создания и применения информационного оружия.

Только за первый месяц после терактов в США в разных странах Запада под эгидой борьбы с международным терроризмом был принят ряд законодательных актов, расширяющих возможности и права специальных служб по использованию различных средств, которые по ряду характеристик могут быть отнесены к средствам ведения информационной войны (прежде всего, системы типа *Carlivore*, о чем говорилось выше). Сам факт использования панического состояния населения и парламентов этих стран в интересах расширения влияния специальных служб может быть расценен как акт информационно-психологического давления.

Чего стоит введение в международный обиход таких понятий, как «ось зла», «страна-изгой» или «международный терроризм». Ни

одно из них не подкреплено юридическими нормами.

Никто не знает принципа, по которому формировался знаменитый «список Буша», включающий организации, якобы поддерживающие международный терроризм.

Однако это не мешает вершить правосудие. Только по подозрению или доносу закрываются фирмы, арестовываются счета, уничтожаются интернет-сайты. Так, в список компаний, поддерживающих террористов, попал национальный провайдер услуг доступа в Интернет Сомали. Этого хватило для того, чтобы отключить целую страну от международных коммуникаций, поскольку коммутаторы базовых сетей связи оказались принадлежащими *British Telecom*.

Следует отметить, что терроризм – продукт информационной эпохи. Вне средств массовых коммуникаций и массовой информации, распространяющих требования террористов, сами теракты теряют всякий смысл. Можно рассматривать теракты в качестве инициаторов информационных операций в ходе широкомасштабной информационной войны. Они позволяют нужным образом подготовить восприятие широких масс, а в дальнейшем поддерживать состояние страха, способствующее манипуляции сознанием общества, что и является целью террористов. Примером могут служить последние американские события.

Так, сам теракт в США и его классная профессиональная подача операторами *CNN* использовались для изменения состояния сознания американской нации. Однако менталитет и пацифистский характер психики американцев не позволяет проводить достаточно длительных операций – неизбежно нарастает протест против любого неоправданного насилия. В этом случае используется катализатор, поддерживающий измененное состояние сознания – информационный вброс по поводу бактериологической атаки террористов. Однако очевидно, что преодолеть эпидемиологический порог неконтролируемого распространения выбранной инфекции в современных условиях невозможно, но достигается необходимая пролонгация требуемого психологического состояния.

Более того, и это становится уже очевидным, масштабность,

четкая координация действий и подготовка современных террористов вышли за рамки возможностей отдельных террористов-одиночек и даже ряда террористических организаций недавнего прошлого. Сегодня цели террористов глобальны и затрагивают интересы не отдельных государств, а мира в целом. Современный терроризм – один из продуктов глобализации. Проведение терактов такого масштаба требует не только отличной подготовки исполнителей, но и широкомасштабного обеспечения проведения таких операций, прежде всего – информационного. Для охвата возможно большей аудитории необходимо привлечение глобальных телекоммуникационных компаний, мгновенно разносящих весть о теракте и доносящих ее в каждый дом, в каждую семью. Безусловно, такие действия невозможны без заинтересованности транснациональных корпораций. Сегодня терроризм – средство изменения состояния сознания широких масс для последующего манипулирования в интересах транснациональных корпораций. Налицо становление нового способа разрешения конфликтов информационной эпохи: для достижения поставленной цели сегодня нет необходимости разжигать региональный конфликт, достаточно провести теракт и грамотно его осветить в СМИ, а далее, используя измененное в результате стресса и страха сознание общества, провести информационную операцию по манипулированию сознанием. Более того, используя принцип «реальной виртуальности» (когда освещение события важнее его самого), возможно и не проводить сам теракт либо провести его в незначительных масштабах, а все остальное доработать в процессе его освещения в СМИ. Примером использования этого приема могут служить действия США в Афганистане: когда нет объективной информации о происходящих событиях, зритель не знает, куда именно попали бомбы, но доверяет сообщениям СМИ и верит в объективность подачи информации. Современный конфликт все больше приобретает черты некоего театра, театра абсурда. Как это ни странно, но в начале XXI века театр, уйдя со сцены, вошел в жизнь общества как главное средство управления восприятием. Об этом очень хорошо сказано в книге Сергея Кара-Мурзы «Манипулирование сознанием».

Сегодня, несмотря на законодательно провозглашенную и активно декларируемую в западном мире «свободу слова», вопросам использования информационных средств и технологий для достижения политических целей уделяется самое пристальное внимание.

Так, «свобода слова» в США опирается на так называемую Первую поправку к Конституции и гарантируется в соответствующих законах всех штатов страны. Однако, декларируя идею «свободы информации», органы государственной власти США подразумевают под ней свободное распространение такой информации, которая способствует реализации и защите их национальных интересов, достижению поставленных целей, чем существенно регламентируют ее содержание.

Еще в 1934г. Конгрессом США был создан орган надзора над радио- и телевидением – Федеральная комиссия по связи (*FCC*, *ФКС*). И хотя это произошло еще до того, как телевидение стало средством массовой информации, законодательство с тех пор существенно не менялось. Закон наделил *ФКС* не только контрольными, но и нормотворческими функциями, правом выдачи лицензий и др. В частности, именно *ФКС* установила, что иностранные корпорации не могут быть держателями более 25% акций, дающих их владельцу право голоса при проведении любой радио- или телевещательной сделки в США.

Примечательно, что соотношение реальной и декларируемой свободы информации в западных странах позволило одному из американских специалистов отнести свободу СМИ к одному из пяти основных мифов, утверждающих господство правящей элиты [1, сс. 25-40].

Рассматривая органы формирования и реализации информационной политики западных государств, следует выделить два уровня: уровень формирования и уровень реализации.

К примеру, в США вопросы формирования информационной политики государства находятся в ведении Совета национальной безопасности (*СНБ*) страны. Как отмечается в работах ряда экспертов, после окончания Холодной войны *СНБ* США стал уделять больше внимания невоенным, в том числе и информационным, спо-

собам достижения военно-политических целей [2, сс. 28-29]. Непосредственно при президенте США с 1996г. функционирует консультативный орган по вопросам информационной войны. В его работе принимают участие советники и помощники президента по вопросам национальной безопасности, государственный секретарь, главы ключевых министерств (финансов, энергетики и торговли), директор ФБР, председатель Комитета начальников штабов, другие лица.

В Германии базовой структурой формирования информационной политики государства является Федеральное ведомство печати и информации, имеющее статус высшего федерального ведомства. Его статс-секретарь принимает участие в заседаниях Кабинета министров.

Рассматривая уровень реализации информационной политики США и западных государств, необходимо отметить, что отличительной чертой здесь является активное личное участие в ней первых лиц государства [3]. Непосредственное осуществление задач информационно-психологического воздействия, как правило, возлагается на аппарат психологической войны, включающий специальные формирования психологических операций. Он имеет модульный (причем непостоянный) характер и ориентирован на решение конкретных задач в случае возникновения кризисных ситуаций в тех или иных регионах мира.

Для координации усилий по использованию информационных средств и технологий в период конфликта и организации взаимодействия командования оперативного и стратегического звена с представителями СМИ могут создаваться специальные органы: Межведомственный координационный комитет по общественной дипломатии («Буря в пустыне»), Группа информационного обеспечения (Гаити), Центр операций в СМИ в штаб-квартире НАТО (Косово), Информационный центр в штаб-квартире коалиционных сил в столице Катара Дохе, а также Управление стратегического влияния (Ирак) и др. Ими разрабатываются соответствующие планы, готовятся пропагандистские материалы, проводятся целенаправленные мероприятия по дезинформации общественного мнения и дискредитации неугодных лидеров, распространяются слухи и т.п.

В последнее время, в соответствии с введенной в действие в октябре 1998г. «Доктриной информационных операций ВС США», психологические операции рассматриваются американскими специалистами как действия по доведению определенной информации до иностранных аудиторий. При этом психологические операции могут осуществляться в рамках программы связи с общественностью (*Public Affairs*), предусматривающей доведение «точной и своевременной информации» до американских аудиторий и личного состава ВС США, а также до иностранной общественности, содержание целей и задач военных кампаний и операций, информирование заинтересованных аудиторий о касающихся их важнейших изменениях, обеспечение возможности командованию посредством СМИ довести до потенциально противника сведений о намерениях и возможностях Вооруженных Сил США и их союзников. Кроме того, в интересах психологических операций осуществляются программы по работе с гражданским населением, трактующиеся как действия командиров по установлению и поддержанию отношений между подчиненными им войсками и гражданскими властями, организациями и местным населением в дружественных, нейтральных и враждебных районах развертывания формирований ВС США.

В ряде публикаций отмечается, что в настоящее время в ведущих зарубежных государствах созданы или создаются специальные структуры по работе с общественностью. Так, в соответствии с директивой министра обороны США № 5122.5 его помощник по связям с общественностью несет основную ответственность за разработку и реализацию информационной политики Министерства обороны; осуществляет координацию вопросов информационной политики с председателем комитета начальников штабов, руководством министерств видов вооруженных сил и главнокомандующими объединенными командованиями ВС; определяет круг должностных лиц, имеющих официальное право принимать решение о передаче в СМИ тех или иных данных о деятельности ВС, и др.

Рассматривая средства реализации информационной политики США и западных государств, необходимо в первую очередь от-

метить новостные информационные агентства. Строго говоря, сами они, как правило, не занимаются передачей информации непосредственно ее конечным потребителям – читателям, слушателям, зрителям, а собирают информацию, обрабатывают ее и передают органам массовой информации. На сегодняшний день информационные агентства являются главными инструментами оперативного сбора и передачи информации внутри стран и между ними.

Так, под непосредственным руководством Совета национальной безопасности США функционирует Информационное агентство Соединенных Штатов (*USIA*, ЮСИА), директор которого одновременно является главным советником президента страны по вопросам информации. Располагая штатом около 10 тыс. человек и выпускающая информационные программы на 62 языках мира, ЮСИА имеет более 200 своих отделений в 120 странах мира!

Более 2 тысяч сотрудников французского агентства «Франс Пресс» (АПФ) работают в 13 отделениях во Франции и в 163 отделениях в различных регионах мира.

Занимающее ведущее место на немецком информационном рынке германское агентство печати ДПА имеет свои бюро и корпоративные пункты в 80 странах, причем половину расходов на их содержание берет на себя федеральное правительство.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в настоящее время мировые державы, благодаря наличию соответствующей правовой базы, органов и средств формирования и реализации информационной политики, располагают широкими и разнообразными возможностями для достижения своих политических и военных целей, защиты государственных интересов посредством влияния на общественное сознание как внутри страны, так и за рубежом. «Мы не побеждаем, пока CNN не говорит, что мы побеждаем». Эта фраза, принадлежащая американскому генералу Джону Шаликашвили – председателю комитета начальников штабов США в период кризиса на Гаити в 1994г. – наглядно отражает отношение высшего военного руководства США и западных государств в целом к использованию информационных ресурсов в решении задач со-

временных войн и вооруженных конфликтов.

Лет пять назад Центральное разведывательное управление США упоминало только Россию и Китай в качестве основных источников угрозы из киберпространства для Америки. Сегодня американские военные эксперты отмечают, что уже более 20 стран планируют и осуществляют различные виды информационных операций, направленных против Соединенных Штатов.

Оценка угрозы, проведенная Военно-морским флотом США, выделяет Россию, Китай, Индию и Кубу в качестве стран, которые открыто подтвердили политику подготовки к информационной войне и которые быстро развивают свои способности в этом направлении. Северная Корея, Ливия, Иран, Ирак и Сирия, по сообщениям, имеют потенциал и серьезное желание к продвижению в этом направлении, а Франция, Япония и Германия уже весьма активны в этой области.

Как же видят в разных государствах основные подходы к ведению информационной войны?

НАТО в целом

Согласно руководящим документам НАТО, принятым в 1999г., информационные операции определяются как «действия, предпринимаемые с целью оказания влияния на принятие решений в поддержку собственных политических и военных целей, путем воздействия на информацию, информационные процессы и системы командования и управления противника, при одновременной защите собственной информации и информационных систем». Подобно американскому подходу, в определении НАТО также введены понятия оборонительных и наступательных информационных операций.

Вместе с тем на проведенной объединенным штабом НАТО в начале 2000г. конференции по проблемам информационной войны все участники пользовались определениями, разработанными в их странах.

Великобритания

Британское представление об информационной войне во многом подобно таковому в Соединенных Штатах. Оно определяет информационную войну как действия по оказанию влияния на информационные системы противника при одновременной защите собственных информационных систем. «Свобода слова» в Великобритании регулируется по крайней мере десятком законов и множеством подзаконных актов. В настоящее время там действует более десяти государственных и независимых учреждений и организаций, занимающихся регулированием в сфере массовой информации. В Великобритании основные направления государственной информационной политики разрабатывает Британский совет совместно с Центральным бюро информации. Совет находится в непосредственном подчинении МИД Великобритании.

Организация связи с общественностью в структуре Министерства обороны Великобритании возложена на аппарат пресс-секретаря – начальника службы информации Минобороны. Руководитель этой службы (гражданское лицо) имеет ранг государственного чиновника. Кроме того, в Великобритании в 2000г. введен в действие комплекс законодательных актов, который в значительной степени может применяться к расследованию преступлений в киберпространстве – *Regulation of Investigatory Powers Act (RIP)*. Он предполагает, что нападения на информационные системы могут рассматриваться как обычное уголовное преступление со всеми вытекающими последствиями. Данный акт позволяет британскому правительству перехватывать и читать электронную почту, а также требовать расшифровки личных файлов по требованию государственных чиновников.

Германия

Немецкое представление информационной войны главным образом совпадает с таковым в США и Великобритании. Оно включает ведение наступательной и оборонительной информационной войны для

достижения целей национальной политики. Вместе с тем ФРГ имеет тенденцию оставаться более системной в подходах к обеспечению информационной безопасности, чем Соединенные Штаты, что вообще свойственно немецкой педантичности.

При определении угроз и возможных ответов иностранные государства рассматриваются отдельно от негосударственных организаций (типа политических партий, международных организаций и средств массовой информации). Также отдельно выделяются преступные сообщества (организованные преступные группы, хакеры и т.д.) и отдельные индивидуумы (религиозные фанатики и др.).

В двух случаях, однако, немецкое представление об информационной войне отличается от американского. ФРГ рассматривает управление средствами массовой информации как элемент информационной войны. Кроме того, Германия отдельно вводит определение для экономической информационной войны, подобно французам (см. ниже). Такой подход является следствием двух причин: Германия оценила потенциал возможного экономического ущерба, который может быть нанесен немецкому бизнесу и экономике; Германия, возможно, испытала существенные экономические потери от Франции в операциях индустриального шпионажа в киберпространстве; также Германия может искать пути смягчения последствий потенциальных вторжений.

В ФРГ система органов связи с общественностью бундесвера предназначена для освещения в СМИ вопросов военной политики, взглядов руководства ФРГ и НАТО на перспективы строительства и развития вооруженных сил, ведения информационно-пропагандистской работы с общественными и молодежными организациями, а также для изучения общественного мнения по вопросам военного строительства.

Франция

Французские военные эксперты рассматривают концепцию информационной войны, состоящую из двух главных элементов: военного

и экономического (или гражданского). Военная концепция предполагает несколько ограниченную роль информационных операций. Военная концепция определяет место информационным действиям в основном в контексте конфликтов малой интенсивности или в миротворческих операциях. В этом контексте союзники не рассматриваются как противники.

Напротив, экономическая (или гражданская) концепция включает более широкий диапазон потенциального применения информационных операций. Французское правительство принимает намного более широкое и более глубокое представление для конфликта в экономической сфере. В этом случае французы не видят себя связанными рамками НАТО, ООН или согласием США на проведение операций. Такой подход к экономическому конфликту учитывает возможность быть и союзником и противником одновременно.

В Вооруженных Силах Франции вопросами взаимодействия с общественностью занимается служба информации и общественных связей (*SIRPA*). Современная структура службы определена в 1990г., одновременно были уточнены и значительно расширены ее задачи и функции. *SIRPA* находится в непосредственном подчинении министру обороны и возглавляется бригадным генералом.

Франция активно формирует структуры по контролю за своими гражданами в киберпространстве. В ряде средств массовой информации отмечалось, что французы создали собственную версию системы «Эшелон» (по сообщениям американской прессы, система направлена на перехват фактически всех частных глобальных коммуникаций). «*Frenchelon*», так некоторые назвали эту систему, по сообщениям, используется для контроля и анализа коммуникаций, особенно в районе Парижа.

В последнее время правительство Франции, изучив опыт работы арабских телеканалов по освещению агрессии против Ирака, приступило к формированию собственного новостного спутникового канала, предназначенного для организации вещания на ряд азиатских стран, в которых позиции Франции традиционно сильны.

Китайская Народная Республика

Китай уже давно включил термин «информационная война» в лексикон своих военных специалистов [4]. Сегодня он неуклонно движется к формированию единой доктрины информационной войны. Фактически, если революция в военном деле определяется как существенное изменение в технологии, дающее преимущество в военном обучении, организации, стратегии и тактике военных действий, то, возможно, Китай из всех стран сегодня испытывает истинную революцию в киберпространстве.

Китайская концепция информационной войны включает уникальные, сугубо китайские представления о войне вообще. Эти представления основаны на концепции «народной войны», стратегемах великого Сунь-Цзы, а также местных представлениях о том, как воевать на стратегическом, оперативном и тактическом уровне. Много из этого подхода делает акцент на обмане, войне знаний и поиске асимметричных преимуществ над противником. Информационная война определена как «переход от механизированной войны индустриального возраста к... войне решений и стиля управления, войне за знания и войне интеллекта».

Китай развивает концепцию «сетевых сил» (воинские подразделения численностью до батальона), которые будут состоять из высококлассных компьютерных экспертов, подготовленных в ряде государственных университетов, академий и учебных центров. Предполагается, что основной акцент будет сделан на привлечение активной молодежи.

На сегодня было проведено уже несколько крупномасштабных учений этих сил по отработке концепции информационной войны.

По утверждению ряда американских экспертов [5], усилия Китая сегодня направлены, главным образом, на укрепление его экономического состояния, поддержание национального единства, значительное улучшение технологических и военных способностей, а также на увеличение регионального и глобального влияния.

Основным условием решения выдвинутых задач является минимальное или полностью отсутствующее явное и открытое противоборство, которое может привлечь внимание стран Запада к Китаю и региону в целом. По мнению американских специалистов, поставленная цель достигается реализацией уникальной формы информационной войны, эффективно использующей тактику обмана, маскировки и введения в заблуждение противника. Как утверждают американские эксперты, эта теория поддерживается различными источниками, которые имеют непосредственное отношение к «великой китайской стратегии» и стратегическому наследию Китая, и во многом ведет к пересмотру границ западного определения понятия информационной войны.

Особо следует отметить, что подобная трактовка развития китайского подхода к информационной войне существенно отличается от результатов, которые высказывались американскими экспертами всего несколько лет назад. Так, еще в 2001г. результат идентификации китайской доктрины информационной войны рассматривался ими как «разочаровывающе неуловимый». Однако существенное переосмысление произошло после опубликования книги китайских военных специалистов «Неограниченное противоборство» («*Unrestricted Warfare*»).

Ранее американские эксперты отмечали, что в открытой литературе китайские специалисты используют определения, практически полностью повторяющие американское видение информационной войны, а часто просто занимаются плагиатом. Однако большая часть экспертов обращает внимание на то, что копирование действительно может иметь место, а большая часть дебатов в Китае по рассматриваемой проблеме могла быть организована с целью сокрытия реальных намерений и способностей Китая, что заставляет воспринимать все это как масштабную кампанию по дезинформации. Некоторые эксперты предупреждают, что Соединенные Штаты должны быть осторожны, чтобы всецело не полагаться, будто Китай рассматривает информационную войну через призму открытых американских публикаций.

Как отмечается в ряде прогнозных исследований, выполненных за последние годы в аналитических центрах США, Китай становится главным экономическим и военным конкурентом Соединенных Штатов в наступившем столетии. Однако, несмотря на наличие такого серьезного противника, американское понимание стратегического наследия Китая, его «великой стратегии» и роли информационной войны в поддержке этой стратегии, по мнению американских экспертов, достаточно ущербно. Существующий сегодня в США уровень развития приемов и методов анализа и прогнозирования не позволяет полностью постичь то сильное и глубокое воздействие, которое имеет в действиях восточное стратегическое наследие Китая.

Вместе с тем недостаток любой официальной информации, закрытость китайского общества, ряд существенных разрывов в китайских открытых публикациях в области информационной войны между теорией и практикой, продолжающиеся дебаты и отсутствие единого мнения по ряду вопросов, а также уникальное влияние китайской стратегической традиции ставит перед американскими специалистами все более и более непредсказуемые вызовы в информационном пространстве.

По мнению аналитиков, сегодня американская военная доктрина, основанная на всеобъемлющем высокотехнологичном превосходстве, должна включать и совершенную оценку ситуации в различных областях, в первую очередь – в военной и информационной. Однако, как показали результаты ряда последних конфликтов, в которых приняли участие американские войска, США пренебрегают детальным изучением и осознанием стратегической культуры потенциальных противников. Классический пример – Вьетнамская война. Она показала, что наличие технически превосходящей силы недостаточно для победы над противником. Необходимо помнить, что цель любой войны состоит, прежде всего, в сломе воли противника к сопротивлению. Сегодня это ключевой аспект информационной войны. Эксперты отмечают, что, учитывая складывающуюся военно-стратегическую обстановку, а также продолжающееся раз-

мывание границ между войной и миром, область информационной войны требует еще более внимательного изучения всех аспектов, связанных с выработкой и принятием решений противником, а главное – его стратегической концепции.

Исследуя стратегию действий Китая, а также роль и место в ней средств и методов информационной войны, американские аналитики столкнулись с рядом фундаментальных отличий, корни которых лежат в культурном различии Западной и Восточной цивилизаций. По мнению специалистов, наиболее рельефно отражают различия в менталитете народов древнейшие логические игры, получившие широкое распространение и признание на Востоке и на Западе: для Запада это шахматы, а для Востока – игра Го. Шахматы предполагают наличие полного комплекта фигур до начала поединка, в то время как партия Го начинается с чистого игрового поля. В процессе игры в шахматы силы противников убывают пропорционально утрате отдельных фигур, вместо этого в Го силы одного из противников увеличиваются за счет установления контроля над фигурами другого противника. Чем больше длится партия в Го, тем чувствительнее становятся позиции противников к ошибкам, тем значительнее становятся преимущества того, кто первый сможет воспользоваться ошибкой противника. Итог шахматной партии – разгром армии противника и гибель короля, при этом, как правило, серьезно страдает и собственная армия, итог же партии Го – установление контроля над большей частью территории игрового поля, причем сила победителя тем больше, чем больше была сила противника. Важным итогом этой аналогии является осознание сути восточной стратегии противоборства: в стратегии нужно стремиться к большему влиянию при минимальных затратах, при этом не уничтожать противника и собственную нацию в бесконечной борьбе, а использовать ресурс и возможности противника для собственного роста.

Важным является также и то, что главной целью остается не победа над противником любой ценой, даже ценой его полного истребления, но, избегая непосредственных столкновений и стратегических перемещений сил, достижение господства, выживания и

процветания собственного народа. Этот подход оставляет жизнеспособной нацию, позволяя ей доминировать над процветающим миром, а не над миром разрухи, негодования и бедности.

В качестве еще одного подтверждения культурных различий американские эксперты отмечают следующее: Китай официально не опубликовал свою «великую стратегию», однако анализ различных источников позволил американским специалистам идентифицировать две стратегические цели Китая: развитие «всесторонней национальной мощи» и максимизация «стратегической конфигурации силы», названной китайскими специалистами «ши», с целью поддержания независимости и создания импульса для усиления национальной мощи.

Полная стратегия Китая остается закрытой от широкой публики, однако наибольший интерес, по мнению экспертов, представляет именно англоязычная интерпретация китайского «ши», так как в отношении этого термина отсутствует какой-либо западный эквивалент. Лингвисты трактуют его как «выравнивание сил», «склонность вещей» или «потенциал, рожденный диспозицией», который в руках высококлассных стратегов может гарантировать победу над превосходящей силой.

Осознание базовых принципов китайской стратегии позволяет американским аналитикам утверждать, что сегодня в Китае может превалировать совсем иное представление о США как о глобальном противнике. Наиболее вероятно, что, базируясь на культурных различиях и «стратегии Го», Китай видит Соединенные Штаты как препятствие к достижению контроля и влияния в регионе и в мире в целом, однако победа Китая над этим противником невозможна без использования ресурса самого противника. Учитывая безусловные выгоды во взаимодействии с Соединенными Штатами – прежде всего в вопросах торговли и технологий, Пекин, очевидно, полагает, что Соединенные Штаты представляют существенный долгосрочный вызов. Руководство Китая утверждает, что Соединенные Штаты стремятся поддерживать доминирующее геостратегическое положение, сдерживая рост китайской мощи, и в конечном счете их стрем-

ление будет направлено на расчленение и «вестернизацию» Китая, одновременно не допуская возрождения России. Кроме этого, Китай отрицательно относится к взаимоотношениям США с Японией и Тайванем.

В целом же аналитики предполагают, что в ближайшей перспективе Китай будет стремиться уменьшить влияние США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не предпринимая при этом резких конфронтационных действий с тем, чтобы не допустить открытого противостояния с превосходящими силами.

Между тем современная американская военная доктрина стремится к достижению информационного превосходства над противником путем массированного использования высокотехнологичных систем вооружения и военной техники, поддержанных разветвленной инфраструктурой командования, управления, систем связи и разведки, а также широким использованием высокоточного оружия для уничтожения ключевых целей. Основной задачей является при этом разрушение способностей противника по управлению войсками. Информационные действия ведутся американскими войсками в поддержку традиционного кинетического оружия. Основываясь на подобной доктрине, цель американских военачальников сегодня заключается в том, чтобы быть на несколько шагов впереди противника, находясь внутри его цикла принятия решений, обладая актуальной информацией и не допуская противника к пониманию характера действий своих войск, быстро наносить удары по противнику с хирургической точностью. Однако, возвращаясь к аналогии шахмат и Го, американская военная доктрина сегодня – это только иной способ изложения еще одного варианта, как победить в шахматах.

Основной вывод экспертов сводится к тому, что существующая сегодня в Китае концепция информационной войны не есть борьба в традиционном, западном смысле этого слова. Информационные действия Китая сегодня идут вне военной области, которая более традиционна для Запада. Они, главным образом, базируются на достижении благоприятного для Китая развития событий и их положительного исхода вместо наращивания мощи технических

средств или использования текущей уязвимости американской инфраструктуры. Цели информационных действий Китая, вероятнее всего, удалены во времени на десятилетия в противоположность существующей американской тенденции к немедленным, но краткосрочным успехам.

Эксперты полагают, что версия о том, что Китай в настоящее время ведет информационную войну «незападной» формы, получает достаточно много подтверждений. Так, в последнее время Китай стремится накапливать как можно больше значащей информации (особенно в области экономики и обороны), защищать собственную информацию, лиц, принимающих решения, и национальное единство. Китайцы стремятся эксплуатировать информационные системы их противника, создают общественные структуры, пытаются влиять на процесс принятия решений их противником. При этом Китай пробует скрыть свои собственные намерения от Запада, потому что китайские стратеги осознают преимущества такого положения: возможность эксплуатации намного больше, когда цель предпринимаемых действий не осознается противником.

По мнению американских экспертов, если Китай намеревается победить, не вступая в открытое противоборство, то он в ближайшие годы будет тщательно придерживаться выбранной линии подкупа, запугивания, заимствования и кражи каждого возможного преимущества, но не противопоставляя при этом себя Западу и не идя на открытую конфронтацию.

Анализ открытой китайской литературы позволил американским экспертам выделить ряд базовых положений китайской концепции информационной войны. К ним относят: атаки на компьютерные сети, информационные операции, экономические операции, высокоточные удары и направленные акции. Среди наиболее часто описываемых целей возможной войны было идентифицировано пять: преимущество национальной безопасности, экономическое преимущество, финансовая выгода, политическое влияние и изменение политики. В перспективе можно ожидать тесного переплетения всех четырех инструментов национальной мощи: вооруженных

сил (преимущество национальной безопасности), экономики (финансовая выгода), дипломатии/политики (изменение политики) и информации (политическое влияние). Таким образом, любые средства, которые увеличивают национальную мощь, рассматриваются китайскими стратегами в качестве средства противоборства.

Понимание американскими экспертами китайского подхода к концепции информационной войны в академических кругах и сообществах экспертов остается сегодня недостаточным для построения адекватной стратегии противодействия Китаю в информационной сфере в ближайшие годы.

На основе детального анализа доступных источников делается вывод о том, что уязвимость инфраструктуры Америки сегодня, безусловно, очень высока, и угроза «электронного Перл-Харбора», особенно со стороны негосударственной организации, ответные действия против которой были бы весьма затруднены, не должна игнорироваться. Однако в случае с Китаем, за исключением его возможного нападения на Тайвань, следует особенно внимательно относиться к долгосрочным целям его концепции информационной войны, которые гораздо больше сосредоточиваются на экономике и региональном влиянии. Эксперты подчеркивают, что экономическое развитие остается для Китая самым высоким национальным приоритетом.

Источники и литература

1. *Шиллер Г.*, «Манипуляторы сознанием» (пер. с англ.). М., 1980, сс. 25-40.
2. *Писарев В.Д., Хозин Г.С.*, «Механизм выработки внешнеполитических решений» // США: экономика, политика, идеология, 1996, №1, сс. 28-29.
3. *Николаев Д.*, «США готовы нанести удар по Ираку» // Независимое военное обозрение, 2002, №10.
4. *Qiao Liang; Wang Xiangsui*, Unrestricted Warfare. PLA Literature and Arts Publishing House. Beijing, 1999.
5. *Yoshihara Toshi*, Chinese information warfare: a phantom menace or emerging threat? – Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2001.

Рачья Арзуманян

**КОНЦЕПЦИЯ ОПЕРАЦИЙ,
БАЗИРУЮЩИХСЯ НА
ДОСТИЖЕНИИ ЭФФЕКТОВ**

ЭВОЛЮЦИЯ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ОБДЭ

Концепция «операции, базирующиеся на достижение эффектов (ОБДЭ)» (*effects-based operations*) описывает влиятельное и многогранное явление западной военной мысли. В настоящее время имеется множество трактовок и интерпретаций ОБДЭ, что отражает сложность процессов, которые призвана отразить данная концепция. Сама идея, лежащая в основе ОБДЭ, достаточно проста. Концепция ОБДЭ исходит из того, что при планировании и проведении военных операций и кампаний необходимо фокусироваться скорее на оказании влияния на поведение противника, нежели только на разгроме его вооруженных сил. Какие последствия и эффекты окажут наши действия и шаги на противника, союзников и нейтральных наблюдателей? Как они воспримут те или иные шаги не только на военной, но и других аренах. Такая постановка проблемы требует от военного руководства чего-то большего, чем одержание военной победы. В концепции ОБДЭ военная кампания и физический разгром противника становятся только одним из возможных методов и инструментов достижения цели любой войны – принудить противника следовать определенному курсу действий в рамках реализуемой нами политики [55, pp. 103-104].

Таким образом, концепция ОБДЭ явно выходит за рамки тактики и требует стратегического мышления, способности мыслить не только театром военных действий, военной кампании, но всеми аренами, на которых разворачивается противостояние. Такой подход, безусловно, является вызовом и требует изменений в западном военном мышлении. Согласно Институту военного анализа (*Institute for*

Defense Analyses (IDA)), мышление, ориентированное на планирование и проведение ОБДЭ (БДЭ-мышление) [29, р. 6] предполагает в числе прочего понимание важности соединения оперативных и стратегических результатов боевых действий с прочими элементами национальной мощи – политической, информационной, экономической¹. Это требует непрерывной оценки тех эффектов, которые оказывают наши действия, и, при необходимости, адаптации планов и действий для приведения их в соответствие с реальностью разворачивающегося конфликта. Такое понимание возможно, если командующий обладает стратегическим видением и в состоянии ясно и четко представлять, какие эффекты он должен обеспечить и при помощи каких средств, что предполагает взаимопонимание между лицами, принимающими политические и стратегические решения (высшее руководство страны) и военными [1, р. 23]. Это, в свою очередь, требует создания общего пространства терминов, понятий, смыслов – того языка, на котором говорят и понимают друг друга все элементы национальной мощи нации. Концепция ОБДЭ претендует на разработку такого общего универсального языка.

Тем самым ОБДЭ является скорее типом военного мышления, нежели новой формой войны, предполагающей способность мыслить категориями сферы национальной безопасности, и, следовательно, требует выхода за пределы военной сферы [14, р. 34]. БДЭ-мышление не является чем-то новым, и успешные военачальники всех времен всегда выходили за пределы военной кампании, стараясь, в том числе, постигнуть противника, оценить и принять во внимание его намерения. Ответственный командующий никогда не позволит себе планирование и проведение операций, опирающихся на надежду и веру в то или иное поведение противника, но не его зна-

¹Современная военная доктрина США различает четыре категории мощи, имеющиеся в распоряжении нации: дипломатическую, информационную, военную и экономическую (часто используется аббревиатура *DIME* (*diplomatic, informational, military, and economic power*). До последнего времени в качестве отдельной категории использовалась и социально/психологическая мощь, а также политическая, которые объединены в настоящее время с информационной и дипломатической, что не совсем правомерно. См. [4, р. 84].

ние [29, pp. 17-18]. Аналогичный подход к военному искусству мы находим у классиков стратегической мысли Сунь-Цзы, Клаузевица, которые считали, что гораздо важнее сфокусироваться на оказании влияния, оформлении мышления и поведения противника, нежели только на разгроме его сил. Они прекрасно понимали, что важным является не тактический уровень войны, но стратегический. Военное искусство заключается не только и не столько в том, чтобы уничтожить физические возможности противника вести боевые действия, но заставить его следовать желательному для нас курсу действий. Тем не менее, такой подход к войне является редкостью, и современное западное военное мышление остается ориентированным на цели и физическое уничтожение противника [74, pp. 35-77]. Концепция ОБДЭ претендует на иное, более широкое видение.

Как уже отмечалось, на сегодняшний день существует множество трактовок концепции ОБДЭ. В такой ситуации рассмотрение концепции целесообразно начать с истории ее эволюции, что, помимо всего прочего, позволит показать, что идеи, лежащие в основе ОБДЭ не новы [51, p. 10]. Историки и военные теоретики могут легко показать, что эффективная война на протяжении всей истории так или иначе использовала основные принципы ОБДЭ. «Однако подходы к боевым действиям, базирующиеся на эффектах, применялись в истории только спорадически, и в силу множества причин приводили к непоследовательному успеху» [59, p. 1].

Принципы ОБДЭ в мировой военной истории и наследии военной мысли

Одна из первых ОБДЭ, отраженных в истории, была проведена фараоном Тутмосом III во 2 тысячелетии до н.э., результатом которой стала стремительная победа над численно превосходящей коалицией ханаанитян. «Стратегическая цель» фараона заключалась в обеспечении полного контроля над Египтом и расширении его территориальных владений, «операционная» – в разрушении армий восставших царей Ханаана, возглавляемых царем Кадеша и поддерживае-

мых Митаннией. Во время сражения под Мегиддо в 1454г. до н.э. Тутмос III использовал комбинацию военных рейдов, информационных операций и военного обмана, позволивших ему достичь поставленных целей.

Армия коалиции заняла высоты вокруг крепости Мегиддо, контролировавшей три главных караванных пути, ведущих в Малую Азию и Месопотамию. Тутмос III послал в восставшие города письма, призванные вызвать в них панику, и развернул свою армию таким образом, чтобы получить позиционное преимущество и пресекать маневры ханаанитян, стремящихся получить контроль над караванными путями. Чтобы поднять боевой дух своей неопытной армии и вызвать панику у ханаанитян, Тутмос III перед генеральным сражением и на виду врага провел парад с полной парадной выправкой. Коалиция ханаанитян оказалась не готова к такой стратегии и методам войны. Ее быстрая и хорошо организованная атака была отбита, и войска были вынуждены бежать в город. Армия Тутмоса в течение семи месяцев осаждала Мегиддо и, в конечном счете, захватила его и руководителей восстания [1, pp. 10-11].

Одно из требований фараона к покоренным царям заключалось в том, чтобы каждый из побежденных правителей на время отправил к египетскому двору одного из своих сыновей для получения образования, знакомства с египетскими обычаями и традициями. Конечным эффектом кампании стали стабильность и спокойствие северных провинций Египта во время всего периода правления Тутмоса III. Египет усилился, его границы «расширились на севере до Сирии и на востоке до Евфрата», и он «пробудил страх в Хеттской и Вавилонской империях», что создало условия для последующего их поражения [9, p. 10].

Начиная с военных кампаний, проводимых Тутмосом III, одаренные полководцы, с тем или иным успехом, пытались придерживаться подхода, базирующегося на достижение эффектов (БДЭ-подхода), когда военные цели подчиняются задаче достижения желаемых политических результатов. В военной истории можно найти

примеры как блестящих побед, так и полных поражений и крайней неэффективности ОБДЭ. Именно поэтому выстраивание концепции ОБДЭ с опорой на историческую науку сопряжено с объективными трудностями. История не в состоянии обеспечить понимание закономерностей проведения такого рода операций, что вынуждает при рассмотрении эволюции ОБДЭ обратиться непосредственно к наследию стратегической военной мысли, в частности Клаузевицу. В своей работе «На войне» Клаузевиц говорит: «Даже конечная цель наших войн – политическая цель – не всегда бывает совершенно проста; но хотя бы она и была простой, действие остается связанным с таким множеством условий и соображений, что цель не может быть достигнута посредством одного большого акта, но достигается лишь рядом более или менее крупных и мелких актов, соединенных в одно целое. Каждый из этих отдельных актов есть, следовательно, часть целого, имеющая поэтому свою особую цель; при посредстве последней она и связывается с этим целым» [77, р. 318].

Очевидно, что реализация такой формы ведения войны, является более чем сложной, так как требует оркестровки и гармонизации всех элементов национальной мощи перед лицом сложного противника, обладающего способностью адаптироваться к предпринимаемым действиям. Армии и нация, способная вести такую войну должна уметь проводить быстрые оценки действий и эффектов, которые они вызывают, – все те проблемы, которые мы видим при рассмотрении концепции ОБДЭ [1, р. 15].

Развитие принципов ОБДЭ в начале XX века

Самыми ранними защитниками БДЭ-подхода начала XX века являются итальянский военный теоретик генерал Джулио Дуэ (*Giulio Douhet*) и американский генерал ВВС Уильям Митчелл (*William Mitchell*), которого называют отцом ВВС США [47, pp. 27-33].

Генерал Дуэ развил свою теорию широкого применения ВВС на фоне безвыходного положения на фронтах Первой мировой войны и тупиковости войны на истощение (*attrition warfare*). В своей

работе «Командование воздухом» [25] в 1921г. Дуэ апеллировал к ряду простых и ясных доводов и суждений:

1. современная война не позволяет провести различие между военными и гражданским населением;
2. успешные наступления сухопутными силами более невозможны;
3. преимущества скорости и высоты на трехмерной арене воздушной войны лишают возможности принимать защитные меры против наступательной воздушной стратегии;
4. следовательно, нация должна быть готова к началу массивных бомбардировок вражеских центров населения, правительства и промышленности – ударить первыми и ударить сильно, чтобы разрушить дух гражданского населения противника, не оставляя правительству противника никакого другого выбора, кроме как просить мира;
5. чтобы этого добиться, в первую очередь необходимы независимые воздушные силы, вооруженные бомбардировщиками дальнего действия, находящимися в постоянной боевой готовности [38, р. 630].

Дуэ писал: «Людам, которых бомбят сегодня, поскольку их бомбили вчера, и которые знают, что их снова будут бомбить завтра и нет конца их мучениям, в конце концов воззовут к миру» [25, р. 276], и «...не может произойти полного разрушения социальной структуры страны, подвергшейся такому безжалостному уничтожению с воздуха. Довольно скоро наступит время, когда, чтобы положить конец ужасу и страданиям, сам народ, ведомый инстинктом самосохранения, восстанет и потребует положить конец войне – еще до того, как армия и флот смогут полностью отмобилизоваться!» [25, р. 58].

В США наиболее ранним и горячим сторонником ВВС стал Уильям Митчелл, адаптировавший взгляды Дуэ к американским условиям. Митчелл один из первых понял, что авиация несет с собой революционные изменения и новые возможности, которые фундаментальным образом изменят формы войны и будущие военные кампании.

«Пришествие ВВС, которые могут прямо достичь жизненных центров и полностью нейтрализовать или разрушить их, придали совершенно новый характер старой системе проведения войны. Теперь уже стало реальностью то, что уже развернутые основные силы противника, являются ложной целью, и реальными целями являются жизненные центры. Старая теория, когда победа означает разрушение основных сил противника, уже несостоятельна» [41, р. 255].

Как и Дуэ, Митчелл говорил о тотальной войне будущего, которая будет охватывать всю нацию. Во время войны атакам будут подвергаться «все жизненно важные цели враждебной нации, позволяющие ей вести войну, включая, как гражданские (города, аграрная, производственная, транспортная инфраструктуры), так и военные (авиационные заводы, военные учебные заведения, военное производство, средства коммуникации, нефтяная промышленность и производство ГСМ)» [42, pp. 10, 126-127].

Как и Дуэ, Митчелл верил, что задача ВВС в будущей войне заключается в обеспечении господства в воздухе, которое должно стать прелюдией любых сухопутных или морских операций. Если оно будет потеряно, то противник сможет диктовать условия мира «в любом месте территории США, где только пожелает» [40, pp. хix, хxi]. Как следствие, Митчелл делает вывод, что ВВС должны доминировать над сухопутными и военно-морскими силами и иметь статус отдельного рода войск со своей централизованной системой командования и управления. Независимость ВВС представлялась Митчеллу ключевым элементом эффективности воздушных сил в будущих войнах – «централизованная координация всех воздушных возможностей автономным командованием воздушных сил, освобожденным от своей зависимости от армии. Он чувствовал, – если бы эта цель могла бы быть достигнута, все остальное встало бы на свои места» [37, р. 631].

Таким образом, военные теории генералов Дуэ и Митчелла, делающие акцент на проводимые независимыми ВВС стратегические атаки, призванные сломить волю к борьбе противника, – идеи, кото-

рые до сих пор являются элементами действующей доктрины ВВС США [60], – позволяют рассматривать их как основоположников БДЭ-подхода в XX веке. Творчество генералов недвусмысленно показывает, что принципы БДЭ-подхода нельзя связывать только с технологическими прорывами конца XX и начала XXI века [15, pp. 76-77].

Развитие и применение принципов ОБДЭ до и во время Второй мировой войны

Довоенный этап

Дальнейшее развитие идей генералов Дуэ и Митчелла происходит незадолго до начала Второй мировой войны в рамках школы тактической подготовки авиации сухопутных войск США (*Air Corps Tactical School (ACTS)*), осуществивших «тонкое, но очень важное изменение доктрины Дуэ и Митчелла. Последние защищали разрушение заводов и промышленных центров и центров населения. Школа же предпочитала разрушение или паралич национальных органических систем, от которых зависят множество заводов и большое количество населения...» [32, p. 12].

Речь идет о теориях стратегических воздушных кампаний и «промышленной сети» (*industrial web*) или ключевых промышленных звеньев, оказавших большое влияние на воздушные кампании США во время Второй мировой войны, которые можно рассматривать в качестве прообразов ОБДЭ. Преподаватели школы тактической подготовки рассматривали национальную экономику в виде взаимодействующих между собой секторов, связанных друг с другом транспортными и прочими сетями, в совокупности формирующими общую национальную сеть экономики. Предполагалось, что в данной сети существуют узкие места (горловины), удар по которым приведет к ее распаду и, следовательно, неизбежному параличу экономики.

«...современная война ведет к огромной нагрузке на экономическую систему нации, что увеличивает ее чувствительность к атаке

магистрала (манифолы – *manifold*). Несомненно, выход из строя какой-либо части этой сложной взаимосвязанной организации должен серьезно повлиять на способность нации проводить войну и наносить существенный вред социальному благополучию и морали его граждан» [27, pp. 8-9].

Горловины имеют специфические характеристики, – они критически важны для других секторов экономики. Их тяжело заменить или восстановить, а разрушение приводит к параличу или коллапсу всей индустрии. Тем самым разрушение сетей противника рассматривалось как первоочередная цель войны: «Вследствие этого принимается, что современные индустриальные нации чувствительны к поражению от появления разрывов в этой сети, которая построена, чтобы сделать возможной зависимость одного сектора от многих или всех других секторов. Более того, осуществление таких разрывов является первоочередной задачей военно-воздушных сил. Возможно, что наступающий вследствие разрушения этой плотно связанной сети моральный коллапс будет достаточен, но с данной сетью тесно связана и промышленная структура, которая абсолютно необходима для современной войны» [2, p. 3].

Особый статус имеют электрические и транспортные сети – два наиболее важных сектора, паралич которых должен ударить как по социальному климату в обществе, так и военно-промышленному комплексу нации. Таким образом, доктрина школы тактической подготовки авиации сухопутных войск США исходила из того, что разрушение сетей будет приводить не только к параличу военно-промышленного комплекса противника, но и к деморализации гражданского населения, вынуждая его капитулировать.

Опыт нацистской Германии

Попытки реализации вооруженной борьбы на принципах, которые сегодня могли бы быть отнесены к ОБДЭ, предпринимались и нацистской Германией. Чтобы выиграть «Сражение за Атлантику»¹,

¹ Термин, введенный в оборот Уинстоном Черчиллем в 1941г. для описания серии сложных военных и гражданских кампаний, распределенных во времени и пространстве. См. [52, pp. 122-127; 16].

Германия должна была выявлять и поражать критические точки в обороне Великобритании, стараясь при этом сохранить нейтралитет США. Это означало:

- координированную разведывательную кампанию, позволяющую выявлять точки скопления материальных и человеческих ресурсов, по которым наносились бы удары;
- скоординированные и сбалансированные воздушные и морские (минные) кампании, охватывающие территорию Великобритании и ее воды;
- точно сбалансированную морскую кампанию в международных водах, позволяющую сохранить нейтралитет США;
- развертывание соответствующей политической кампании, которая сделала бы невозможной или минимизировала бы помощь со стороны США [3, pp. 78-79].

Реализация такой стратегии требовала не только оценки непосредственно военного ущерба, но и точных политических, дипломатических и экономических оценок «эффекта» предпринимаемых шагов и усилий, что позволило бы наиболее продуктивным образом определять последующие шаги политического руководства нацистской Германии. Чтобы обеспечить такие оценки, необходимо было не только сведение воедино большой стратегии, стратегического, операционного и тактического уровней ведения войны, но и политического, дипломатического, экономического и пр. уровней активности германского государства. Только при таком подходе можно было сократить время принятия эффективных решений, которые, в конечном счете, помогли бы переиграть Великобританию [3, p. 79].

Иногда предполагается, что немцы имели худшую организацию сбора разведанных и систему анализа, нежели Великобритания. Однако факты говорят о том, что Германия имела превосходство практически во всех сферах военного дела: операционном искусстве, тактике, подготовке личного состава, военном производстве, системах вооружения и пр., и Черчилль знал об этом. Единственное

преимущество, которым обладала Великобритания, была гибкость и креативность британского правительства, его способность создавать самоорганизующиеся структуры оргкомитетов, позволяющие оркестрировать проведение войны на всех ее уровнях [3, pp. 79-87]. В то же время сама структура и отправление власти в нацистской Германии исключала такой всеобъемлющий подход, что сводило на нет вероятность одержания победы в «Сражении за Атлантику».

Опыт западных союзников по антигитлеровской коалиции

Теория промышленных сетей школы тактической подготовки авиации сухопутных войск США, во многом благодаря усилиям военных летчиков и аналитиков, прошедших данную школу, легла в основу воздушных кампаний западных союзников во Второй мировой войне. Немецкая экономика была разделена на ряд секторов: электроэнергетика, производство стали, ГСМ, авиационная промышленность, транспорт, цветная металлургия, машиностроение, пищевая промышленность, – изучение которых позволило выделить цели воздушных атак и объемы бомбометания [31, pp. 49-51]. Также была определена приоритетность целей, которая выглядела следующим образом:

- ВВС Германии, включая авиационные, алюминиевые, магниевые и двигателестроительные заводы;
- Электроэнергетика, включая электростанции и подстанции;
- Транспорт, с основным фокусом на железнодорожный и водный;
- ГСМ, включая нефтеперерабатывающие заводы и заводы по производству синтетического горючего;
- Моральный дух немецкого народа [31, pp. 49-51].

Далее планировщиками¹ была выделена сеть взаимосвязей: «Множество факторов формировали жизненные связи в германской индустриальной и военной мощи. Важнейшим вопросом являлось

¹Офицеры по оперативному планированию, специалисты штабов по вопросам планирования, органы военного планирования.

то, какие из связей наиболее важны? И какие из них наиболее уязвимы для воздушных атак? Какие связи внутри данной категории наиболее трудно заменить, или они «тяжелы» для рассредоточения или перемещения под землю? Каждая связь в цепи имела свои пересекающиеся связи, и поиск мог проводиться как для одного или множества ключевых точек, так и всей структуры» [31, р. 79].

Мансур Олсон (*Mancur Olson*) обращает внимание на то, что планировщики воздушных кампаний союзников смогли справиться с тактическими вызовами, но не стратегическими [46, pp. 308-314]. Атака узких мест сетей решала тактические задачи, но была не в состоянии повлиять на способность германской экономики осуществлять стратегические сдвиги и восстанавливать свою функциональность, адаптируясь к последствиям стратегических бомбардировок: «...современная экономика, в конце концов, не похожа на хорошие часы на камнях: она может потерять какую-то часть и продолжать функционировать. Общеизвестно, что современная экономика «запутана и взаимозависима», как дорогие часы, но аналогия здесь должна быть остановлена. В то время как часы не могут заменить одну из своих деталей, экономика может <...> в современной экономике изменение является законом жизни, а адаптация к изменениям общим местом, – и в мирное время, и военное. Будет правильнее сравнивать экономику с деревом, которое может отрастить новые ветки, если срезаются старые, нежели со зданием, которой рухнет, если разрушить часть его фундамента» [46, р. 312].

Хотя массированные бомбардировки сыграли свою роль в поражении Германии, они имели частичный успех. Даже когда весной 1944г. авиация западных союзников достигла господства в небе Оси, точность бомбометания требовала тысячи самолетовылетов на каждую цель. На протяжении всей войны только приблизительно 20% бомб достигала целей [58, р. 13]. Для достижения успеха в стратегической воздушной кампании требовалось одновременное участие такого количества самолетов, которое не в состоянии была обеспечить ни одна экономика того времени. Как следствие, для создания

необходимой плотности огня стратегические цели атаковались последовательно. Например, атаки производственных мощностей по производству шарикоподшипников и авиационной промышленности заняли семь месяцев. Даже с достижением господства в воздухе атака транспортной системы Германии заняла пять месяцев, а воздушная кампания против нефтяных месторождений в Румынии – шесть. Такие относительно длительные периоды сосредоточения сил против одной цели давали противнику время оправиться и восстановить парализованные системы. Как следствие, ВВС западных союзников удавалось парализовать не более чем одну систему в конкретный промежуток времени [23, pp. 8-9].

Пять лет стратегических бомбардировок Второй мировой войны произвели большой эффект. Они унесли сотни тысяч жизней гражданских лиц, разрушили города, сократили объем промышленного производства и нанесли урон транспортным коммуникациям. Тем не менее, вопреки широко распространенному мнению, к концу войны более 90% производственных мощностей Германии оставались неповрежденными, создавая стартовую площадку для послевоенного «экономического чуда» [49]. Более того, массированные бомбардировки не смогли оказать существенного влияния на стратегические решения Германии, не говоря о том, чтобы их оформлять [15, p. 81]. Вермахт должен был быть побежден на земле, и решающую роль в разгроме нацистской Германии сыграли не новые теории и концепции, но СССР и Красная армия [49].

Таким образом, хотя стратегические бомбардировки сыграли важную роль в поражении нацистской Германии, многие довоенные предположения и положения теории оказались некорректными. Инфраструктура промышленности оказалась эластичной и гибкой «перед лицом невероятных затруднений и трудностей», а дух гражданского населения оказался неуловимой целью, которая так и не была поражена [15, p. 81]. Массированные бомбардировки, даже такие, как бомбежка Дрездена, оказывали скорее противоположный эффект на гражданское население. В отличие от предсказаний тео-

рии, вместо паники и коллапса можно было наблюдать единение и возрастание моральной поддержки общества военных усилий вермахта. Вторая мировая война показала, что политические режимы – как демократические, так тоталитарные, оказались в состоянии обеспечить поддержание политической стабильности и добиться поддержки со стороны общества [44, р. 93].

Испытания реальной войной сделали необходимым пересмотр ряда положений теории стратегических бомбардировок, на основе которой планировались воздушные кампании западных союзников. «Требую так много для авиации до и после войны, пилоты создали ложное восприятие, не поддерживаемое ни документальными доказательствами, ни историческими фактами. Наступательные стратегические бомбардировки внесли свой вклад в победу постольку, поскольку поддерживали усилия сухопутных и военноморских сил Союзников» [44, р. 92].

Послевоенный анализ показал, что «...удары по одной индустрии с оружием, доступным в 1943г. и начале 1944г., было огромным предприятием, требующим непрерывных атак для достижения окончательных результатов» [58, р. 18]. Во Второй мировой войне командующие ВВС были «вынуждены заменять точность огромным тоннажем...» [22, р. 283]. Проблема, которая сделала необходимым развитие новых военных технологий и высокоточного оружия. Уже во время Второй мировой войны началось первое боевое использование высокоточных боеприпасов [19, р. 259]. В последний год Вьетнамской войны можно было наблюдать первое крупномасштабное использование бомб с лазерным наведением [34, р. 226]. Развитие высокоточного оружия позволило во время войны в Персидском заливе (операции «Буря в пустыне») отойти от массовых авиационных ударов. Было использовано более 9000 бомб с лазерным наведением из приблизительно 220 000 авиационных бомб. В ряде случаев один самолет с высокоточным боеприпасом позволял достичь такого же эффекта, что и рейд 1000 самолетов с более чем 9000 бомбами во время Второй мировой войны [34, р. 226].

Таким образом, попытки проведения ОБДЭ во Второй мировой войне, возможно, потерпели неудачу, однако без апробаций положений теории невозможно ее улучшать. Эффективность стратегических бомбардировок оказалась низкой благодаря как отсутствию соответствующих систем вооружения, позволяющих таким операциям быть эффективными, так и непроработанности ряда концептуальных положений, которые уточнялись и развивались уже после Второй мировой войны.

Развитие и применение теоретических основ ОБДЭ во второй половине XX века

Операция «Буря в пустыне»

Джон Варден. Дальнейшая эволюция идей, легших в основу концепции ОБДЭ, рядом исследователей связывается с военным опытом американских летчиков, которые были потрясены порой бессмысленным и неэффективным использованием ВВС во Вьетнаме, и их желанием повысить эффективность воздушных кампаний [6, pp. 38-57]. Операция «Буря в пустыне» стала первой серьезной возможностью реализовать подход, когда атакуются не цели противника, но его системы [45]. Основы данного мышления были, фактически, заложены полковником ВВС США Джоном Варденом (John Warden) в начале 90-ых, когда он проходил службу в составе группы «Черная дыра» («*Black Hole*»), входившей в состав планировщиков Объединённого Центрального Командования (ОЦК) США (*U.S. Central Command (USCENTCOM)*) во время проведения операции «Буря в пустыне». Группа занималась планированием боевого применения ВВС. Стратегическая цель разработанной воздушной кампании заключалась в проведении ударов по ряду систем Ирака, с целью достижения «эффекта», заключавшегося в выводе атакуемых систем из-под иракского контроля [1, p. 14].

Идеи Джона Вардена, предложившего описание противника

как системы, а будущей войны – как параллельной войны, заложили интеллектуальный базис концепции ОБДЭ в конце XX века [26]. Анализ систем противника проводился на основе пяти концентрических «колец» влияния», существующих вокруг высшего и военного руководства противника. Варден утверждал, что быстрое развитие военных технологий предоставляет вооруженным силам США новые инструменты и возможности, позволяющие выявлять стратегические цели противника, воздействовать на них и достигать желаемых эффектов, поддающихся измерению. Соединенные Штаты в состоянии на стратегическом уровне осуществлять параллельную атаку жизненно важных целей, вызывающих «шок и трепет»¹ в системах противника и приводящих к их быстрому коллапсу. Тем самым, новые возможности «делают очень реальным то, что Клаузевиц назвал идеальной формой войны» [72, р. 54].

Дэвид Дептула. Дальнейшее развитие концепции ОБДЭ связывается с бригадным генералом Дэвидом Дептула (*David A. Deptula*), – одним из ведущих планировщиков группы «Черная дыра», и его анализом планирования воздушной кампании во время операции «Буря в пустыне». Генерал Дептула в значительной степени основывался на базисных понятиях параллельной войны и модели пяти колец полковника Вардена, в которой разрушение вооруженных сил противника представляется менее важным, нежели достижение эффектов, приводящих к параличу его организационных структур. Однако в отличие от Джона Вардена, ориентировавшегося на боевое применение военно-воздушных сил, Дэвид Дептула экстраполирует данный подход на все элементы национальной мощи: дипломатическую, информационную и экономическую мощь [51, рр. 14-15]. При этом важное значение придается системному подходу к рассмотрению противника. Взгляды Дэвида Дептула впервые были изложены в монографии «Операции, базирующиеся на дости-

¹ Термин восходит к известному философу С.Кьеркегору, но в данном значении впервые использован в работе [71].

жении эффектов: изменение в природе войны» [23, pp. 8-9], в которой он утверждал, что прорыв в области военных технологий (в первую очередь – стелс-технологий и высокоточного оружия) привел к появлению новой формы войны.

«Военные колледжи преподают две основных формы войны – изнурение и уничтожение (*attrition and annihilation*). Война в Заливе продемонстрировала другую – контроль через применение параллельной войны. Стратегии уничтожения и истощения полагаются на последовательное, индивидуальное уничтожение целей как окончательный метод достижения успеха и меры прогресса, обычно измеряемого в терминах применяемых сил, то есть оценки входов. При использовании ОБДЭ, детерминантом успеха становится эффективный контроль систем, полагаясь на которые противник намерен реализовать свое влияние, – то есть оценка выходов. Изменение способа нашего мышления относительно применения сил может привести к более эффективному их использованию. <...> Комбинация стелс-технологий и точности пересматривает принцип массирования. Масса, в смысле скопления большого количества сил, уже не является обязательным требованием для достижения разрушительного эффекта на систему сил, инфраструктуры, правительства или промышленности. Для достижения доминирующих эффектов над противников более не нужны предварительные перемещение, диспозиция и всесторонняя подготовка больших сухопутных сил. <...> Сухопутные силы всегда будут основной частью вооруженных сил, но массирование сухопутных сил с целью сокрушить противника больше не является абсолютной предпосылкой для установления контроля над ним» [23, p. 18].

Расширив ОБДЭ до способа мышления, генерал Дептула, фактически, говорит о новой форме войны, основанной на контроле, а не традиционных концепциях уничтожения и изнурения. Он предлагает применить системный подход для нанесения поражения противнику, сосредотачиваясь на целеполагании не с целью уничтожения систем противника, но скорее пресечения возможности их

должного использования. Дэвид Дептула считает, что желательные эффекты могут быть достигнуты как через успешное применение принуждения, силы, в частности вооруженных сил, так и невоенными методами, позволяющими получить контроль над системами, на которые полагается противник: «При использовании ОБДЭ, определяющий успех сводится к эффективному контролю систем, на которые полагается противник для приведения в действие своего влияния...» [23, р. 11]. Это означает, что для достижения необходимых эффектов в ряде случаев можно ограничиться проецированием силы, а не ее присутствием или прямым применением в требуемом районе [23, р. 19].

Таким образом, Дэвид Дептула предложил холистический подход к планированию, выполнению и оценке результатов военной кампании, что создавало широкий базис для нахождения эффективных способов достижения национальных целей. Еюмонография изменила статус ОБДЭ, которая стала рассматриваться как военная концепция, обладающая серьезным потенциалом, выходящим за пределы теории ВВС. Это, в свою очередь, вынуждало других теоретиков, военные исследовательские центры и организации серьезнее отнестись к ней и инициировать проекты, призванные оценить ее потенциал [51, pp. 15-16].

Операция «Союзная сила» (Allied Force), Косово

Эффективность косовской воздушной кампании 1999г. была оценена как низкая. Военный ущерб, нанесенный сербской армии, оказался несущественным, и она в значительной степени сохранила свою боеспособность [3, р. 146]. Военный истеблишмент США, в особенности в ВВС, был расстроен и оценивал вероятность того, что предпринимаемые военные действия приведут к капитуляции Милошевича, как очень низкую. Другими словами, несмотря на то, что интенсивная воздушная кампания привела к значительным разрушениям инфраструктуры Сербии, она оказалась не в состоянии достичь поставленных политических целей. Тем не менее, Милошевич

сдался, создавая парадоксальную проблему и продемонстрировав западным политическим лидерам отсутствие у них модели конфликта, которая была бы в состоянии прогнозировать развитие ситуации, извлекать из нее уроки и тем более следовать им [17, р. 417].

Сторонники концепции ОБДЭ считают, что такой анализ и рекомендации наиболее эффективным образом реализуются на основе БДЭ-подхода [21, pp. 2-3]. Одни из первых выводов и требований к будущим кампаниям заключались в необходимости включать в процесс планирования достижение не только исключительно военных целей, но и желательных политических. Если ранее военные планировщики ограничивались только военной кампанией, теперь появилось понимание, что для достижения политических целей воздействие только на вооруженные силы противника является недостаточным. Необходимо атаковать, в том числе, и информационные, дипломатические и экономические ресурсы противника. Ограничение военной кампании только процессами в военной сфере является неправильным и не позволяет достичь желаемых эффектов. Одна только воздушная кампания в Косове не принудила Сербию к капитуляции. Как следствие, возникла необходимость в уточнении списка государственных структур в военной, экономической информационной и дипломатической сферах, взаимодействие которых является обязательным для достижения требуемых эффектов. Появилось понимание, что ОБДЭ возможны только через создание высокоинтерактивных сложных адаптивных систем и сетей, не только на стратегическом и тактическом уровнях, но также внутри и между государственными и политическими структурами, так или иначе участвующими в проведении военной кампании [3, pp. 148-151].

Командование Объединенных сил США

Дальнейшее развитие концепции ОБДЭ происходит в рамках Командования Объединенных сил (КОС) США (*U.S. Joint Forces Command (USJFCOM)*), которое рассматривало ее, в том числе, как способ мышления, позволяющий обеспечить целостный и системный

подход к войне, применимый на всем спектре конфликта. Такое расширение концепции предполагает явное соединение предпринимаемых действий с желательными стратегическими результатами и ориентацию не только и не столько на физическое разрушение целей противника, но на достижение желаемых эффектов. Это, в свою очередь, требует изменения военного мышления, которое теперь должно сосредотачиваться не только на решении традиционных боевых задач и ведении боевых действий, но и на более широких контекстах. Концепция ОБДЭ принимает во внимание и рассматривает весь континуум конфликта, включая предкризисную фазу, кризис, горячую войну и постконфликтное урегулирование [76].

Такое широкое видение приводит к появлению глубокой проблемы: существует ли в рамках концепции ОБДЭ состояние мира хотя бы в концах рассматриваемого континуума, или общество рассматривается находящимся в состоянии той или иной степени напряженности, а вооруженные силы постоянно участвуют в создании среды безопасности, тем самым непрерывно участвуя в определении условий и состояния будущих конфликтов [51, р. 16]. В настоящее время в западном военном истеблишменте и интеллектуальной среде идут дебаты о правомерности такого широкого трактования состояния войны и такого расширения диапазона ответственности вооруженных сил и военной сферы.

БДЭ-подход как метод военного мышления

Усилия Программы объединенных передовых методов ведения боевых действий (*Joint Advanced Warfighting Program*), Института военного анализа США позволили расширить концепцию ОБДЭ, распространив ее на сферу стратегического планирования [15, р. 72]. Это в свою очередь заставило говорить не просто о концепции и методологии планирования операций, но способе мышлении, базирующемся на достижении эффектов (БДЭ-мышлении), опирающимся на следующие четыре постулата:

1. важность соединения всех предпринимаемых действий и шагов (политических, дипломатических, экономических и военных) для достижения оперативных и стратегических результатов;
2. непрерывная оценка производимых эффектов и, при необходимости, адаптация планов и действий к складывающейся боевой обстановке и реальности конфликта;
3. необходимость обдумывания действий и операций не только в терминах эффектов первого, но также второго, третьего и *n*-го порядка;
4. продумывание и оценка эффектов и их последствий на протяжении длительного периода времени [29, р. 6].

Таким образом, ОБДЭ по своей природе оказывается аналитической формой войны, старающейся не только планировать, проводить и оценивать свои действия, но также предугадывать процессы, события и возможную реакцию противника на системной основе. Такое видение военной операции напоминает шахматную партию гроссмейстеров, когда методически и тщательно продумываются и планируются все ходы будущей партии, которая затем разворачивается в конкретные ходы реальной партии. Как и гроссмейстер, те, кто проводит ОБДЭ, должны стремиться не только просчитать множество ходов вперед, но также уметь оценивать события в едином контексте, когда учитываются не только свои шаги и состояние своих войск, но и противника, дружественных сил и нейтральных наблюдателей.

Однако такая концепция проведения операций становится трудноосуществимой, как только мы переходим со стратегического уровня войны к оперативному и тактическому. На тактическом уровне война напоминает скорее матч по боксу, нежели игру в шахматы, когда решающей становится быстрота реакций, опирающаяся на выработанные долгой тренировкой инстинкты и интуицию. Боксер не имеет права размышлять, каким образом он должен реагировать на тот или иной выпад противника, но должен действовать – стремительно и решительно. Полуудары и половинчатые решения в данном случае равносильны поражению. Между раундами имеется

небольшой перерыв, во время которого есть возможность в некоторой степени адаптировать свою тактику к реалиям боя, но в целом как рисунок боя, так и его результаты есть следствие воли к борьбе, физической подготовки и тех наработок, которые были сделаны в ходе длительных тренировок. Когда звучит гонг, боксер обязан использовать в своих интересах все предоставляющиеся во время поединка возможности, меняя, при необходимости, тактический рисунок боя. В противном случае эффективность его ударов и боя в целом будет низкой [15, р. 91].

На тактическом уровне боя мы должны опираться на сплав инстинкта и интуиции, обучения и боевой подготовки, анализа и адаптации. Только такой подход позволяет сохранять инициативу в бою, – принцип, который «Боевой устав 3.0» (*Field Manual 3-0 (FM 3-0)*) Армии США определяет следующим образом: «Инициатива *устанавливает или диктует условия боевых действий в течение боя или операции*. Инициатива подразумевает наступательный дух во всех операциях. Диктуя условия боя, командиры исключают или уменьшают количество опций противника. Они принуждают противника согласовываться со своими оперативными целями и темпом, сохраняя свободу действий. <...> Во время наступления инициатива включает в себя расстраивание обороны противника мощными неожиданными ударами. Это означает не давать противнику возможности восстановиться от первоначального шока атаки. Делая это, командиры массируют эффекты боевой мощи и действуют быстро, с отвагой и применением силы. Они непрерывно ищут уязвимые точки и изменяют ведение своей решающей операции, если создается благоприятная возможность. Чтобы удержать инициативу, командиры развивают наступление цепко и агрессивно. Они идут на риск и заставляют рядовой состав и системы работать на пределе» [62, pp. 4-15]¹.

Таким образом, на тактическом уровне операции протекают в атмосфере, которая не прощает сомнений, размышлений, и таковой

¹ Выделено в оригинале.

на данном уровне должна быть и концепция ОБДЭ, то есть она должна опираться на ясную и четкую доктрину, отшлифованные тактические приемы, методы и процедуры.

Казалось бы, императив инициативы на тактическом уровне и базисные принципы концепции ОБДЭ на стратегическом уровнях вступают в противоречие, создавая парадокс. Инициатива опирается на инстинкты и интуицию, что позволяет оставаться адекватными быстро меняющейся обстановке тактического боя, в то время как ОБДЭ на высших уровнях войны применяет интеллектуальный анализ и оценку, стремясь достичь более эффективного применения национальной мощи. Действительно, неадекватное и непродуманное применение принципов ОБДЭ на тактическом уровне может привести к подавлению инициативы и выбору в пользу более осторожного поведения. В этом случае благие пожелания как можно более эффективного использования боевых и прочих возможностей могут парализовать проведение операции, когда поиск интеллектуального совершенства в ущерб достаточно хорошему решению приводит к потере времени и инициативы. С другой стороны, бездумная опора на укоренившиеся инстинкты, являющиеся результатом длительной и некорректной боевой подготовки в довоенный период, в руках адаптивного противника могут стать смертельным оружием [15, р. 92]. Как должен отвечать офицер среднего звена на вопрос: «Каким образом вы проводите войну?» Должен ли его ответ отражать доктрину, тактику, оружие и системы XX столетия, или же он должен быть готов отвечать на вопрос, исходя из понимания современных реалий войны? «Если боевая подготовка личного состава в мирное время направлена на обучение пользованию молотком, то любая боевая ситуация в будущем будет восприниматься им как гвозди» [48, pp. 20-31].

Кроме того, ОБДЭ-мышление требует, чтобы при планировании операции исключалось так называемое «зеркальное отражение». Зеркальное отражение интерпретирует действия противника на ос-

нове концепции «разумной» личности и предполагает, что ваш противник рассуждает таким же образом, как и вы. Такое видение несет с собой серьезную угрозу, так как может заставить вооруженные силы противостоять действиям, к которым противник никогда не намеревался прибегать, тем самым предоставляя ему возможность использовать вашу уязвимость. Природа человека стремится распространить на противника свою систему моральных, культурных и духовных ценностей, однако высшему и военному руководству страны, планировщикам военных кампаний необходимо развивать безусловное понимание того, что противник может иметь другой взгляд на мир и общество. Такой подход требует глубоких знаний о противнике – его культуре, верованиях, религии и пр. – всех тех социальных систем, которые оказывают влияние на его действия в бою [1, р. 22].

Таким образом, среда БДЭ-мышления позволяет сформировать соответствующую методологию, учитывающую инициативу на тактическом уровне и анализ на стратегическом, если имеется четкое понимание разницы между тактическим и стратегическим уровнями войны и, как следствие, наличие качественной разницы между БДЭ-мышлением и подходами на каждом из этих уровней. Концепция ОБДЭ – это новый способ мышления о средствах, которыми вооруженные силы могут достигать своих целей на всех уровнях войны. Концепция ОБДЭ не может исключить боевые потери и жестокость реального боевого столкновения, но она, возможно, поможет «уменьшить необходимость в ближнем бое» [7, pp. 52-59]. Такое стремление вполне уместно и должно приветствоваться, если имеется понимание того, что боевые действия, разворачивающиеся сегодня на Кавказе, в Афганистане и Ираке на операционном и тактическом уровнях не очень отличаются от боевых действий XX века и даже наполеоновских войн. Без такого понимания концепция ОБДЭ будет иметь ограниченный успех [1, р. 21].

Проблема общей терминологии и понятий концепции ОБДЭ

Развитие ОБДЭ последние десятилетия привело к появлению шести теорий или аспектов того, что это концепция означает.

1. ОБДЭ является методом планирования операций, который связывает общие стратегические цели с боевыми задачами, которые должны быть выполнены. Термин «планирование, базирующееся на достижение эффектов» (БДЭ-планирование) (*Effects-based Planning*) призван отразить данный подход.
2. ОБДЭ есть метод анализа альтернативных целей на базе эффекта, который будет произведен в результате атаки данных целей противника. Во время анализа противник рассматривается как полностью взаимосвязанная и сетевая система. Термин «целеполагание, базирующееся на достижение эффектов» (*Effects-based Targeting*) отражает данный взгляд.
3. ОБДЭ есть применение всех уровней национальной мощи, включая дипломатическую, военную и экономическую, обращенное ко всем элементам национальной мощи противника.
4. ОБДЭ есть использование быстрых, одновременных и параллельных атак для достижения быстрого коллапса системы противника. Подход, охватываемый термином «Шок и трепет».
5. ОБДЭ фокусируется на взаимодействии между оперативным командующим и другими ключевыми акторами с целью справиться со сложным и адаптивным противником.
6. ОБДЭ является рассмотрением войны как столкновения сложных адаптивных систем с нелинейными взаимодействиями между наличными средствами, волей и каскадами эффектов в физическом и психологическом доменах [3, pp. 138-140].

Такая многоликость концепции ОБДЭ, отсутствие единого видения затрудняет ее понимание, а быстрое распространение терминологии и ее проникновение, в том числе, и в военные доктрины

сделала ее еще более проблематичной и даже опасной [15, р. 95]. Потенциал ОБДЭ ограничивает нехватка общего словаря, а также сложность координации различных элементов национальной мощи, не дающие сформироваться холистическому пониманию себя, противника и среды безопасности [20, pp. 50-51]. Критической точкой в процессе разворачивания ОБДЭ в эффективную концепцию является разработка кодифицированных определений и методологии. Это вынуждает нас перед тем, как перейти непосредственно к рассмотрению самой концепции в рамках последующих работ, провести обзор наиболее широко используемых определений, понятий и терминов концепции ОБДЭ.

ПОНЯТИЯ, ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ КОНЦЕПЦИИ ОБДЭ

На сегодняшний день имеется множество версий и определений ОБДЭ, покрывающих диапазон от оформления когнитивной сферы до военного инструмента оперативного и тактического уровней. Концепция ОБДЭ до сих пор не имеет доктрины, что несет в себе серьезный риск двусмысленности и неопределенности. На сегодняшний день диапазон интересов БДЭ-подхода охватывает как еще несистематизированные операции вооруженных сил США в Ираке и Афганистане, так и эксперименты и боевые тренировки¹.

Вопрос, почему западный военный истеблишмент пошел на внедрение концепции, предполагающей множество интерпретаций, достаточно интересен. Однако в данном случае мы просто должны констатировать, что существует, как минимум, лексическая проблема, связанная с ОБДЭ [20, р. 47]. На сегодняшний день БДЭ-подход не имеет общего словаря, списка согласованных понятий, определений, терминов. Многие доктринальные публикации МО США не дают определения ключевых терминов ОБДЭ или эти определения разнятся. Например, ни «Словарь военных и связанных военной тематикой терминов Министерства обороны» [66] (*Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms Joint Publication 1-02*), ни «Энциклопедия Объединенной доктрины начальника объединенного комитета начальников штабов» [65] (*Chairman of Joint Chiefs of Staff (CJCS) Joint Doctrine Encyclopedia*) не дают определе-

¹ В частности, Командование Объединенными силами США инициировало проведение экспериментов «Вызов тысячелетия 02 (*Millennium Challenge 02*)» и опубликовало ряд «белых книг» («*white papers*» – правительственный информационный документ) под названием «Влияние ОБДЭ на решение оперативных вопросов» [68].

ния «эффектов» или ОБДЭ. «Совместная публикация 3-0, Доктрина для объединенных операций» [67] (*Joint Pub 3-0, Doctrine for Joint Operations*) множество раз использует термин «эффекты», когда говорится об «эффектах операций» (*effects of operations*), «эффектах массирования» (*mass effects*), и «эффектах» летального или нелетального оружия (*effects of lethal or non-lethal weapons*).

Базисные понятия и определения БДЭ-подхода

КОС США определяет эффект следующим образом: «Эффект – это физическое или поведенческое **состояние** системы, являющееся результатом действия или множества действий или другого эффекта» [67, р. IV-9] (выделено в оригинале). В документах КОС США также можно найти следующие определения терминов, используемых в концепции ОБДЭ [1, pp. 26-27].

Узел – личность, место или физический объект, являющийся фундаментальным компонентом системы.

Действие – активность, направленная на определенный узел.

Конечное состояние – какой хотят, чтобы была ситуация президент и министр обороны США после того, как операции будут завершены, – как военные так и те, в которых военные поддерживают другие инструменты национальной мощи. Множество требуемых условий, которые определяют достижение командующими поставленных задач.

Система – функционально, физически и/или поведенчески связанная группа элементов, которые взаимодействуют друг с другом как единое целое. Чтобы содействовать анализу *системы систем* (*system-of-systems analysis*). ОБДЭ в настоящее время исходит из того, что операционная среда состоит из политических, военных, экономических, социальных, инфраструктурных и информационных систем (ПВЭСИИ-систем). Анализ данных систем и их внутренняя взаимосвязь обеспечивают «холистическое понимание», упоминаемое в определении.

Система систем (System of Systems) – группирование организованных ансамблей ресурсов (банковская система или система производства) и процедур, регулирующих через взаимодействие или независимо для выполнения множества специфичных функций.

Операционная среда – композиция элементов, условий и влияний, которые воздействуют на применение ресурсов и возможностей и имеют отношение к решению командующего [68, р. 2].

Дальнейшее рассмотрение концепции ОБДЭ требует введения соответствующей таксономии, позволяющей описать и классифицировать природу эффектов и способы их проявления. Задача решается через введение трех базисных классов – видов, признаков и типов [38, pp. 30-36].

Виды эффектов. Эффекты могут быть прямыми и косвенными.

Прямые эффекты – это непосредственные следствия/результаты действия, которые не могут быть изменены побочными событиями или механизмами. Они легко распознаются и обычно немедленно проявляются. Примером прямых эффектов может быть уничтожение военной техники прямым попаданием. Косвенные эффекты трудно распознаются, часто смещены во времени и пространстве и проявляются на фоне других событий. Обычно они являются следствиями второго и третьего порядка от предпринятых действий и могут быть по своей природе как физическими, так и психологическими. Примером как психологических, так и физических косвенных эффектов может служить паралич воли экипажей и остановка танковой группы вследствие уничтожения танка командира группы.

Признаки эффектов характеризуют воздействие, которое оказывают прямые и косвенные эффекты на возможности противника. Они могут быть кумулятивными, каскадными или сопутствующими.

Кумулятивные эффекты – это «агрегированный результат воздействия множества прямых и косвенных эффектов на противника» [38, р. 96]. Они обычно распространяются от нижних уровней

войны к верхним и имеют тенденцию становиться сложными и целостными, проявляясь на высших уровнях. Примером кумулятивных эффектов может служить паралич воли высшего политического руководства и решение капитулировать как следствие военного поражения на тактическом уровне, принявшего характер военной, а затем и политической катастрофы.

Каскадные эффекты – это «непрямые эффекты, которые проходят зыбью по системе противника, часто оказывая воздействие на другие системы» [38, р. 95]. Они обычно распространяются от верхних уровней войны к нижним, пульсируя в системах противника и воздействуя по мере распространения на другие узлы системы. Примером каскадных эффектов могут служить последствия от уничтожения главного штаба противника, каскадом спускающиеся на нижние уровни управления и подчиненные штабы, жестко сказываясь на их способности осуществлять управление войсками.

Сопутствующие эффекты – это результаты, не предусмотренные предпринимаемыми действиями. Сопутствующие эффекты могут быть положительными или отрицательными и чаще всего проявляют себя через урон объектам, узлам систем противника, поражение которых не являлось целью проводимой операции. Примером могут служить потери среди гражданского населения при проведении боев в населенных пунктах.

Типы эффектов. Эффекты могут быть физическими, функциональными, системными и психологическими.

«*Физические эффекты* создаются через прямое воздействие, физическое изменение объекта или системы посредством применения военных ресурсов» [38, р. 37]. Они концентрируются на разрушении и поражении сил и возможностей противника и проявляются в рамках операционной кампании.

Функциональные эффекты могут быть прямыми и косвенными и являются следствием воздействия (боевые действия, атака или операция) на определенные цели/объекты, узлы и системы противника с целью повлиять на их правильное функционирование [38, р. 37, 97].

Системные эффекты – это «непрямые эффекты, имеющие целью оказать воздействие или нарушить работу определенной системы или множества систем» [38, р. 38]. Примером системных эффектов может служить разрушение энергетической системы противника.

Психологические эффекты являются «результатом действий, влияющих на мотивацию, психологию, мышление, и, в конечном счете, поведение лидеров, правительств, организаций, социальных групп и отдельных личностей» [38, р. 98]. Это очень важные и трудные для планирования и предсказания эффекты [38, pp. 38-39].

Прямые эффекты имеют тенденцию формировать каскады перекрывающихся непрямых физических и психологических эффектов. Физические эффекты могут приводить к эффекту падающего домино, а психологические имеют тенденцию вести себя взрывообразно и быть ограниченными только скоростью и размахом коммуникаций [55, pp. xiv-xviii]. Такая взаимосвязь и взаимовлияние делает планирование и предсказание эффектов сложной задачей.

БДЭ-подход в вооруженных силах, исследовательских и военных центрах и организациях США

Следующим шагом в рассмотрении концепции ОБДЭ должен стать обзор идей, базовых принципов и определений, используемых в различных документах родов войск, исследовательских и военных центрах и организациях.

Военно-морские силы

Доктрина ВМС США не дает определения ОБДЭ, но полагается на концепции маневренной войны (*maneuver warfare*) и войны на изнурение для создания эффектов. Маневренная война рассматривается скорее как философия, ассоциирующаяся с искусством войны Сунь-Цзы и подчеркивающая необходимость предоставления командующему свободы при принятии решений, чтобы успешно справиться с боевой обстановкой. «Маневренная война является философией противоборства, которая пытается расстроить единство

и сплоченность (cohesion) противника через серию быстрых, интенсивных и неожиданных действий, которые создают турбулентную и быстро ухудшающуюся ситуацию, с которой он не может справиться» [28, р. 59]. Ключевым моментом концепции, таким образом, является фокусирование на слабостях и уязвимости противника с целью разрушить серией сильных, быстрых и неожиданных действий его способность вести кампанию. Также говорится о способности ВМС «быстро атаковать критические уязвимости противника, обходя его сильные позиции и разрушая его центры гравитации. ВМС будет атаковать не только физические возможности противника, но и проводить ОБДЭ для поражения перспективы, воли и структуры веры потенциального противника» [64, р. 13].

Военно-воздушные силы

Чтобы достичь желаемых эффектов на всех уровнях войны, ВВС используют сочетание имеющихся в распоряжении сил и средств против ключевых узлов систем противника, опираясь при этом на маневренность и аэрокосмическое превосходство. Доктрина ВВС говорит о том, что использование военной мощи должно быть базирующимся на эффектах с широким применением параллельных операций. При этом важное место в проведении военной кампании занимают инфооперации. «ВВС убеждены, что инфооперации как элемент боевой мощи сводят вместе разнообразную информационную активность и службы, профессиональные дисциплины, ресурсы, возможности и средства с целью оказания помощи в проведении ОБДЭ. Инфооперации – это способность к «круглосуточному» противоборству, которая порождает эффекты, проводящиеся ежедневно и по всему спектру конфликта» [61].

Сухопутные силы

Концепция ОБДЭ Армии США рассматривается в рамках разворачивания Целевых Сил (*Objective Force*), которые определяются как подвижные (*agile*), развертываемые (*deployable*), многоцелевые, живу-

чие, летальные и устойчивые силы быстрого реагирования, способные производить различные эффекты. «ОБДЭ создают фрейм, внутри которого «мы создаем условия (*эффекты*. – *Прим. автора*), которые хотим видеть по окончании военных действий» [11]. «Психологические эффекты, производимые мощью и точностью подразделений целевых сил, будут обеспечивать сдерживание враждебных действий как до развертывания, так и в течение стабилизационных фаз операций» [63]. «Эволюционная, уточненная и расширенная концепция ОБДЭ имеет большой потенциал для улучшения способов применения Армии и использования военной мощи» [5, p. 129].

Корпус морской пехоты

Доктрина Корпуса морской пехоты США говорит об «эффектах» в терминах достижения политических целей при помощи стратегий уничтожения и изнурения, каждая из которых предполагает свой набор действий, в зависимости от того, какие эффекты желательно достигнуть. Уничтожение предполагает устранение военных возможностей, в то время как изнурение может фокусироваться на интеллектуальной сфере и воле руководства противника, причем определенные действия могут иметь ограниченную военную, но критическую экономическую или психологическую ценность. Экспедиционная маневренная война (*expeditionary maneuver warfare*) Корпуса морской пехоты является средством достижения решающих эффектов через «концентрацию сил на критических точках для достижения внезапности, психологического шока и темпа» [70, p. 22]. Конечной целью действий является подавление воли противника к сопротивлению, его способности эффективно бороться, через создание паники и достижение паралича.

Командование Объединенных сил

Командование Объединенных сил США в рамках разработки концептуального базиса ОБДЭ провело большой объем работы по уточнению параметров новой концепции и определению ее реле-

вантности относительно каждого уровня войны. В настоящее время в военных кругах идет активная дискуссия вокруг способности ОБДЭ стать операционным фреймом для вооруженных сил США в 21 веке [12, pp. 82-86]. Не вызывает сомнений, что новые концепции должны воспринимать войну холистически, предполагая использование всех инструментов национальной мощи, и ОБДЭ на сегодняшний день являются наиболее предпочтительным базисом, позволяющим решить данную задачу. Концепция ОБДЭ обладает необходимым потенциалом, чтобы стать общим фреймом для высшего и военного руководства страны при принятии решений на политическом, стратегическом, операционном и тактическом уровнях войны [51, p. 35].

На сегодняшний день КОС США дает несколько определений ОБДЭ, отражающих различные его аспекты применительно к уровням войны и сфере национальной безопасности НБ в целом. В первую очередь, ОБДЭ рассматривается как концепция, использующая все инструменты национальной мощи для оказания желаемого эффекта на противника на всем спектре конфликта. ОБДЭ – это «операции, которые планируются, выполняются, оцениваются и адаптируются, базирываясь на холистическом понимании операционной среды с целью воздействовать или изменить поведение системы или ее возможности достигать непосредственных целей политики на основе интегрированного применения выбранных инструментов мощи» [1, p. 26].

ОБДЭ также определяется как «процесс достижения желаемого стратегического результата или «эффекта» на противника через синергетическое, мультипликативное и кумулятивное применение полного диапазона военных и невоенных возможностей на тактическом, операционном и стратегическом уровнях» [51, p. 17].

Синергия определяется как «интегрированные и синхронизированные действия <...> в объединенных операциях и многомерных пространствах, позволяющие командующему объединенными силами проецировать фокусированные возможности без стыков или уязвимости, которые мог бы использовать противник» [67, p. IV-9].

Противник рассматривается как динамичный, адаптивный

враг, который соединяет свою волю и возможности для проведения операций в интегрированной ПВЭСИИ-системе, в которой имеются ключевые узлы и уязвимости, а воздействие на них генерируют эффекты, позволяющие достичь целей кампании. «ОБДЭ старается постоянно фокусировать полный спектр наших военных и межведомственных асимметричных преимуществ против точек разрыва системы противника для разрушения его связности» [10, р. 11].

В статье «В поисках синергии: Операции, базирующиеся на достижении эффектов» отмечается, что «Объединенные ОБДЭ имеют сходство с блицкригом в своем желании использовать движение, темп и человеческий фактор (страх, утомление и неопределенность) для достижения быстрого успеха в наземной операции» [7, pp. 52-59].

Таким образом, ОБДЭ определяется КОС США как концептуальный процесс, и «так как от практикующих ОБДЭ требуется изменение навыков концептуального мышления, то будут изменяться способы, при помощи которых военные должны развивать и тренировать лидеров» [5, р. 125]. ОБДЭ требует многих лет обучения и тренировки, а также интенсивного концептуального развития на протяжении всей карьеры. «Без интеллектуальных способностей к синтезу, холистическому видению среды, креативности и пытливости большой потенциал ОБДЭ останется нереализованным» [30, р. 12].

ОБДЭ в исследовательских и военных центрах и организациях США

Исследовательская программа по командованию и управлению МО США

Согласно «Исследовательской программе по командованию и управлению» (ИПКиУ) Управления помощника МО США по сети, информации и интеграции (*Command and Control Research Program (CCRP) within the Office of the Assistant Secretary of Defense Networks, Information and Integration (NII)*), ОБДЭ не есть новая форма

военных действий, и она не заменяет какую-либо из существующих форм ведения войны. «ОБДЭ – это координированное множество действий, направляющих и оформляющих поведение друзей, врагов и нейтралов (нейтральных государств) во время мира, кризиса и войны» [54, р. 95]. В течение всей истории лица, принимающие решения, старались создать условия, которые помогли бы им решить поставленные задачи и достичь целей политики, – подход, который в современной терминологии может рассматриваться как «базирующийся на достижении эффектов» [13, р. 4]. ОБДЭ в XXI веке, поддержанные сетевыми силами (*networked force*)¹, является методологией для планирования, выполнения и оценки военных операций, позволяющей достичь необходимых эффектов и желаемых результатов в сфере национальной безопасности.

***Научное общество исследований
в области военных операций***

Симпозиум, проведенный научным обществом исследований в области военных операций МО США (*Military Operations Research Society (MORS)*) в 2002г., фокусировался на «очень важном вопросе – действительно ли ОБДЭ является полезной концепцией» [50, р. 117]. Отвечая на вопрос, симпозиум сформулировал два базовых принципа ОБДЭ:

1. война включает все инструменты национальной мощи;
2. каждый инструмент должен быть применен таким образом, чтобы сделать максимальным желательные воздействия, минимальными нежелательные и дополнительные действия, предпринимаемые на других аренах [8].

ОБДЭ – это вызов, заставляющий военных двигаться из эры возрастающей объединенности к эре «мета-объединенности», в которой действия министерства обороны интегрируются с другими элементами национальной мощи, партнерами по коалиции, между-

¹ О концепции сетевых сил см. [75].

народными и неправительственными организациями. Вызов, требующий как бо́льших знаний, так и бо́льших возможностей, чтобы справиться с возрастающей неопределенностью традиционных военных операций [8, р. 23]. «Появление ОБДЭ как широкой организованной концепции – многообещающий подход, который поможет лицам, принимающим решение в министерстве обороны и других организациях на арене национальной безопасности, защитить национальные интересы США и достичь целей США» [8, р. 25].

Корпорация РЭНД

В исследованиях корпорации РЭНД (*RAND Corporation*) ОБДЭ определяется как «операции, понимаемые и планируемые в системном фрейме, которые рассматривают весь диапазон прямых, не-прямых и каскадных эффектов – эффектов, которые могут с различной степенью вероятности быть достигнуты через применение военных, дипломатических, психологических и экономических инструментов» [21, р. 7].

КОМПОНЕНТЫ КОНЦЕПЦИИ ОБДЭ

Рассмотренные выше определения ОБДЭ позволяют выделить наиболее характерные черты и оснополагающие принципы новой концепции, развитие которых представляется многообещающим для вооруженных сил и военной организации Армении. С данной точки зрения, наиболее перспективным представляются принципы, которые исходят из необходимости оркестровки использования всех элементов национальной мощи для достижения желательных эффектов при решении задач в сфере национальной безопасности. Как следствие, в дальнейшем наши усилия сосредоточатся, в первую очередь, на рассмотрении концепции ОБДЭ сквозь призму КОС США и ИП-КиУ МО США, развивающих данные аспекты БДЭ-подхода.

Для более полного понимания того, каким образом концепция ОБДЭ предлагает решать проблему оркестровки элементов национальной мощи, необходимо перейти к рассмотрению трех главных компонент БДЭ-подхода – БДЭ-планирования (*effects-based planning (EBP)*), БДЭ-исполнения (*effects-based execution (EBE)*) и БДЭ-оценки (*effects-based assessment (EBA)*) [20, pp. 26-27].

БДЭ-планирование

Фундаментально БДЭ-планирование (БДЭП) решает проблему интеграции всех инструментов национальной мощи «внутри пространства боя во времени и пространстве, преследуя цель создать желаемые эффекты для решения задач Командующего Объединенными силами (*Joint Force Commander*)» [69, p. 11] На сегодняшний день БДЭП фокусируется на стратегическом и операционном уровнях и «придает особое значение соединению задач ТВД с тактиче-

скими задачами посредством достижения желаемых эффектов внутри операционной среды» [69, р. 11]. «В БДЭП планировщики стараются достичь единства усилий: гармонизировать объединенные, комбинированные и межведомственные действия, ассоциирующиеся с инструментами национальной мощи, в интегрированный, всесторонний план достижения желаемых эффектов» [69, р. 11]. И если определение задач и выбор типа военных действий является важным элементом тактического уровня планирования, то «на операционном и ТВД-стратегическом уровнях задачи фокусируются больше на цели и предназначении операции, а не только на военных действиях» [69, р. 12].

В рамках БДЭП термин «эффект» получает более широкую интерпретацию. Если на тактическом уровне эффекты имеют тенденцию «описывать результаты применения оружия и действий подразделений» [69, р. 12], то на операционном и стратегическом уровне «эффект» описывает множество желательных и нежелательных условий, обычно в форме поведения (*behavioral state*) или возможных состояний операционной среды, являющихся результатом воздействия инструментов национальной мощи. Тем самым эффекты от действия инструментов национальной мощи становятся «мостом, соединяющим цели (стратегию, задачи ТВД, операционные задачи) с боевыми задачами (операционный и тактический уровень)» [69, р. 12].

В БДЭП процесс планирования начинается с осмысления командующим и его штабом поставленной боевой задачи, приобретения знаний об операционной среде, необходимых для выработки намерения командующего и определения множества эффектов, позволяющих добиться решения поставленных задач [69, р. 16]. «Происходит сравнение данных эффектов с текущим состоянием ПВЭСИИ-систем. Точная идентификация эффектов и их связь с последующими действиями требует активной интеграции всех инструментов национальной мощи и, соответственно, участия экспертов в конкретных областях с самого начала процесса планирования» [69, р. 12]. Далее «планировщики идентифицируют действия, которые,

будучи предприняты против определенных ключевых узлов, позволяют достичь желаемых эффектов. Затем они связывают действия с определенными ресурсами или силами, завершая построение связок «эффекты-узлы-действия-ресурсы» [69, р. 12]. Понимание взаимосвязей в таких связках позволяет планировщикам рассматривать и оценивать альтернативные способы действий, «что гармонизирует и определяет последовательность действий инструментов национальной мощи против ключевых узлов во времени и пространстве, позволяя достичь желаемых эффектов» [69, р. 12].

Процесс БДЭ-планирования состоит из шести этапов [1, рр. 69-75]:

1. Основные распоряжения Командующего (получение задачи) (*Commander's Guidance (Receipt of Mission)*).
2. Анализ задачи и оценка эффектов (*Mission Analysis & Effects Assessment*).
3. Разработка эффектов (*Effects Development*).
4. Анализ возможностей (*Capabilities Analysis*).
5. Решение командующего и назначение ресурсов (*Commander's Decision & Resource Assignment*).
6. Уточнение боевой задачи и исполнение эффектов (*Mission Refinement & Effects Execution*).

Основные распоряжения Командующего (получение задачи)

Стратегическое, ТВД или операционное планирование начинается после получения командующим указания от президента и/или министра обороны приступить к планированию новой или уточнению уже проводимой военной кампании по региональному кризису. Командующий формулирует боевые задачи по операции и готовит указание для штаба в форме решения на карте. Указание командующего включает в себя краткое описание стратегического указания высшего руководства и намерение командующего, описывающее желаемые результаты операции и то, каким образом он намерен их достичь. Наиболее важная часть намерения командующего – формули-

ровка замысла операции. БДЭП требует от командующего произвести также оценку эффектов, которые желательно обеспечить.

Анализ задачи и оценка эффектов

Анализ задачи и оценка эффектов позволяет штабу выявить проблемы и приступить к процессу поиска возможных решений. Вопросы, который штаб задает себе при этом, звучат следующим образом: какие условия должны быть обеспечены для достижения желаемых результатов, какие средства должно использовать командование для прямой или непрямой атаки систем противника?

Разработка эффектов

Третий шаг БДЭ-планирования это разработка (проработка) эффектов и определение приоритетов в их обеспечении. Решение данной задачи позволяет планировщикам выявить наиболее важные связи внутри систем противника и гармонизировать элементы национальной мощи для достижения желаемых эффектов. Определение приоритетов позволяет идентифицировать системы, которые должны быть атакованы в первую очередь для достижения необходимой последовательности каскадных и кумулятивных эффектов, согласованных во времени и пространстве. Это необходимый шаг, так как силы и средства, находящиеся в распоряжении командующего, конечны, и эффекты должны фокусироваться на достижении наиболее благоприятных из возможных результатов. Завершение данного шага позволяет планировщикам выявить связки «эффекты-узлы-действия» (*effects-node-actions linkage*) и приступить к анализу необходимых сил и средств, направляемых на ключевые узлы противника.

Анализ возможностей

Анализ возможностей рассматривает имеющиеся в распоряжении командующего ресурсы инструментов национальной мощи и отвечает на вопросы: какие ресурсы должны быть использованы, чтобы сделать возможным планируемую последовательность дейст-

вий и каковы возможная цена и риски данных действий, какие ресурсы и последовательность действий вероятнее всего обеспечат нужные условия и произведут желаемые эффекты? Если имеющиеся в распоряжении силы и средства недостаточны, чтобы достичь желаемых эффектов и/или результатов, то определяются тип и объем ресурсов, которые необходимо привлечь.

Решение командующего и назначение ресурсов

На этом этапе командующий представляет план действий, базирующийся на достижении эффектов (*effects-based courses of action*), который по его убеждению обеспечивает выполнение поставленных задач. Затем он подписывает решение на планирование операции, которое может включать уточненные: намерение командующего, новые данные по разведке и наблюдению и приоритеты для назначения ресурсов.

Уточнение боевой задачи и исполнение эффектов

Данный этап включает уточнение плана боевых действий, позволяющих достигнуть желаемых эффектов. Исполнение эффектов сопровождается соответствующим приказом на применение сил и средств, который является для подчиненных командиров указанием по выполнению намерений командующего.

Согласно КОС США, БДЭ-планирование довольно точно отражает существующий процесс объединенного планирования (*joint planning process*), фокусируясь на создании связей «действия-эффекты-задачи», позволяя связать стратегию с боевыми задачами.

БДЭ-исполнение

Второй компонент ОБДЭ процесса – БДЭ-исполнение [20, pp. 36-37]. Понимание возможностей и ограничений инструментов национальной мощи и их изначальное интегрирование в процесс БДЭ-планирования позволяют достичь их эффективного использования. На этапе БДЭ-исполнения, после подписания приказа на

операцию, штаб командующего объединенными силами разрабатывает приказы подчиненным войскам, запускающие процесс подготовки войск к выполнению частных боевых задач, исполнение которых постоянно отслеживается командующим и его штабом, непрерывно оценивающими процесс достижения желаемых эффектов. «Они перенаправляют боевые действия, если этого требует ситуация, интегрируют альтернативные невоенные действия и перераспределяют ресурсы, чтобы использовать представившиеся возможности и смягчить недостатки» [68, р. 16].

Критичным для достижения желаемых эффектов на этапе БДЭ-исполнения является синхронизация и правильная последовательность применения элементов национальной мощи на всем пространстве боя – основной вызов, с которым сталкиваются командующий и его штаб [68, р. 16]. Атака противника возможностями только одного инструмента национальной мощи снижает эффективность проводимой кампании, однако также близоруко и неприемлемо требование об обязательном использовании всех инструментов, которое не должно становиться самоцелью. БДЭ-подход использует требуемые элементы национальной мощи и корректирует данный выбор, базируясь на знаниях о противнике и динамике проведения кампании.

Хотя может сложиться впечатление, что большая часть усилий фокусируется на физическом домене, в рамках ОБДЭ атакуется и когнитивный домен противника. Это предполагает, в том числе, знание различных групп интересов (*communities of interest*) противника, позволяющее оказывать воздействие на семейные связи, лидеров групп, национальных и региональных лидеров и пр. с целью парализовать волю противника, его способность действовать. Чтобы успешно использовать БДЭ-подход, президент и министр обороны США, председатель Объединённого комитета начальников штабов и подчиненные командиры должны иметь в своем распоряжении соответствующие механизмы, позволяющие им понять и оценить последствия предпринимаемых действий и при необходимости адаптироваться, связывая действия в рамках национальной стратегии с действиями на операционном и тактическом уровнях [1, р. 33].

БДЭ-оценка

Третий компонент ОБДЭ – БДЭ-оценка [20, pp. 36-37], определяющая «показатели успеха кампании» (*measures of campaign success*), расширяя существующий процесс оценки боевых действий. В рамках БДЭ-оценки вводятся показатели выполнения (*measures of performance*) для оценки выполнения боевой задачи и показатели эффективности (*measures of effectiveness*) для оценки достигнутых эффектов. Также периодически проводится оценка всей военной кампании [68, p. 16]. Показатели выполнения, фокусирующиеся на оценке точности выполнения боевой задачи, аналогичны классическим показателям оценки эффективности боя и отвечают на вопрос: была ли боевая задача выполнена в соответствии с намерениями командующего? Показатели эффективности фокусируются на эффектах, достигаемых посредством выполнения частных боевых задач, помогая командующему и его штабу ответить на вопросы: правильно ли идет кампания, насколько ход кампании согласуется с намерениями командующего? Тем самым показатели эффективности выполняют функции обратной связи, позволяющей внести необходимые изменения в план кампании [68, p. 16].

Таким образом, БДЭ-оценка, опираясь на показатели выполнения и эффективности, оценивает процесс выполнения боевых задач и выявляет тренды, потенциально воздействующие на проведение операции. Получающаяся картина военной кампании сравнивается с планировавшейся, а выявленные различия, или «дельта», позволяют провести необходимые уточнения и обеспечить успешное достижение целей кампании.

КОНЦЕПЦИЯ ОБДЭ НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ ВОЙНЫ

Предыдущий дискурс показывает, что наиболее значительный вклад, который может внести БДЭ-мышление в проведение войны в XXI веке, лежит в стратегической и операционной реальности. Даже если исходить из того, что ОБДЭ могут быть эффективны на тактическом уровне, на сегодняшний день нет каких-либо гарантий, что без значительных интеллектуальных усилий можно разработать методологии, связывающие потенциальные эффекты политических и стратегических решений с тактической картиной боя, и, наоборот, проследить, каким образом тактические решения влияют на политические и стратегические эффекты [43, р. 2]. Проблема выбора желаемых эффектов и результатов, отражающих политические цели и влияющие, в том числе, на поведение противника, появляется на стратегическом уровне действий. Именно на стыках политики, стратегии и операционного искусства БДЭ-подход обладает наибольшим потенциалом [51, pp. 21-22].

ОБДЭ на стратегическом уровне войны

Военная история недвусмысленно говорит о том, что войны выигрываются или проигрываются на политическом и стратегическом уровнях, редко – на операционном и никогда – на тактическом.

«Никакое количество операционной виртуозности <...> не может спасти фундаментальные тренды в политическом (и стратегическом) суждении, если стратегия, оформляющая политику, или стратегические императивы, двигающие политику, были нерелевантными. Просчет в обоих случаях ведет к поражению и любая комбинация

политико-стратегической ошибки имела разрушающие результаты, даже для наций, которые закончили войну как члены победившей коалиции. Даже эффективная мобилизация национальной воли, живой силы, индустриальной мощи, национального богатства и технологических ноу-хау не может спасти воюющую сторону от пожинания горьких плодов (стратегических) ошибок. Именно поэтому гораздо важнее иметь корректные решения на политическом и стратегическом уровнях, чем на операционном и тактическом. Ошибки в операциях и тактике могут быть скорректированы, но политические и стратегические ошибки живут в веках» [39, pp. 83-85].

Таким образом, БДЭ-подход исходит из того, что высшее руководство страны, обладает ясным видением политических целей, которое транслируется в задачи национальной безопасности, стратегические и операционные задачи. Лен Хаули (*Len Hawley*) в основном докладе «Видение полисмейкерами ОБДЭ» пишет: «...на стратегическом уровне наиболее важной обязанностью полисмейкеров является поддержание согласованности между желаемыми конечными результатами, желаемыми эффектами и инструментами действия: интегрировать межведомственные и многонациональные действия в единую слаженную кампанию» [33, pp. 21-22].

Так как политические и стратегические решения являются критичным элементом в использовании военной мощи, то необходимо ответить на вопрос о том, каким образом высшее руководство страны может использовать БДЭ-подход при артикуляции и концептуализации разрабатываемой стратегии. Как оно намеревается реализовать свои политические замыслы, проводить войну, каким образом проведение военных операций будет изменять политический контекст [43, p. 8]. Должно существовать согласованное видение стратегических результатов планируемой кампании, позволяющее осмысленно развернуть и «нацелить» требуемый военный и другой инструментарий национальной мощи. Другими словами, должен быть разработан стратегический фрейм, в рамках которого работает высшее руководство страны и операционный командую-

щий, ответственный за разработку БДЭ-кампании. Неотъемлемой частью такого фрейма являются стратегические дискурсы¹, рассматриваемые ниже.

Дискурсы и трансляция стратегических целей в операционные эффекты

Важнейшим элементом стратегического фрейма являются дискурсы, протекающие между высшим и военным руководством страны. Они позволяют оформить отношения между политическими и стратегическими целями, возможностями национальной мощи и эффектами военных действий, через которые планируется достигать намеченных целей. Такие дискурсы никогда не были легкими и безболезненными, и нет каких-либо причин думать, что они станут таковыми в будущем [18]. Более того, история говорит не только о сложной и бурной природе дискурсов, но и о критической роли времени, в течение которого происходит обоюдное уточнение видения ситуации его участниками. Тем не менее, это единственный путь соединения политики, стратегии с военными эффектами, которые должны обеспечить военная мощь. Помимо дискурсов, протекающих между высшим и военным руководством страны, также иницируются дискурсы: между командующим и его штабом, помогающие оформить намерение командующего; внутри коалиции союзников, разъясняющие цели будущей кампании; воздействующие на общественное мнение как внутри страны, так и на международной арене и подготавливающие его к проведению будущей кампании [43, p. 17].

¹Программа объединенных передовых методов ведения боевых действий (*Joint Advanced Warfighting Program*), Института военного анализа США определяет дискурсы как «постоянный обмен идеями или мнениями (с обратной связью): 1) по частным темам, 2) поиска ясности и 3) с точки зрения достижения динамического понимания». Дискурсы командующего объединенными силами должны «принимать множество форм», «происходить на многих уровнях», «быть развивающимися (ситуация и обстановка могут измениться, и достигнутые соглашения постоянно меняются, в отличие от конечных целей, которые меняются редко (или не меняются вообще)). <...> Они (дискурсы) должны быть интеллектуально жесткими (поддерживать дебаты, требовать честности от всех участников дискуссии, создавать эффективные цепи обратной связи» [24].

Помимо дискурсов, стратегический фрейм включает в себя реалистическое понимание природы противника. Каковы его цели? Какова политическая, экономическая, военная и совокупная национальная мощь? В каких сферах и на каких направлениях он уязвим? Каким образом его культура, политическая система влияют на выбор высшим руководством предпринимаемых шагов? Чем противник готов пожертвовать? Что говорит история о потенциальном множестве возможных действий противника? Какова будет его реакция на предпринимаемые против него действия? И самым сложным и неосязаемым в такого рода оценках и расчетах была и остается воля противника.

Как показывает исторический опыт, выводы, базирующиеся только на оценках количества вооружения и военной техники, технологических возможностях противника и пр., которые в состоянии обеспечить разведсообщество, зачастую оказываются неадекватными. Высшее и военное руководство страны должны сфокусироваться на понимании противника, как сложной адаптивной системы, неотъемлемым элементом которой является его воля [43, pp. 8-9].

Таким образом, стратегический фрейм в определенной степени формализует сложнейший процесс трансляции политических и стратегических целей в военные действия, позволяя БДЭ-подходу обеспечить постановку и ответы на следующие вопросы:

- Каковы стратегические цели страны в планируемой военной кампании. Каковы должны быть ее результаты?
- Какие виды политических и военных эффектов могут обеспечить достижение стратегических целей? Каким образом военные эффекты могут способствовать достижению политических целей?
- Каковы возможности противника? Как планируется реагировать на возможные действия противника?
- Каким образом будет происходить адаптация, если политический, стратегический, операционный или тактический контекст проводимой кампании начнет сопротивляться предпринимаемым усилиям? [43, p. 24]

Работа в рамках стратегического фрейма требует, чтобы высшее и военное руководство страны постоянно находилось в поле напряженности, формируемом триединством:

- того, что должно достигаться (стратегические цели), при помощи чего (методы и инструменты национальной мощи) и каким образом (через достижение каких эффектов);
- дискурсов, позволяющих понять намерения других и четко сформулировать и прояснить свою точку зрения на то, что может быть достигнуто, при помощи каких сил и средств, каким образом; и
- решительных и стремительных действий по достижению поставленных целей и стратегических результатов [43, р. 17].

ОБДЭ на операционном уровне войны

Именно на операционном уровне выстраивается военный инструмент национальной мощи внутри широкой национальной или мультинациональной кампании. При этом первичной проблемой становится разделение задачи по оценке эффектов между уровнем командующего объединенными силами и командирами подчиненных подразделений внутри объединенного оперативного соединения. Командующий и его штаб, подчиненные командиры и начальники родов войск и служб должны ответить на ряд вопросов, позволяющих им ясно представить, какие эффекты и каким образом будут обеспечиваться. Вопросы могут звучать следующим образом:

- Посредством каких сил и средств предполагается достижения стратегических эффектов? Какие из них доступны немедленно, а какие требуют времени для своего разворачивания?
- Какова потенциальная цена планируемых военных действий на операционном и стратегическом уровнях? Не является ли цена достижения определенных эффектов слишком высокой с политической или военной точек зрения?
- Каковы потенциально негативные эффекты планируемых военных действий?

- Обеспечен ли реалистический баланс между целями и средствами, необходимыми для достижения планируемых эффектов, позволяющих достичь стратегических целей? [56, pp. 147-173].

Выводы

Потенциал концепции ОБДЭ по оркестровке элементов национальной мощи для достижения целей национальной политики является многообещающим, однако многоликость концепции ОБДЭ, отсутствие единого видения, затрудняет ее понимание. В то же время быстрое распространение БДЭ-терминологии, ее проникновение, в том числе, и в военные доктрины резко уменьшают эффективность ОБДЭ, делая концепцию еще более проблематичной и даже опасной [20, pp. 52-53]. Сообщество, занимающееся проблемами НБ, вполне обоснованно говорит о том, что необходимо ясное понимание того, как концепция ОБДЭ намерена обеспечивать решение соответствующих задач, относящихся к сфере национальной безопасности страны. И если уже в рамках военной сферы имеются проблемы даже с общей лексикой, то опрометчиво надеяться, что другие агентства и ведомства, работающие в данной сфере, будут готовы принять идеи и смыслы, которые несет с собой ОБДЭ. Это тем более актуально, если принять во внимание, что тот же Государственный департамент США, другие ведомства и организации имеют свою уникальную культуру, что в прошлом становилось препятствием по созданию общей, универсальной среды и языка национальной безопасности [20, p. 48]. Вышеназванные проблемы недвусмысленно приводят к выводу, что БДЭ-подход не может рассматриваться как сугубо военная концепция, разрабатываемая военными и в интересах военных, но должен стать частью стратегии НБ. В противном случае говорить об эффективности ОБДЭ – как концепции по оркестровке элементов национальной мощи – является некорректным [20, p. 52].

ОБДЭ, безусловно, ужесточает требования к высшему и военному руководству страны. Будущие командующие должны одновре-

менно действовать локально, регионально и глобально, что требует разработки фрейма, в рамках которого можно было бы обеспечить такое целостное понимание [48, р. 30]. Концепция ОБДЭ претендует на эту роль. Превращение БДЭ-подхода в фрейм, в рамках которого организации и ведомства, занятые в сфере НБ, интегрируют свои усилия при решении задач национальной политики, может стать своего рода прорывом. Военные операции никогда не существуют отдельно от реальностей политики, и, хотя военные непосредственно не определяют национальную политику, они должны быть уверены, что их действия находятся в русле стратегии НБ и дополняют политические, дипломатические и экономические усилия страны [1, pp. 24-25]. Концепция ОБДЭ как фрейм должна помочь высшему руководству страны определить, каким образом используются различные элементы национальной мощи при реализации национальной политики и решении задач НБ на всем спектре мира, кризиса и конфликта. В «Единой перспективе-2020» (*Joint Vision 2020*) данный процесс описывается как «Домирование на всем спектре» [53, р. 3].

Концепция ОБДЭ также может помочь понять важность четкого определения целей национальной политики, конечных результатов реализуемой стратегии НБ и помочь в их оформлении. Благодаря БДЭ-мышлению появляется шанс, что со временем станет нормой осознание того, что предпринимаемые действия могут приводить к кумулятивным или каскадным эффектам, распространяющимся по всем уровням и аренам, на которых реализуется национальная политика. Более того, как действия, так и вызванные ими эффекты чаще всего не могут быть отыграны. Это означает, что БДЭ-подход требует появления новых лидеров, способных фокусироваться на результатах проводимой политики и способных интегрировать все элементы национальной мощи для достижения желаемых эффектов [5, р. 18].

Таким образом, концепция ОБДЭ не является новой формой войны, и она не призвана заменить какую-либо из существующих и

признанных ее форм. ОБДЭ это, скорее, новый способ мышления, вокруг старых как мир проблем стратегии – каким образом достичь желаемых политических результатов и нанести поражение противнику с минимальными затратами ресурсов и наименьшими потерями. На протяжении всей истории лица, принимающие военные решения, стремились создать условия, которые помогли бы политическому руководству в достижении целей национальной политики. Успешные командующие всегда преступали пределы чисто военных операций и через понимание противника, его намерений, процесс анализа, оценки, адаптации своих сил, проводили операции, основанные на эффектах и действительности, а не надежде и вере [29, pp. 17-18]

Византийский генерал Велисарий (*Belisarius*) сказал: «Самой полной и счастливой победой является следующая: принудить врага отказаться от своих целей, не понеся самому какого-либо ущерба» [35, p. xii]. Однако такой подход к войне в рамках западной культуры все еще находится в эмбриональном состоянии. В настоящее время западное военное мышление продолжает оставаться ориентированным на достижение целей, но не эффектов, которые вызовут их достижение. Исторически западная военная культура и ее доктрины вращались вокруг классических понятий изнурения и уничтожения, сосредотачиваясь на разрушении живой силы противника, ее материальной части и инфраструктуры. Однако применение концепции беспредельной и неограниченной войны в условиях среды безопасности XXI века достаточно проблематично, и у высшего и военного руководства страны должны быть планы военных кампаний, которые принимают во внимание не только чисто военные последствия проводимых боевых действий, но более широкий контекст, что, в свою очередь, требует учета более широкого диапазона эффектов, которые могут повлиять на противника или изменить его действия и/или поведение [1, p. 11].

Цель войны состоит в том, чтобы заставить противника действовать согласно нашим стратегическим интересам. Причем в иде-

альном случае желательно, чтобы сделать это так, чтобы противник не догадался, что на него воздействуют. Если относиться к проведению войны, исходя из этой перспективы, традиционные методы военного воздействия и применения силы становятся только одними из методов в спектре возможных вариантов и эффектов. Сосредоточение скорее на эффектах – цели стратегии, нежели традиционных военных средствах их достижения, позволяет нам рассматривать другие и подчас более эффективные способы достижения тех же целей с меньшим количеством ресурсов [23, р. 26].

Военные технологии XXI века, в том числе и появление высокоточного оружия, повышение возможностей наблюдения и разведки на качественно новый уровень, создают предпосылки для получения качественного превосходства в точности, диапазоне, скорости и объеме применяемого огня. Это, в свою очередь, расширяет диапазон возможностей для более тонкой работы и воздействия уже на ментальную и психологическую реальность противника. Появляется возможность создания операционной среды, характеристикой которой становится вездесущее и непрерывное влияние на мышление и намерения противника, схожее с ролью гравитации в физической реальности [48, р. 24]. Тем самым, цели национальной политики достигаются через обеспечение непрерывного присутствия на нео-кортикальном уровне духа противника [57, pp. 41-55] (*neocortical layer of an adversary's psyche*). В этом случае враждебность наций, негосударственных акторов может быть нейтрализована без вызывания социальных, экономических или физических разрушений. Действуя быстро и решительно, широко используя возможности всех инструментов национальной мощи, можно добиться глобального доступа, давления и паралича способности противника действовать согласованно. Однако вооружение высшего и военного руководства страны такого рода возможностями подразумевает его готовность использовать данный инструментарий [48, р. 26]. Аспекты концепции ОБДЭ, связанные с ментальной и пси-реальностью пространства боя и процессов принятия решений, развиваются, в

том числе, в рамках исследовательских программ ИПКиУ, и им будет уделено соответствующее внимание.

Таким образом, ОБДЭ – эволюционная концепция, которая не отвергает и не аннулирует традиционные военные концепции, но расширяет боевые и не только возможности командующего по применению всех или некоторых элементов национальной мощи для достижения оперативных и стратегических результатов. Изнурение и уничтожение против эффектов – это ложная дихотомия, и ОБДЭ необходимо считать расширением, а не заменой традиционных военных операций [21, pp. 15-16].

Уходящим в традиции, парадигмы и стратегическое наследие прошлого вызовом для военных было, есть и остается распознавание происходящих в военной сфере и стратегии, обществе в целом изменений, их схватывание и использование, прежде чем это сделает противник. Макиавелли сказал: «Нет ничего более трудного для исполнения, ни более сомнительного для успеха, ни более опасного для управления, чем инициирование нового порядка вещей» [36, p. 21]. Концепция ОБДЭ претендует на то, чтобы стать тем самым новым порядком вещей, и ее потенциал практически неограничен. Она может стать фреймом, в рамках которого через оркестрирование и оптимизацию достигается максимум эффективности инструментов национальной мощи по достижению стратегических целей нации [20, p. 39]. Это позволяет говорить о необходимости более внимательного и подробного рассмотрения концепции в рамках последующих работ.

«Мы должны постоянно быть начеку и сохранять восприимчивость к пока еще не вполне прояснившимся методам и вооружениям. Следующая война будет выиграна в будущем, а не в прошлом. Мы должны идти вперед, иначе пойдем на дно».
Генерал Дуглас МакАртур

Источники и литература

1. *Kevin D. Admiral*, Effects-Based Operations: Enhancing Operational Art and Design in the 21st Century. Norfolk, VA: National Defense University, Joint Forces Staff College, 2005. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA436609>
2. Air Corps Tactical School Lecture Text. Principles of War Applied to Air Force Action, Maxwell Field, AL: ACTS Course "Air Force," 1934-1935.
3. *Atkinson Simon R. and James Moffat*, The Agile Organization: From Informal Networks to Complex Effects and Agility. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2005. 29 may 2009. <http://www.dodccrp.org/files/Atkinson_Agile.pdf>
4. *J. Boone Jr. Bartholomees*, A Survey of Strategic Thought // *Bartholomees, J. Boone Jr. (ed.)*, U.S. Army War College Guide to National Security Policy and Strategy Revisited, Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, June 2006. 29 may 2009. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB708.pdf>
5. *Allen W. Batschelet*, Effects-Based Operations: A new Operational Model, Strategic Studies Institute "Transformation Concepts for National Security in the 21st Century," Advanced Strategic Art Program (ASAP), 2002. 29 may 2009. <http://carlisle-www.army.mil/ssi/pubs/2002/transon/transcon.htm>
6. *T.W. Beagle*, Effects-Based Targeting: Another Empty Promise? Maxwell Air Force Base, AL: Air University Press, 2000. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA391749>
7. *Price T. Bingham*, Seeking Synergy: Joint Effects-Based Operations, Joint Force Quarterly: JFQ, #30, Spring 2002. 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/jfq_pubs/
8. *Allen Hamilton Booz*, Summary of the MORS Workshop: Analyzing Effects-Based Operations. Military Operations Research Society (MORS).McLean, VA: Jan. 2002. 29 may 2009. http://www.mors.org/meetings/oa_nco/nco_pres/Iwanski.pdf
9. *Richard Brooks* (ed.), Atlas of World Military History. London: Harpers Collins Publishers, 2000.
10. *Wendy H. Burkett*, Assessing the Results of Effects-Based Operations (EBO): The Relationship Between Effects-Based Operations and the Psychological Dimension of Warfare. Carlisle Barracks, PA: Army War College, 2003. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA414951>

11. *Jim Caldwell*, MC02 experiment extends C4ISR to all services. Virginia: TRADOC News Services, 26 June 2002.
12. *Carpenter Paul M. and William F. Andrews*, Effects-based Operations: Combat Proven, Joint Force Quarterly (JFQ), #52, Winter 2009, pp. 78-82; *Paul K. Van Riper*, EBO: There Was No Baby in the Bathwater, Joint Force Quarterly (JFQ), # 52, Winter 2009. 29 may 2009. http://www.ndu.edu/inss/Press/jfq_pages/i52.htm
13. *Arthur K.Cebrowski*, The Implementation of Network-Centric Warfare. Washington, D.C.: Office of the Secretary of Defense. 29 may 2009. http://www.oft.osd.mil/library/library_files/document_387_NCW_Book_LowRes.pdf
14. *Arthur K.Cebrowski*, Military Transformation. A Strategic Approach, DOD, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, Fall 2003, p. 34. 29 may 2009. <http://www.iwar.org.uk/rma/resources/transformation/military-transformation-a-strategic-approach.pdf>
15. *Gary H. Cheek*, Effects-Based Operations: The End of Dominant Maneuver? Carlisle Barracks, PA: Army War College, 2002. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA401019>
16. *Winston Churchill*, Winston Churchill Addresses A Joint Session Of Congress, December 26, 1941. 29 may 2009. <http://rightwingnews.com/speeches/churchdec.php>
17. *Wesley Clark*, Waging Modern War. New York, NY: PublicAffairs, LLC, 2001.
18. *Eliot A. Cohen*, Supreme Command: Soldiers, Statesman, and Leadership in Wartime. New York, NY: Free Press, 2002.
19. *Craven, Wesley, F. and James L. Cate, eds.*, The Army Air Forces In World War II, vol. 6, Men and Planes. Chicago: University of Chicago Press, 1955; new imprint, Washington, D.C.: Office of Air Force History, 1983.
20. *Michael L. Davidson*, Culture and Effects-Based Operations in an Insurgency. Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies, Army Command and General Staff College, 2005. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA437568>
21. *Paul K. Davis*, Effects-Based Operations: A Grand Challenge for the Analytical Community. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2001. 29 may 2009. <http://www.rand.org/publications/MR/MR1477>
22. *Richard G. Davis*, Carl A. Spaatz and the Air War in Europe. Washington, DC: Center for Air Force History, 1983.

23. *David A. Deptula*, *Effects-Based Operations: Change in the Nature of Warfare*. Arlington VA: Aerospace Education Foundation, Defense and Airpower Series, 2001. 29 may 2009. <http://www.aef.org/pub/psbook.pdf>
24. *Discourses and the Joint Force Commander*, Joint Advanced Warfighting Project, Alexandria, VA: Institute for Defense Analyses Brief, December 2001.
25. *Giulio Douhet*, *The Command of the Air*. New York: Coward-McCann, 1942; Reprint, Washington, DC: Office of Air Force History, U.S.A.F, 1983 <1921, 1927>.
26. *David S. Fadok*, John Boyd and John Warden: Airpower's Quest for Strategic Paralysis, in *The Paths of Heaven: The Evolution of Airpower Theory*, Maxwell Air Force Base, AL: Air University Press, 1997. 29 may 2009. http://aupress.maxwell.af.mil/saas_Theses/Fadok/fadok.pdf
27. *Muir S. Fairchild*, National Economic Structures, Maxwell Field, AL: Air Corps Tactical School Lecture, 5 April 1939.
28. *Fleet Marine Force Manual 1 (FMFM1), Warfighting*, Washington, DC: Department of the Navy, Headquarters United States Marine Corps, 20 June 1997. 29 may 2009. <http://www.marines.cc/downloads/FMFM1/FMFM1-1.pdf>
29. *Dennis J. Gleeson et al.*, *New Perspectives on Effects-Based Operations: Annotated Briefing*, Alexandria, VA: Joint Advanced Warfighting Program, Institute for Defense Analyses, 2001. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA395129>
30. *Wayne M. Hall*, Notes, The Pieces of Information Superiority // United States Joint Forces Command, Millennium Challenge 2002, Joint Integrating Experiment, 2002.
31. *Haywood S. Jr. Hansell*, *The Air Plan that Defeated Hitler*. Atlanta: Higgins-McArthur/Longino & Porter, Inc., 1972.
32. *Haywood S. Hansell*, *The Strategic Air War against Germany and Japan*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1986.
33. *Len Hawley*, A Policy-makers Perspective on Effects Based Operations, MORS keynote address // Workshop Summary, The Bulletin of Military Operations Research (MORS), March 2002.
34. *Keaney, Thomas A. and Eliot A. Cohen*, *Gulf War Air Power Survey, Summary Report*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1993.
35. *Basil H. Liddell Hart*, *Strategy*, 2nd edition, 1954, reprint, New York: Frederick A. Praeger, 1967.

36. *Niccolò Machiavelli*, *The Prince and The Discourses*. The Modern Library, Random House, Inc., 1950.
37. *David MacIsaac*, *Voices from the Central Blue: Air Power Theorists*, // *Peter Paret, ed., Makers of Modern Strategy*, Princeton, NJ, 1986, p. 630.
38. *Edward C. III Mann et al.*, *Thinking Effects: Effects-Based Methodology for Joint Operations*, CADRE Paper No. 15. Maxwell Air Force Base, AL, Air University Press, October 2002. 29 may 2009. http://www.maxwell.af.mil/au/aul/aupress/CADRE_Papers/PDF_Bin/mann.pdf
39. *Millett, Allan R. and Williamson Murray*, *The Lessons of War*, *The National Interest*, #14, Winter 1988/1989.
40. *William Mitchell*, *Our Air Force: The Keystone of National Defense*. New York: E. P. Dutton & Company, 1921. 29 may 2009. <http://ia341040.us.archive.org/2/items/ourairforcekeyst00mitcrich/ourairforcekeyst00mitcrich.pdf>
41. *William Mitchell*, *Skyways: A Book on Modern Aeronautics*. Philadelphia: J. B. Lippincott Company.
42. *William Mitchell*, *Winged Defense: The Development and Possibilities of Modern Air Power - Economic and Military*. New York: Dover Publications Inc., 1988, reprint of 1928 original publication.
43. *Murray, Williamson and Kevin Woods*, *Thoughts on Effects-Based Operations, Strategy, and the Conduct of War*. Joint Advanced Warfighting Project, Alexandria, VA: Institute for Defense Analyses, IDA Paper P-3869, October 2004. 29 may 2009. <<http://handle.dtic.mil/100.2/ada428069>>
44. *Williamson Murray*, *Reflections on the Combined Bomber Offensive*, *Militargeschichtliche Mitteilungen*, 51, 1992.
45. *Williamson Murray*, *Gulf War Air Power Survey (GWAP), Vol. 2, Part I, Operations*, Department of the Air Force, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1993.
46. *Mancur Jr. Olson*, *The Economics of Target Selection for the Combined Bomber Offensive*, *RUSI Journal*, vol. CVII, November 1962.
47. *William J Ott*, *Maj Gen William "Billy" Mitchell: A Pyrrhic Promotion*, *Air & Space Power Journal*, December 1, 2006. 29 may 2009. <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj06/win06/ott.html>
48. *David W. Pendall*, *Effects-Based Operations and the Exercise of National Power*, *Military Review*, vol. 34, no. 1, Jan./Feb. 2004. 29 may 2009. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/milreview/pendall.pdf>

49. *Ralph Peters*, Bloodless Theories, Bloody Wars: Easy-win concepts crumble in combat, *Armed Forces Journal*, 143, # 9, April 2006. 29 may 2009. <http://www.armedforcesjournal.com/2006/04/1813800>
50. *Hayes, Richard Dr. and Sue Iwanski, Ms.*, Analyzing Effects Based Operations (EBO) Workshop Summary, PHALANX: The Bulletin of Military Operations Research (MORS), Vol. 35, No. 1, March 2002. 29 may 2009. http://www.mors.org/meetings/ebo/ebo_phalanx.pdf
51. *Leonard D. Rickerman*, Effects-Based Operations: A New Way of Thinking and Fighting. Fort Leavenworth, KS: School of Advanced Military Studies, Army Command and General Staff College, 2003. 29 may 2009. <http://handle.dtic.mil/100.2/ADA416050>
52. *Max Schoenfeld*, Winston Churchill as War Manager: The Battle of the Atlantic Committee, 1941, *Military Affairs*, Vol. 52, #3, Jul., 1988.
53. *Henry H. Shelton*, Joint Vision 2020 America's Military: Preparing for Tomorrow. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, June, 2000.
54. *Edward A. Smith*, Complexity, Networking, and Effects-Based Approaches to Operations. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2006. 29 may 2009. http://www.dodccrp.org/files/Smith_Complexity.pdf
55. *Edward A. Smith*, Effects Based Operations: Applying Network-centric Warfare in Peace, Crisis, and War. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 2002. 29 may 2009. http://www.dodccrp.org/files/Smith_EBO.pdf
56. *Richard M. Swain*, Filling the Void: The Operational Art and the U.S. Army // *McKercher B. J. C. and Michael A. Hennessy* (eds.), *The Operational Art: Developments in the Theories of War*, Westport, CT: Praeger, 1996.
57. *Richard Szafranski*, Neocortical Warfare? The Acme of Skill, *Military Review*, Vol. 74, Issue 11, November 1994. 29 may 2009. <http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/milreview/neocortical.pdf>
58. *The United States Strategic Bombing Survey Report (European War)*. September 30, 1945, reprinted in *The United States Strategic Bombing Surveys (European War) (Pacific War)*. Maxwell Air Force Base, AL: Air University Press, 1987. 29 may 2009. <http://www.anesi.com/ussbs02.htm>
59. *U.S. Air Combat Command*, Effects Based Operations. White Paper. Washington, D.C: Government Printing Office, May 2002.
60. *U.S. Department of the Air Force*. Air Force Basic Doctrine, Air Force Doctrine Document 1, Washington, D.C.: Department of the Air Force, 17 No-

- vember 2003. 29 may 2009. <http://www.docstoc.com/docs/896768/AFDD-1-Air-Force-Basic-Doctrine>
61. *U.S. Department of the Air Force*. Information Operations. Air Force Doctrine Document 2-5. Air Force Doctrine Center, Washington, D.C.: Department of the Air Force, 11 January 2005. 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/service_pubs/afd2_5.pdf
 62. *U.S. Department of the Army*, Operations, Field Manual 3-0, Washington, D.C.: Department of the Army, June 14, 2001. 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/service_pubs/fm3_0a.pdf
 63. *U.S. Department of the Army*, Concepts for the Objective Force. White Paper. Washington, DC: Department of the Army, 2001. 29 may 2009. <<http://www.army.mil/features/WhitePaper/ObjectiveForceWhitePaper.pdf>>
 64. *U.S. Department of the Navy*. Vision...Presence...Power: A Guide to U.S. Navy Programs, Washington, DC: Department of the Navy, 2002 ed. 29 may 2009. <<http://www.chinfo.navy.mil/navpalib/policy/vision/vis02/top-v02.html>>
 65. *U.S. Joint Chiefs of Staff*, Joint Doctrine Encyclopedia. Washington, D.C.: U.S. Department of Defense, 16 July 1997b. 29 may 2009. <http://www.dtic.mil/doctrine/jrm/encycllop.pdf>
 66. *U.S. Joint Chiefs of Staff*. Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. Joint Publication 1-02. Washington, D.C.: JCS, 12 April 2001 (As Amended Through 17 March 2009). 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp1_02.pdf
 67. *U.S. Joint Chiefs Staff*. Joint Operations. Joint Publication 3-0. Washington, D.C.: U.S. Department of Defense, 17 September 2006, Incorporating Change 1, 13 February 2008. 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp3_0.pdf
 68. *U.S. Joint Forces Command*. Operational Implications of Effects-based Operations (EBO), Joint Doctrine Series: Pamphlet 7, Suffolk, VA: Joint Warfighting Center, Nov. 17, 2004. 29 may 2009. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/other_pubs/jwfc pam7.pdf
 69. *U.S. Joint Forces Command*. A Concept Paper for Operational Net Assessment (ONA) *Version 2.0*. Norfolk, VA: 3 May 2004
 70. *U.S. Marine Corps*. Concepts & Programs 2002. Washington D.C.: Headquarters, U.S. Marine Corps Programs and Resources Department, 2002.

71. *Ullman, Harlan and James Wade*. Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance. Washington, DC: DoD Command and Control Research Program (CCRP) Publication Series, 1996. 29 may 2009. http://www.dodccrp.org/files/Ullman_Shock.pdf
72. *John A. III Warden*, The Enemy as a System, *Airpower Journal*, Spring 1995, p. 54. 29 may 2009. http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/apj95/spr95_files/warden.htm
73. *Watts, Barry D. and Thomas A. Keaney*. Gulf War Air Power Survey (GWAP), Volume 2, Part 2, *Effects and Effectiveness*, Department of the Air Force, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1993. 29 may 2009. <<http://www.fas.org/sgp/library/gwapsv2.doc>>
74. *Рачья Арзуманян*, «Континуум войны и западная военная культура», Научно-образовательный фонд «Нораванк», журнал «21 век», # 2 (4), Ереван, 2006, сс. 35-77. 29 may 2009. http://www.noravank.am/file/article/19_ru.pdf
75. *Рачья Арзуманян*, «Теория и принципы сетцентричных войн и операций», Научно-образовательный фонд «Нораванк», журнал «21 век», # 2 (8), 2008, сс. 66-127. 29 may 2009. http://noravank.am/file/article/361_ru.pdf
76. *Рачья Арзуманян*, «Трансформация военной сферы Армении и императивы новой эпохи», Научно-образовательный фонд «Нораванк», журнал «21 век», № 1(7), 2008, сс. 25-70. 29 may 2009. http://www.noravank.am/file/article/328_ru.pdf
77. *Карл фон Клаузевиц*, О войне. М., ООО «Изд-во АСТ»; Спб.: «Terra Fantastica», (в 2т.), Т.1, 2002.

Анна Жамакочян
Диана Галстян

**СИСТЕМА И МЕТОДОЛОГИЯ
АНТИАРМЯНСКОЙ
ПОЛИТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА**

СИСТЕМА АНТИАРМЯНСКОЙ ИНФОПОЛИТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Война – это путь обмана.
Сунь-Цзы, 6-й век до н.э.

Современные этапы азербайджанской инфополитики

Азербайджанское антиармянство формировалось под влиянием радикальной националистической политики Турции с самого начала возникновения азербайджанской государственной единицы в 1918г. В советское время, в частности, в 1930-х гг., антиармянство было мотивировано целью создания понятия «азербайджанский народ», далее, с начала 1960-х, оно вступило в этап наиболее интенсивного развития и с тех пор системно расширяется по сей день, захватывая в свою орбиту все новые сферы.

В советскую эпоху основной составляющей инфополитики была историко-культурная плоскость: историки «буниатовской школы»¹ стремились азербайджанизировать культурно-историческое наследие проживающих на территории Азербайджанской ССР этнических групп, в особенности – армян, одновременно фальсифицируя их этнонациональную историю. Несмотря на трагическую смерть самого Буниатова – его убили в Баку члены исламской группировки, посчитав агентом израильской разведки, – созданные им подходы пережили автора и ныне развиваются в новосозданной Республике Азербайджан (АР).

¹Зия Буниатов, будучи директором Института Ближнего и Среднего Востока АН АзССР, по заказу ЦК Азербайджана занимался шовинистической пропагандой, в частности, посредством созданной в 1930-х гг. и вновь пущенной в оборот «теории» об азербайджанцах как потомках Кавказского Агванка. По его инициативе и под его авторством издавались и переиздавались «историографические» книги, в которых, в частности, армяне представлялись как агваны.

Накануне распада СССР антиармянство в Азербайджане актуализировалось в контексте статуса НКАО. Геноцидальные действия в Сумгаите, Кировабаде и Баку в 1988-1990гг. были спровоцированы и осуществлены в результате специально запущенной в азербайджанское общество дезинформации, согласно которой армяне совершали «жестокости» в отношении азербайджанцев, проживающих в АрмССР и НКАО. После распада СССР азербайджанская информационная политика еще более активизировалась. И после подписания соглашения о прекращении огня между армянской и азербайджанской сторонами в 1994г. информационная политика Азербайджана, оставаясь в рамках логики конфликтных отношений, вступила в новый, послевоенный этап.

В 1998-2002гг. в Азербайджане начался активный поиск стратегии информационных действий. В частности, было практически удвоено, до 613, число азербайджанцев и турок-месхетинцев, ставших жертвами Ходжалинских событий¹. Логическим продолжением роли «жертвы», выбранной Азербайджаном, стало подписание Гейдаром Алиевым месяц спустя, в марте 1998г., указа «О геноциде азербайджанцев». В Армении, находившейся в сложной внутривнутриполитической ситуации, возможные последствия этого шага были явно недооценены. А совершенный 27 октября 1999г. в Национальном собрании РА террористический акт Азербайджан воспринял как дополнительную возможность антиармянской пропаганды. В результате Указ «О геноциде азербайджанцев» и развернувшаяся с новой силой антиармянская пропаганда стали фундаментальными факторами в деле дальнейшего созидания азербайджанской нации, на этот раз – вокруг единого «трагического» прошлого.

Внутриполитическая напряженность в Армении 1998-2000гг. сыграла роль катализатора в формировании администрацией Г.Алиева основных направлений антиармянской инфополитики. Характерно, что именно в 2000г. была впервые опробована технологическая составляющая информационных нападений: азербайджан-

¹ В неофициальных пропагандистских материалах число жертв раздувается до нескольких тысяч.

ские хакеры временно вывели из строя ряд армянских интернет-сайтов, затрагивающих темы Геноцида и НКР.

В 2001-2002гг.¹ усиление нефтяного фактора позволило Азербайджану выделить значительные средства на разработку, организацию и осуществление антиармянской инфополитики и вовлечь в работу специалистов из-за рубежа. Развитие же информационных технологий в регионе было использовано Азербайджаном для расширения путей распространения информации, обновления информационного «арсенала» и, тем самым, увеличения аудитории влияния.

Последний, в определенном смысле переломный по широте охвата и методологической отшлифованности этап антиармянской инфополитики начался в 2003г., когда Гейдара Алиева сменил на посту президента Азербайджана его сын Ильхам. Последний очень скоро сумел придать антиармянскому процессу новые качества и акценты. Эти развития были обусловлены не только армянскими реалиями, но и внутриазербайджанскими политическими факторами. Дело в том, что приход к власти Алиева-младшего был воспринят неоднозначно, и некоторые круги азербайджанской общественности попытались поставить под сомнение целесообразность института династического наследования власти. И если на уровне элит И.Алиеву удалось, используя разнообразные рычаги, сгладить разногласия крыльев власти, то для управления общественным мнением были востребованы меры иного характера.

Для руководства Азербайджана прямой мишенью информационной атаки стали РА, НКР и Армянство: они стали «угрозой существованию» азербайджанского общества. Подготовка к войне с РА и НКР, углубление военно-политического сотрудничества с Турцией, беспрецедентный рост военного бюджета ради предотвращения «надвигающейся угрозы» были «приправлены» мощнейшей эскалацией антиармянской пропаганды сперва в Азербайджане, а потом и за рубежом. Набрала новую силу тенденция сотворения образа врага из армя-

¹ Примечательно, что в 2001г. с предложением вести информационные войны выступил руководитель телерадиогоскомитета Азербайджана в 1978-1990гг. Эльшад Гулиев (см. [1]).

нина, начался новый этап возвращения к фальсификациям Зии Буниатова еще советских времен, была поставлена под вопрос цивилизационная роль Армянства вместе с его историей и идентичностью¹. Девальвация роли Армянства в мировой культуре и цивилизации была поднята на уровень государственной стратегии и поставлена под контроль алиевского клана. Последовавшее за этим 10 мая 2004г. официальное открытие фонда Гейдара Алиева², управляемого президентской семьей, стало, можно сказать, актом государственной институционализации азербайджанской антиармянской инфополитики.

Таким образом, начиная с 2003г. президент Ильхам Алиев во всех аспектах антиармянской политики взял на себя роль нападающего. При его непосредственном участии была создана система, цель которой – дискредитировать РА и Армянство, вбить клин между Арменией и Диаспорой, представить Армянство как геноцидальную нацию, сосуществование с которой угрожает национальной безопасности Азербайджана, и пр. Параллельно изменились подходы в вопросе урегулирования Карабахской проблемы. В переговорном процессе И.Алиев стал более агрессивным, не забывая при этом заниматься интенсивной антиармянской пропагандой. Радикализация милитаризма была возведена в ранг государственной политики, и обе тенденции со временем стали только «ширяться и крепнуть»³.

Обобщая этапы развития антиармянской пропаганды, можно выделить три определяющих фактора: семья Алиевых, нефтегазовые ресурсы и НКР. Что касается первого, то вокруг каждого живого или мертвого члена семьи Алиевых продолжает создаваться система мифов, символов и образов, определяющая политические и социальные доминанты общества⁴. Перспектива больших доходов от нефти и газа

¹ Выступление Ильхама Алиева в НАН в 2005г., <http://www.regnum.ru/news/565316.html>

² Деятельность фонда представлена в следующем разделе книги.

³ Например, выступление И.Алиева на заседании правительства 14 апреля 2008г. было призывом проводить еще более интенсивную пропаганду против Армении и армянского народа.

⁴ 27 июня 1997г. Мили Меджлис Азербайджана провозгласил 15 июня (день возвращения в 1993г. Г.Алиева к власти) «Днем национального спасения», http://news.bakil.ilar.az/news_v_azerbayjane_otmechaetsya_22826.html

в свете возможностей решения социальных проблем является другим, не менее важным фактором азербайджанской пропаганды. И, наконец, самая большая по своей важности и масштабности роль отведена Арцахскому конфликту, а главная ударная сила направлена против Армении, НКР и Армянства. Армения в геополитическом плане представляется как бедный второстепенный актер, руководствующийся неподобающими XXI веку цивилизационными принципами.

Таким образом, сопоставляя начатые при Г.Алиеве и получившие особый размах при И.Алиеве антиармянские действия, можно заключить, что сегодня Азербайджан осуществляет против РА, НКР и всего Армянства целенаправленную, управляемую государством системную информационную политику.

Принципы антиармянской инфополитики

Антиармянская политика является неотъемлемой частью государственной политики Азербайджана. Цели ее, с одной стороны, – всесторонняя и всемерная дискредитация армянских субъектов – РА, НКР и Армянства, с другой – формирование, по контрасту, собственного благоприятного имиджа путем распространения сугубо азербайджанских интерпретаций проблемных вопросов. Эти два параллельных политических процесса настолько срослись, что противопоставление Армении и Армянству стало важной, чуть ли не важнейшей составляющей новой самоидентификации азербайджанцев. В качестве основных принципов, положенных в основу антиармянской инфополитики, можно выделить следующие:

1. максимально объемный сбор информации об Армении и Армянстве, изучение социально-психологического, культурного образа армянина¹;

¹Сегодня в Азербайджане действует Центр армянских исследований, возглавляемый Гафаром Чахмаглы, информация о котором крайне скудна. Заметим, что о необходимости изучения феномена Армянства и возможном создании в дальнейшем института арменоведения еще в 2008г. публично высказался руководитель Центра стратегических исследований при президенте Азербайджана Эльхан.

2. постановка целей и разработка антиармянской информационной политики, основанной на опыте других стран, в частности, Турции;
3. многовекторный, атакующий подход в антиармянской политике, противодействие проармянским информационным потокам на оперативно-тактическом и стратегическом уровнях;
4. распространение дифференцированной по целевым аудиториям антиармянской пропаганды – в собственном обществе, в армянском обществе, в исламском мире, в постсоветском и западном обществах, рассчитанной в особенности на молодежь и даже детвору¹, а также на тех, кто принимает решения в геополитически значимых странах и международных структурах;
5. применение особых подходов и дискурса к каждой аудитории в соответствии с ее особенностями;
6. интеграция антиармянской политики во все сферы государственной политики и ее целостное системное применение.

Составляющие азербайджанской инфополитической системы

Историко-культурная составляющая

Это одна из наиболее традиционных составляющих антиармянской политики Азербайджана, которая, взяв начало в 30-ых гг. прошлого века, получила бурное развитие в 60-ые гг. благодаря З.Буниатову и стала приобретать современный вид с 2000г. Работы по истории, а точнее – по ее всяческому искажению, в этой составляющей инфополитики изготавливает в основном Национальная академия наук Азербайджана с помощью Институтов истории, прав человека и др.

¹Помимо того, что в азербайджанских школьных учебниках имеют свое четкое место насаждающие ксенофобию тексты, в Азербайджане фонд Г.Алиева периодически организует конкурсы сочинений или рисунков на тему «Ходжалу глазами детей» с раздачей призов победителям. Известно, что подобные мероприятия по манипулированию формирующейся ментальностью детей школьного возраста экспортируются также в другие страны, например, в Пакистан.

Основная цель деятельности этих учреждений состоит в фальсификации истории Армении, армянского народа и Азербайджана, азербайджанизации кавказских агванов (албанов) и, в особенности, представлении тюрков «коренной, автохтонной» нацией региона. Армяне же, соответственно, «пришлый» народ повсюду, в том числе и в историческом Арцахе. Особенно примечательны сочинения на тему того, что историко-культурное наследие армян, дагестаноязычных и ираноязычных народов Восточного Закавказья якобы принадлежит «протоазербайджанцам – албанам». Нововведениями последних 20 лет являются также территориальные претензии к Республике Армения на основании вброшенного в оборот понятия «Западный Азербайджан». Фальсификации политической истории Арцаха и исторической Армении являются, надо полагать, основой для оправдания возможной агрессии Азербайджана против РА и НКР.

Переписываются также факты недавнего прошлого, армянам в деле формирования азербайджанского государства в начале XX века приписывается множество преступлений. Геноцидальные действия, совершенные в 1988-1990 гг. азербайджанским руководством в отношении армянского населения в Сумгаите, Кировабаде и Баку, представляются как «армянские провокации».

«Корректировка» истории производится как с помощью фальсификации и переизложения текстов, описывающих этнонациональную историю проживающих в регионе коренных народов, так и путем уничтожения историко-культурного наследия. Как это имело место, например, в 2005-2006 гг. с хачкарами кладбища в Новой Джуге. Другой путь – присвоение историко-культурного наследия, провозглашая его «сугубо азербайджанским». И тут, не довольствуясь тем, что под рукой, армянские церкви и памятники, характерные для христианской и чисто армянской культуры, приписываются народу Кавказского Агванка (Албании) уже на территории РА и НКР. А нынешние азербайджанцы, поскольку они провозглашены наследниками агванов, уже могут вступить в права пользования всем, что есть в регионе. Кстати, изображения армянских культур-

ных памятников попадают на современные азербайджанские марки и денежные знаки¹ – естественно, как азербайджанские, что, по замыслу авторов этой инициативы, тоже должно способствовать их азербайджанизации.

Наряду с присвоением старых создаются также новые «места памяти» – памятник, посвященный «геноциду Ходжалу», аллея Шехидов, памятники «геноцида азербайджанцев», турецким солдатам, погибшим во время захвата Баку в 1918г., и пр. Все это сопровождается, естественно, шумными пропагандистскими кампаниями.

Правовая составляющая

В демонстрации собственных интересов и точек зрения с целью их дальнейшего закрепления как на внутреннем, так и на международном законодательно-правовом поле Азербайджан весьма последователен. Он не только пытается на основе внутриазербайджанской правовой базы переименовать армянские топонимы НКР начиная с 1991г., тем самым выдавая Арцах за азербайджанскую территорию, но и умеет «пробить» в СЕ и ООН проазербайджанские резолюции в вопросе Нагорного Карабаха. Чтобы еще раз подчеркнуть значение информационного влияния на принятие Генеральной ассамблеей ООН 14 марта 2008г. резолюции A/62/L.42², подготовленной АР в свою пользу, отметим, что в ее поддержку проголосовали лишь 39 из 192 стран-членов ООН. При этом многие из поддержавших резолюцию не имели очевидных политических мотиваций для этого, и их позиция «за» или «против», скорее всего, была обусловлена сформированной вокруг вопроса «информационной атмосферой».

В общем русле антиармянской правовой политики находится и указ президента Гейдара Алиева 1998г. о провозглашении 31 марта днем «геноцида» азербайджанцев, в совершении которого, естественно, официально обвиняются армяне. Этот указ, по замыслу патриарха азербайджанской политики, должен был создать правовую основу для квалификации событий 1992г. в окрестностях с.Ходжалу

¹ Подробности см. [1].

² <http://www.un.org/russian/ga/62/docs/62res3.shtml>

в качестве «геноцида», осуществленного армянами солдатами, и как бы легитимизировать активную антиармянскую пропаганду. Теперь же, внушив согражданам мысль о геноциде, руководство Азербайджана пытается получить его международное признание.

К правовой составляющей относятся также своеобразные интерпретации договоров, предшествующих основанию и, особенно, распаду СССР, имеющие отношение к политико-правовым основам независимости НКР. В этом ряду важным манипуляционным шагом является спекулятивная подача признания ООН современного Азербайджана в территориальных границах АзССР. Точно так же, как и раздувание возможностей правопринуждения по факту признания.

Составляющая народной дипломатии

К этой сфере относится деятельность лиц, командируемых из АР на мероприятия региональных и международных форматов неправительственных организаций (НПО). В подобных встречах зачастую участвуют как сотрудники азербайджанских спецслужб, так и лица, инструктированные на проведение государственной пропаганды. Представители азербайджанских НПО, как правило, едут на такие встречи с материалами, в которых на конкретные вопросы уже имеются готовые антиармянские ответы.

Известны случаи, когда командируемые на международные встречи с азербайджанской стороны «информаторы-передвижники» представляются как пострадавшие от армянской «агрессии». Так, на одной такой встрече в Стамбуле представитель Азербайджана Анар Усубов выступил в роли беженца из Ходжалу. Он же 27 февраля 2009г., уже в компании с неким Зауром Алиевым, на организованном в Москве фондом Г.Алиева посвященном Ходжалу пропагандистском шоу выступил как свидетель и складно «рассказывал свои воспоминания о зверствах и надругательствах армянских солдат в отношении мирных жителей азербайджанского населенного пункта»¹. Это несмотря на то, что «очевидец» тогда, в 1992г., пребывал еще практически в младенчестве.

¹ <http://news-ru.trend.az/karabakh/1432478.html>

Частью политики, проводимой в рамках народной дипломатии, является также деятельность в АР и за рубежом азербайджанских *GONGO*¹, а также общин, составленных из проживающих либо обучающихся за рубежом азербайджанцев. Формирование и работа таких *GONGO* системно поощряется Советом государственного содействия общественным организациям при президенте АР, выделяющим НПО гранты для деятельности в «приоритетных» сферах. Это, в основном, программы, связанные с территориальной целостностью Азербайджана, правами беженцев и внутренне перемещенных лиц.

Деятельность НПО квази-правозащитной направленности служит, как правило, не свободной реализации прав граждан Азербайджана, а государственной политической пропаганде (например, НПО «Право выбора»). Однако самым ярким примером азербайджанских *GONGO* является вышеупомянутый фонд Гейдара Алиева, который, наилучшим образом совмещая свой общественный статус и правительственный мандат, интегрируется в сети международных неправительственных организаций и активно сотрудничает с общественными структурами различных стран.

Азербайджанское правительство прилагает серьезные усилия и в деле создания в разных странах новых, особенно молодежных НПО и использования их в интересах государственной пропаганды. В ряду этих НПО состоит, например, Азербайджанская молодежная организация России, председателем которой на учредительном собрании 19 апреля 2009г. была избрана дочь президента АР Лейла Ильхамовна Алиева, являющаяся по совместительству также руководителем представительства фонда Гейдара Алиева в РФ.

Проживающие за рубежом азербайджанцы активно мобилизуются в информационную политику страны, между ними устанавливаются общинные связи, и, таким образом, формируется азербайджанская диаспора. В этих работах, помимо диаспоральных органи-

¹ От английского *Government-operated Non-governmental organization* (дословно *управляемые правительственные неправительственные организации*).

заций, активно участвуют Государственный комитет по связям с Диаспорой, Координационный совет азербайджанцев мира, а также посольства Азербайджана в различных странах. О том, что общинные структуры тоже поставлены на службу азербайджанским государственным пропагандистским интересам, свидетельствуют их антиармянские акции и издательская деятельность. Так, по инициативе Лондонской азербайджанской общины экземпляры англоязычных проазербайджанских изданий «Трагедия Ходжалу: международная точка зрения» и «Международные точки зрения: армяно-азербайджанский конфликт вокруг НКР» были отправлены главе МИД Великобритании Дэвиду Милибэнду, 646 членам Палаты Общин, 78 депутатам, представляющим Великобританию в Европейском парламенте, газетам «Вашингтон Пост», «Санди Таймс», «Нью-Йорк Таймс», «Ньюсуик», «Бостон Глоб» и в 60 библиотек мира [2]. Сегодня азербайджанские общинные организации действуют в США, Израиле, России, Украине, Турции, Грузии, Франции, Великобритании, Бельгии, Германии, Голландии и др.

Азербайджан, расширяя фронт народной дипломатии, тесно сотрудничает также с исламскими и тюркоязычными общинами западных стран, в частности, с гораздо более мобилизованной турецкой диаспорой. На этом участке антиармянского фронта совмещаются действия против международного признания Геноцида армян с распространением проазербайджанских точек зрения в вопросе НКР. Так, в ноябре 2007г. по инициативе Ильхама Алиева в Баку состоялся 11-ый съезд дружбы, братства и сотрудничества тюркоязычных стран. 9 марта того же года в Баку прошел первый форум руководителей азербайджанских и турецких организаций диаспоры, на котором были приняты «Стратегия совместной деятельности азербайджанских и турецких организаций диаспоры» и «Бакинская декларация». А уже 27 марта 2008г. в Берлине прошло заседание «Координационного совета азербайджанских и турецких организаций диаспоры», которое решено созывать ежегодно.

Можно быть уверенными, что азербайджанские НПО, прожи-

вающие в зарубежье азербайджанцы и другие тюркоязычные мигранты вместе с турецкими общинными объединениями составляют систематизированную информационную сеть. Она обеспечивает не только нужные информационные потоки, но и организует акции, пытаясь таким образом воздействовать на международное общественное мнение.

Лоббистская деятельность

В этой сфере Азербайджан использует как дипломатические каналы, так и свои общинные ресурсы и сформированные под эту задачу НПО в данной стране. Лоббистскими действиями являются, например, предоставление азербайджанским посольством в Нидерландах 16-томника на тему «геноцида Ходжалу» библиотеке Гаагской палаты мира; «перетягивание» иностранных дипломатов на проазербайджанские позиции различными путями; содействие продвижению отличившихся антиармянскими действиями лиц в политических сферах разных стран и др.

Особо сумела отличиться в сфере лоббинга основанная в 2007г. в Израиле международная ассоциация Азербайджан-Израиль (коротко – «АзИз»). Ассоциация основана совместными усилиями уроженца Баку, депутата израильского Кнессета 17-го созыва Йосефа Шагала¹ и Госкомитета по работе с проживающими за границей азербайджанцами². Она объединяет 80-110 тыс. членов, в том числе все бывшие израильские общинные структуры эмигрантов из Азербайджана. В рядах ассоциации состоят бывшие азербайджанские евреи, имеющие общественный вес: 30 действующих журналистов русскоязычных СМИ Израиля, 15 профессоров 6-и израильских университетов, 150 врачей и др. «АзИз» налаживает связи между еврейскими лобби в Азербайджане, Израиле и в США и направляет их

¹ Примечательно, что председатель «АзИз» Йосеф Шагал уже не входит в состав сформированного в 2009г. Кнессета 18-го созыва, с чем может быть связано снижение активности организации. На состоявшемся в марте 2009г. форуме структуры говорилось даже о скудости средств (<http://www.druzya.com/forum/showthread.php?t=50572>).

² В 2008г. комитет был переименован в Государственный комитет по работе с Диаспорой.

деятельность. Естественно, на содействие антиармянской и проазербайджанской политике. За короткое время своего существования «АзИз» успел организовать встречи высокопоставленных чиновников Израиля и Азербайджана, наладить связи между «Еврейским комитетом Америки» и АР¹, отметился изданием и распространением в Израиле пропагандистской литературы, обвиняющей армян в организации еврейских погромов, а также отрицанием Геноцида армян в израильском Кнессете в 2008г.

Исполнительный директор «АзИз» Лев Спивак был главным консультантом изданной в феврале 2008г. в Москве книги Ровшана Мустафаева² «Танго смерти» и рецензентом другого антиармянского труда, на этот раз – «Марша смерти», вышедшего в свет осенью 2008г. в Иерусалиме на английском и иврите. В этих «трудах» автор ищет армянское происхождение нацистских лидеров – организаторов Холокоста. Одновременно с поисками он обвиняет армян в еврейских погромах в азербайджанском городе Губа в 1918-1919гг.³

Усилиями «АзИз» «Марш смерти» был роздан членам Кнессета, библиотекам Израиля и распространен в других странах. Важно отметить, что, несмотря на соответствие работ международной ассоциации «Израиль-Азербайджан» условиям информационного

¹ В 2007г. при активном участии председателя «АзИз» Йосефа Шагала состоялась первая встреча Назима Ибрагимова, руководителя Государственного комитета по работе с проживающими за границей азербайджанцами, с еврейскими структурами США, во время которой влиятельные американские евреи «были удивлены реальными сведениями о том, что Азербайджан – единственная страна, где не зафиксирован ни один случай антисемитизма» (<http://day.az/news/politics/98646.html>). А уже в следующем году исполнительный директор Американского еврейского комитета Дэвид Харрис нанес трехдневный визит в Баку, встретился с Ильхамом Алиевым и заявил во время пресс-конференции, что его организация будет представлять в США интересы Азербайджана (<http://ayekikan.wordpress.com/2008/08/19/american-jewish-committee-to-lobbyfor-azeri-interests-announces-director/>).

² Ныне покойный Ровшан Мустафаев был директором Института прав человека НАН Азербайджана и считался «самозабвенным бойцом информационной войны» <http://www.xalqgazeti.com/index.php?lngs=aze&cats=12&ids=26654>.

³ Ровшан Мустафаев в рамках НАН Азербайджана еще в 2002г. выступил с антиармянской публикацией под названием «Преступления армянских террористических и бандитских формирований против человечества (XIX-XXI вв.); (Баку – ЭЛМ – 2002), обвинив армян в зверском истреблении различных этнонациональных групп, в том числе евреев, ссылаясь при этом на «свидетельства» известного своим антисемитизмом и ксенофобией радикального националиста Василия Львовича Величко <http://www.kitab.az/cgi-bin/catlib2/item.cgi?lang=az&item=20060619060511499>.

модерна, действия ее замечательно укладываются в рамки турецкой политической архаики¹.

В лоббистской составляющей активно эксплуатируется идея прав человека. Например, омбудсмен Азербайджана Эльмира Сулейманова пропагандирует целенаправленную армянофобию в рамках международных структур, видимо, именно так понимая свои человеческие права. Армяне обвиняются ею в совершении сразу трех геноцидов – «Кяркиджагана, Карадаглы и Ходжалу»². Но самым ярким достижением азербайджанского лоббинга следует считать провозглашение губернатором Невады Джимом Гибсоном 31 марта «днем памяти азербайджанцев»³. Это завоевание – результат продуктивного труда сформированной в США организации «Сеть азербайджанцев США» (*US Azeri's Network (USAN)*) и ее исполнительного директора Адила Багирова⁴.

Именно благодаря *USAN* в протоколы заседаний Конгресса США были включены доклады ряда членов Палаты представителей США, посвященные трагедии Ходжалу. Очевидно, что *USAN* (ее обычно называют «дорогостоящие лоббисты») на этом не остановится. По словам Багирова, «... благодаря политической деятельности можно сделать многое <...> Мы можем многого добиться и конкурировать даже с такими сильными соперниками, какими являются армянская Диаспора и ее лобби»⁵.

¹ О визите министра иностранных дел Турции в Израиль в феврале 2009г. и работах по противодействию процессу признания Геноцида армян в статье *Тома Серева* «Mozart and the Armenian genocide» (<http://www.haaretz.com/hasen/spages/914602.html>).

² <http://www.regnum.ru/news/1056691.html>

³ <http://www.panarmenian.net/news/eng/?nid=32022&date=2009-05-21>

⁴ За плодотворную деятельность на государственной службе Адил Багиров по указу президента АР в феврале 2009г. был награжден медалью «Шохрет». Багиров совмещает должность исполнительного директора *USAN* с должностью вице-президента Международного центра стратегических исследований.

⁵ <http://www.eurasianet.org/russian/departments/insight/articles/eav050809aru.shtml>

Внутриполитическая составляющая

Формирование антиармянских настроений во внутриполитической жизни Азербайджана – это уже политическая линия, не имеющая альтернативы. Воинственная риторика властей, демонстративное раздувание военного бюджета, управление средствами масс-медиа, замалчивание позиций, противоречащих властным информационным потокам, поставлены на службу антиармянской инфополитике, в частности, насаждению в азербайджанском обществе нетерпимости к образу армянина. В результате проявленного властью упорства антиармянство стало для азербайджанского общества частью сознания. Армянофобия поддерживается почти ежедневными публикациями в азербайджанских СМИ антиармянских материалов, ложных сведений о нарушении «армянами» режима прекращения огня, а также рядом праздников и дней памяти в государственном календаре, освежающих в народном сознании ненависть к армянам.

Восприятие НКР как части Азербайджана также постоянно внедряется в сознание общества передачей информации в нужном ракурсе и изданием соответствующих карт. Так, события, которые произошли на территории НКР, освещаются как внутренняя информация АР. В этом же ключе можно рассматривать постоянное лидерство футбольной команды под символическим названием «Карабах».

Образовательная политика также пронизана информационными действиями: социализация азербайджанских детей происходит в контексте демонизации и дегуманизации армян. Свидетельством тому является пропаганда в школьных учебниках «ужасов, сотворенных армянами» в Ходжалу, и иных инфологем¹ о нечеловече-

¹ *Инфологема* – понятие, выражающее синтез информационных мифологем и означающее лже-информацию, вытесняющую реальные факты. Инфологема формируются под влиянием либо неосознанных заблуждений, либо осознанных и целенаправленных манипуляций. Им присуще самовоспроизводство, широкое распространение и проникновение в системы. Инфологема действуют на человека в течение неограниченного периода времени, поскольку с легкостью появляются в информационных ресурсах, книгах, архивных материалах, становятся их элементом и таким образом участвуют в формировании искаженной картины в сознании людей. Инфологема формируют устойчивые стереотипы частного и социального поведения и способны дезориентировать целые поколения [3].

ской тюркофобии армян. В результате чего восприятие армян как врагов и агрессоров, особенно среди азербайджанской молодежи, становится спецификой национального менталитета.

Определенную нагрузку в антиармянской пропаганде взяла на себя и религиозная элита страны, глава которой Аллахшукюр Пашазаде активно внушает правоверным армянофобию. Не ограничиваясь Азербайджаном, духовный лидер пропагандирует антиармянские настроения и среди мусульманских народов Северного Кавказа. Тут легко проглядываются, в случае успеха, планы управления негативными настроениями по отношению к армянству, густо населяющему определенные районы Северного Кавказа.

Антиармянство в Азербайджане стало самовоспроизводящейся политикой. Внедренное и постоянно поощряемое в виде, например, организованного министерством национальной безопасности конкурса Самира Аскерханова¹, раздачи президентом орденов и денежных призов, антиармянство становится благодатной почвой также для множества как бы спонтанных, идущих от «народного сердца» инициатив.

Медиа составляющая

Азербайджан, считая медиапространство стратегически важным в деле формирования проазербайджанских позиций, вкладывает в эту сферу большие средства. Информационное воздействие на армянские аудитории оказывается не только опосредованно, через СМИ других стран, но и напрямую – с помощью интернета, широко используемого пропагандистской машиной Азербайджана. Сегодня функционируют сотни сайтов антиармянского содержания, зарегистрированные как в Азербайджане, так и вне него. В частности, активно действующий сайт *www.justiceforkhojaly.org* задействован в рамках международной

¹Одной из целей этого конкурса является «представление международному сообществу азербайджанской действительности», а работы победителей в номинациях «журналистская работа», «научное исследование», «современная информационная пропаганда», «кино и изобразительное искусство» традиционно носят антиармянский характер (подробности см. [1]).

агиткампании «Справедливость в вопросе Ходжалу» с презентацией его в крупных городах по всему миру. Инициатором этого проекта снова является Лейла Ильхамовна Алиева, на этот раз в статусе главного координатора диалога культур и цивилизаций «Молодежного форума исламской конференции».

Для занятия благоприятных позиций во всемирном традиционном медиапространстве Азербайджан заказывает материалы в известных СМИ и сотрудничает с ними вплоть до приобретения пакетов их акций. Например, соглашение, подписанное между азербайджанским информационным агентством «*Trend*» и итальянской информационной службой «*Adnkronos International*» (*AKI*) в 2009г., предполагает обмен информационными, аналитическими материалами и подготовку эксклюзивов. *AKI* в числе 11 организаций входит в мультимедийную издательскую группу «*The GMC Group*», сотрудничающую с «*Reuters International*», «*Scripps Howard News Service*», «*Los Angeles Times*», «*Washington Post News Service*», «*Deutsche Presse Agentur*», «*The New China News Agency*» и др¹. Среди новых партнеров «*Trend*» числится также украинское государственное агентство «Укринформ».

В медиапространстве РФ Азербайджан использует соотечественников, занявших позиции в российских СМИ еще в советское время. Например, главным редактором газеты «Коммерсантъ», склонной к антиармянским публикациям, является Азер Мурсалиев². В Москве под руководством азербайджанцев издаются две русскоязычные газеты – «Азеррос» и «Азербайджанский конгресс», журнал «Вестник Аналитики» и др., которые вполне можно квалифицировать как антиармянские трибуны. В Москве и Баку под редакцией Мусы Марджанли на трех языках издается и распространяется журнал «*IRS* Наследия». Все статьи 5-го номера журнала за 2008г. были связаны с Арменией и Армянством. А в статье под названием «Они не должны остаться безнаказанными» представлены имена второго

¹ <http://www.day.az/news/society/152559.html>

² http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2009/01/13/n_1316901.shtml

и действующего президентов РА, министра обороны и еще 38 лиц, обвиняемых в «убийстве мирного населения Ходжалу» во время военных действий. Остальные номера журнала в той же степени проникнуты антиармянским духом.

В иностранных государствах азербайджанские периодические издания и сайты служат как делу сплочения местных общин, так и антиармянской пропаганде в этих странах. Так, например, учрежденная в Брюсселе организация «Азербайджанский дом» (2000г.) с 2004г. издает газету «Еврохабар» («*Euroxeber*»). Она распространяется в азербайджанских общинах стран ЕС, поставляется чиновникам и парламентариям ЕС, Совета Европы, ОБСЕ и законодателям стран Евросоюза. Действует также интернет-сайт газеты.

Азербайджанская политика в инфопространстве других стран пытается конкурировать с армянской. Так, с 2008г. в Москве, по образу и подобию успешного журнала «Ереван» издается журнал «Баку». Главным редактором и издателем «Баку» является все та же небызвестная Лейла Ильхамовна.

Однако логика конкуренции на внутреннем Азербайджанском рынке непопулярна, и азербайджанская информационная политика тут отличается крайней жесткостью. Так, с 1 января 2009г. в Азербайджане на частоте национальных радиоволн было пресечено вещание «*Radio Liberty*», «*Voice of America*» и «*BBC*». Баку обещал для восполнения образовавшегося информационного пробела задействовать в мае 2009г. телекомпанию («*ATV International*») с ежечасным вещанием на английском, русском, иранском, турецком и армянском языках. Однако выяснилось, что передачи «*ATV International*» предназначены для спутниковых трансляций на территории соседнего Ирана, разумеется – РА и НКР, и для восполнения внутриазербайджанского информационного дефицита никак не предназначены. Трансляции на армянском языке, естественно, рассматриваются как возможность «доведения до армянской аудитории правды об Азербайджане» и «прямого обращения к армянам Нагорного Карабаха». В подготовку телематериалов вовлечен также возглавляемый

Гафаром Чахмаглы Центр армянских исследований¹, и все это в совокупности означает серьезнейший вызов информационной безопасности Армении.

Одним из последних шагов, направленных на полный контроль азербайджанских властей над СМИ, было создание 3 апреля 2009г. Фонда правительственного содействия прессе при президенте Азербайджана со своим зданием, оборудованием и средствами из госбюджета. Совет прессы подготовил список членов ревизионной комиссии Фонда, в который были включены руководители ведущих СМИ Азербайджана: *Day.az*, *APA*, *Ayna*, *Zerkalo*, *525* и *Turan*².

Технологическая составляющая

Азербайджан, не без турецкого содействия, пытается достичь превосходства над Арменией в технологической сфере хакерских кибервойн. Армянские интернет-ресурсы впервые подверглись азербайджанской атаке в 2000г., и с тех пор хакерские действия становятся все интенсивнее. По мнению экспертов, последние азербайджанские хакерские атаки оставляют впечатление «военных маневров» и осуществляются, по всей видимости, государственными структурами, скорее всего – Управлением пропаганды и информации министерства национальной безопасности. Если раньше целью атак было нарушить доступ к армянским сайтам, психологически воздействовать на их пользователей и тем самым внушить собственному обществу радость победы, то теперь они преимущественно направлены на разрушение систем информационной секретности, выявление в них уязвимых узлов и похищение баз данных.

О серьезном отношении азербайджанских властей к коммуникационным и информационным технологиям свидетельствует и указ Ильхама Алиева от 2006г. о провозглашении 6 декабря Profes-

¹ «ЦАИ может помочь в подготовке телепередач на армянском языке», 2009.03.06, <http://www.1news.az/society/20090306062649397.html>

² Очередная вереница «объективной» лжи. <http://www.armtown.com/news/am/aza/20090421/7497/,2009.04.21>

сиональным днем сотрудников министерства связи и информационных технологий Азербайджана. Деятельность этого министерства направлена на достижение регионального доминирования в сфере телекоммуникаций, и отмечена определенными успехами. Азербайджан уже приобрел на правах собственности 3 орбитальные позиции и планирует запустить первый спутник связи в 2010, второй – в 2011г. и стать, таким образом, страной, оказывающей услуги космической связи. Можно не сомневаться, что эти новые возможности будут использованы для еще более активных антиармянских информационных действий.

МЕТОДОЛОГИЯ АНТИАРМЯНСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

Для обеспечения информационной безопасности армянского общества необходимы изучение видов антиармянских информационных атак, разработка исследовательской методологии и осведомление общества о результатах. Особенно важно формирование представлений о получивших в последнее время большой размах азербайджанских информационных атаках, что мы и попытаемся сделать в этой статье.

Не возвращаясь к динамике развития армянофобии, рассмотрим, какие основные подходы применяют в последнее время разработчики антиармянства соседней страны в конкретных информационных действиях.

Любая инфополитическая система является совокупностью отдельных информационных действий, которые несут в себе:

1. социальный контекст;
2. источник информации;
3. средство коммуникации;
4. сообщение (мессидж);
5. аудиторию;
6. основную цель или миссию.

Для нужного информационного воздействия важны как параметры каждого из этих элементов в отдельности, так и их синтез. Попытаемся разобраться, как применяются и взаимодействуют компоненты азербайджанских информационных действий.

Социальный контекст

Социальный контекст, в широком смысле слова, это та пространственно-хронологическая среда, в которой осуществляется контакт или информационное действие. Поэтому азербайджанская сторона в своих информационных действиях пытается использовать в своих интересах благоприятные ситуации, а неблагоприятные факторы стремится уравновесить или нейтрализовать на оперативно-тактическом и стратегическом уровнях. Так, чтобы уравновесить или нейтрализовать неблагоприятные факторы социального контекста на тактическом и стратегическом уровнях, в августе 2004г. в Венгрии было открыто посольство Азербайджана. Целью этой «операции» была координация информационных и прочих действий, связанных с судебным процессом по делу азербайджанского офицера Рамиля Сафарова¹.

Примечательно, что информационные действия, направленные на укрепление позиций Азербайджана в Венгрии, продолжают до сих пор: в ноябре 2008г. в Будапеште состоялась уже ставшая традиционной 3-ая международная научная конференция «Венгрия-Азербайджан: культурный диалог», посвященная, в том числе, вопросам истории Азербайджана в современной венгерской историографии².

Неблагоприятные факторы уравниваются и оперативными информационными действиями. Так, если в Армении президент соседней Грузии М.Саакашвили посещает Мемориал памяти жертв Геноцида армян, то в азербайджанском информационном пространстве обязательно появляются интервью с 1-2 грузинскими историка-

¹ Офицер ВС Азербайджана Рамиль Сафаров зимой 2004г., участвуя в Будапеште в программе НАТО «Партнерство во имя мира», зверски убил спящего офицера ВС РА Гургена Маркаряна, участника той же программы. Во время следствия Р.Сафаров объяснил свой поступок этнической ненавистью, но во время суда от этого объяснения отказался.

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D1%84%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2,_%D0%A0%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8C_%D0%A1%D0%B0%D0%B3%D0%B8%D0%B1_%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D1%8B

² «Венгерским ученым предложено организовать научные экспедиции в Азербайджан», 2008.11.21, <http://www.media-v.hu/index.php?page=news&set=month&id=4142>

ми, отрицающим Геноцид армян и считающими ненужными и опасными для грузин отношения с армянами и Армянством¹.

Примечательно использование сложившейся в РА после 1 марта 2008г. политической ситуации в правовой, внешнеполитической, внутривнутриполитической и др. плоскостях, которая явилась для Азербайджана благоприятным фактором социального контекста. Именно в этом контексте 14 марта 2008г. Азербайджану удалось внести в повестку 62-ой сессии Генеральной ассамблеи ООН резолюцию «Ситуация на оккупированных территориях Азербайджана» и добиться ее принятия 39-ю голосами «за» из 192.

Таким образом, мониторинг социального контекста и появление в нем любых новых факторов способствуют постановке целей и эффективному применению для их достижения азербайджанских информационных действий.

Однако азербайджанская сторона не довольствуется объективно сложившимися ситуациями социального контекста и, вбрасывая атакующими действиями искусственные факторы, такие, как, например, провозглашение траурных дат, обвиняющие армян в погромах азербайджанцев, пытается осуществить субъективное формирование социального контекста. Это позволяет им видоизменять логику коммуникаций и принуждать армянскую сторону к переходу на оборонительные позиции. Созданный подобными методами социальный контекст становится уже определенным образом стабильной средой, в которой азербайджанская пропаганда проводится с наступательных позиций, с применением заранее подготовленных шаблонов.

Источник информации

Главными характеристиками источников информации являются доверие к ним, их авторитет, разнообразие и легитимность. Поэтому азербайджанская сторона, во-первых, пытается придать авторитет своим пропагандистским источникам и сформировать к ним высокое дове-

¹ Грузинский историк: «У армян так заведено: где бы они ни жили, эту местность считают армянской территорией», 2009.06.27, <http://1news.az/analytics/20090627044431735.html>

рие, навешивая на них положительные имиджевые ярлыки. Так, например, аналитик официального азербайджанского информационного агентства «Азертадж» Вугар Сеидов представляется как «известный политолог», который подписывает свои материалы то из Будапешта, то из Берлина, оставляя впечатление международного эксперта. По тому же принципу все служители антиармянской пропаганды провозглашаются «знаменитыми учеными» и «известными деятелями».

Другим методическим приемом является *создание иллюзии диверсификации источников* путем вовлечения в антиармянские действия не только местных, но и зарубежных ученых-исследователей и журналистов. Причем, вовлечение как бы нейтральных иностранцев (как, например, Эриха Файгла и Юрия Помпеева) используется также как средство *легитимизации* антиармянских информационных действий. Очень большое значение придается и проазербайджанским заявлениям иностранных дипломатов и политических деятелей, которые подаются не как личное, а как объективное мнение международного сообщества.

Азербайджанская сторона для *легитимизации* своей дезинформации постоянно *ссылается на армянские или кажущиеся армянскими источники*. С этой целью под пропагандистскими текстами могут подписаться несуществующие лица с армянскими фамилиями, известным армянским деятелям приписываются выдуманные фразы либо их мысли представляются вне контекста, с измененным смыслом. Типичным примером этой технологии является следующий.

Директор центра «*Банк-информации*» Ровшан Новрузоглы 2 июня 2006г. в газете «*Зеркало*» привел «цитаты» из книги Зория Балаяна «Воскрешение души нашей» о зверствах армян по отношению к азербайджанцам. Отмечается даже, что книга вышла в свет в 1996г. в Ванадзоре, тогда как ни Зорий Балаян, ни кто-либо другой такой книги не издавал¹. На летней сессии Совета Европы 2009г. уже депу-

¹ «Армянский тележурналист: в Азербайджане дезинформация превращается в индустрию», 2008.06.17, <http://www.regnum.ru/news/1015850.html>

тат Милли Меджлиса Азербайджана Ганира Пашаева (сестра Мехрибан Алиевой, супруги президента Азербайджана) в своем выступлении вновь привела «цитаты» из мифической книги, которая на этот раз называлась «Оживление нашего духа», освежив, тем самым, дезинформацию Новрузоглы теперь уже с европейской трибуны¹.

Цели легитимизации источников информации служили также зарегистрированные в армянском доменном пространстве «*am*» азербайджанские пропагандистские сайты (*xronika.am*, *versiya.am*). Сайт *versiya.am* просуществовал сравнительно недолго, был разоблачен после первого же размещения лже-проармянской информации, удостоился детального просмотра армянским интернет-сообществом² и был заблокирован Центром по связям с общественностью и информации аппарата президента РА³. Сайт *xronika.am*, имевший более долгую историю, пытался воздействовать на армяно-грузинские отношения во время Южноосетинского конфликта, распространив в августе 2008г. антигрузинскую дезинформацию от имени «Патриотов Джавахка» [4]. В дальнейшем договор о деятельности этого сайта по понятным причинам не был обновлен владельцами сайта.

Естественно, что азербайджанские антиармянские информационные действия направлены не только на повышение доверия к собственным источникам, но и на дискредитацию и делегитимизацию проармянских и армянских источников с навешиванием ярлыков типа «пропагандистский», «дезинформационный», «преступный», иногда – «террористический». Иностранные источники, чьи точки зрения не совпадают с азербайджанскими, тоже, как можно догадаться, не пользуются особыми симпатиями азербайджанской стороны. Здесь азербайджанцы используют турецкую методологию, ярчайшим примером которой является попытка дискредитации известного исторического романа Франца Верфеля «Сорок дней Муса-Дага». С этой целью еще в 1989г., в преддверии 75-ой годовщины

¹ 2009.06.27, http://www.golos.am/index.php?option=com_content&task=view&id=47435

² «Как стряпаются «дезы». Или – о бедном Вусале замолвите слово...», 2009.02.19, http://karabah88.ru/press2009/02/0219_striapnya.html

³ www.nv.am/2008/5mart/tema.htm

Геноцида армян, турками была создана *инфологема*, что, якобы, Верфель в последние годы своей жизни «выяснил, что его произведение не имеет исторических оснований». Причем турецкая сторона, учитывая еврейское происхождение Верфеля и, стало быть, значение его романа среди евреев, выбрала источником инфологема американского раввина, еврея Альберта Эмейтью (он же – Абраам Сабар и Абраам Сон Север). Эмигрировав еще в юности из Турции в Америку, Эмейтью сделал свое «открытие» в возрасте 101 года, спустя 45 лет после смерти Франца Верфеля¹. Источник был создан, и на него в дальнейшем ссылались классический армянофоб Эрих Файгл и другие проповедники антиармянства.

Средства коммуникации

В выборе средств коммуникации важны их *разнообразие и многочисленность*, благодаря чему формируется *широта распространения и иллюзия достоверности* информации. Азербайджан тут использует все формальные (государственные органы, СМИ, дипломатические средства, общественные организации) и неформальные (передвижные информаторы, интернет-ресурсы, социальные сети) коммуникационные возможности. Что обеспечивает наибольший охват аудиторий, которым адресована информация. Широко применяется и механизм взаимных ссылок [5], когда одну и ту же информацию распространяют множество источников, ссылаясь друг на друга. Этот механизм умножает коммуникационные возможности, обеспечивая максимальную доступность различных аудиторий, и способствует созданию эффекта множественности. Когда через различные средства коммуникации – личные связи, СМИ, книги, видеофильмы – передается одна и та же информация, создается иллюзия ее достоверности. Применяется принцип: «Ложь, повторенная многократно, становится правдой».

¹ «Взгляд с вершины Муса-дага», 2009.02.26, http://www.golos.am/index.php?option=com_content&task=view&id=43129&Itemid=41

Копирование одной и той информации методом взаимных ссылок является дополнительным приемом для ее вывода на первые позиции в поисковых системах интернет-сайтов.

Сообщение (мессидж)

Сообщение является самой многослойной составляющей коммуникации, характеристиками которого является его содержание: тема, объект, дискурс, приемы текстового воздействия, аргументация, эмоциональная нагрузка. А также образность, символика, многожанровость и частота повторения.

Частое повторение сообщения, в первую очередь, преследует цель сделать его доступным для аудитории и привлечь к нему внимание. Благодаря закономерности механизмов восприятия и запоминания, часто повторяющееся сообщение эффективно закрепляется в общественном сознании и приводит к более глубинным последствиям. Даже если его содержание не принимается на веру, оно, став обыденным, закрепляется в социальной реальности. Этот механизм широко применяется в азербайджанской пропаганде: даже неаргументированное сообщение становится обоснованным за счет наслоения таких же сообщений. Азербайджанская пропаганда прибегает также к многожанровой упаковке одного и того же сообщения, подавая его не только в виде текстов политического, но и культурного, спортивного и иного характера, придавая большое значение привлекательности, символической и эмоциональной насыщенности текстовых заголовков. Чрезвычайно разнообразны также жанры зрительной выразительности сообщения или его визуализации. Это весьма своеобразно смонтированные «документальные» фильмы, сфабрикованные фотографии, карты, анимации и проч., широко применяемые азербайджанской стороной.

В азербайджанских информационных текстах объектом дискуссий (а чаще – атак) становится любой субъект, имеющий для Армянства ценностную и символическую нагрузку, будь то обычный

армянин, исторический герой или аспекты политической истории. Среди наиболее часто встречающихся, *горячих тем* антиармянских информационных атак можно выделить следующие.

Тема 1. История армянской государственности и армянского народа, в частности, политическая история Арцаха, вопросы происхождения и автохтонности армян

В рамках этой темы искажается политическая история Армении, распространяются сомнения в автохтонности армян Арцаха. Идея о пришлости армян муссируется особенно активно. В некоторых пропагандистских сообщениях армяне отделяются от «арменов» – якобы представителей коренных тюркоязычных племен, у которых «хайи»-армяне украли их самоназвание [6]. В рамках этой темы происходит также отчуждение и деарменизация армянских культурно-исторических понятий.

Тема 2. Ложное (тенденциозное) толкование вопросов образования азербайджанского государства, происхождения, формирования народа и его автохтонности

Тема искажения истории Армении постоянно сопровождается представлением азербайджанцев как коренных жителей региона. Азербайджанские политические круги и историки уже десятки лет занимаются «поиском предков». Хотя в генетическом самовосприятии сегодняшних азербайджанцев и доминирует турецкое начало – «одна нация, два государства», согласно буниатовским новациям в их идентичность внедряются компоненты отождествления с Кавказским Агванком. Таким образом, история и культурное наследие Армении не только деарменизируется, но и агванизируется¹, с пер-

¹ Например, Гандзасар провозглашается резиденцией Агванского католикоса, упразднение которой в XIX веке объясняется интригами армянского католикоса. Тем не менее, азербайджанским культурным достоянием считаются армянские церкви и другие историко-культурные памятники, находящиеся не только на территории современного Азербайджана и НКР, но и в пределах РА. Об этом непрямо заявляют многие азербайджанские пропагандистские сайты, например: <http://amor.az/index.frc?mod=2&lang=ru&id=434&cat=90>.

спективной дальнейшей азербайджанизации.

Азербайджанские пропагандисты переносят Арцах в Агванк, выдавая его за историческую провинцию Агванка, населенную автохтонными агванами вплоть до XIX века, задолго до «прибытия армян». А поскольку между агванами и азербайджанцами ставится знак равенства, следовательно, последние становятся аборигенами Арцаха. В рамках этой темы иногда и арцахцы получают возможность стать аборигенами, но только в том случае, если они станут «арменизированными агванами». Точно так же и жители Сюника зачисляются в потомки агванов.

Тема 3. Отрицание Геноцида армян и проектирование преступления

Опираясь на турецкие традиции, в азербайджанских информационных действиях отрицается Геноцид армян и запускается в оборот фантазия «об убийстве армянскими бандами в годы Первой мировой войны 2 млн. невинных турок». В деле отрицания факта Геноцида зачастую призываются в свидетели передовики турецкой пропаганды Джастин Маккарти, Ави Рубин, Гюнтера Левин, Сенфорд Шоу, Эндрю Манго, чьи «труды» в основном посвящены доказательству несоответствия армянских погромов или «армянской трагедии» в Османской Турции понятию «геноцид».

Муслирование азербайджанцами этой темы нацелено на содействие турецкой пропаганде отрицания Геноцида и распространение сомнений в достоверности информации, представленной армянской стороной.

Тема 4. Обвинения армянской стороны в осуществлении «геноцида азербайджанцев»

Логика отрицания Геноцида находит свое смысловое продолжение в обвинении армян в совершении «геноцида азербайджанцев в течение двух веков». Эта точка зрения развивается в основном на основе искажения следующих трех исторических событий.

- *Столкновения между Бакинской коммуной и мусульманами в 1918г. выдаются за реализацию армянами «преступного плана» «геноцида азербайджанцев».*

Согласно этой инфологеме, в марте-апреле 1918г. в Баку, Шамхоре, Губе «армянские банды» убили более 50 тыс. азербайджанцев, а заодно и представителей других национальностей, в частности – евреев, разрушили их дома, уничтожили исторические памятники. Эта тема в Азербайджане получила также и правовое закрепление в виде провозглашения «дня геноцида азербайджанцев».

- *Азербайджанцы, погибшие в результате операций советской армии в Баку в 1990г., предстают жертвами армянских провокаций.*

Эта тема является одной из наиболее латентных (неявных) в антиармянской пропаганде. События зачастую представляются вне контекста, упоминания о них начинаются только с 20 января, тема же армянских погромов, начавшихся 13 января, из-за которых, собственно, советская армия, хоть и с опозданием, оказалась в Баку, старательно замалчивается. События 20 января представляются как давление советских властей на азербайджанцев, протестовавших против армянского сепаратистского движения. В случаях же, когда всплывают некоторые реалии армянских погромов, их представляют как организованные армянами провокации, на которые азербайджанцы поддались по своей душевной чистоте и наивности. Этот «аргумент» особенно актуален в объяснениях погромов в Сумгаите и Кировабаде в 1988г.

- *Представление событий в Ходжалу в 1992г. в качестве совершенных армянскими военнослужащими умышленных убийств, т.е. «геноцида».*

Искаженное представление событий в Ходжалу является одной из ключевых тем азербайджанской инфополитики. Почти все азербайджанские сайты, в том числе официальные сайты государственных структур, имеют отдельные разделы, целенаправленно дающие свою версию событий. В частности, на официальном сайте президента Азербайджана, в рубрике «Кровавое воспоминание» события в Ход-

жалу квалифицируются как «геноцид, осуществленный в отношении мирного населения». После чего подробно описывается «официальное» число жертв, пострадавших и размер материального ущерба. Заданная президентом тема активно подхватывается в виде последовательных действий по предоставлению миру «правды о Ходжалу». Издается множество статей и книг с презентациями их в различных странах, печатная продукция раздается главам государств, авторитетным международным организациям, библиотекам и т.д. В 2009г. в этом ряду вышла в свет еще одна книга – «Геноцид Ходжалу» (на английском языке, авторы – депутаты Милли Меджлиса Хава Мамедова и Ганира Пашаева), которая основана на якобы «реальных событиях» и свидетельствах «очевидцев»¹. Вовлекаются в дело и иностранные авторы. Например, Юрий Помпеев в книге «Кровавый омут Карабаха» собрал и обобщил «объективную» азербайджанскую информацию об армяно-азербайджанском конфликте. И он же является традиционным оратором организуемых фондом Гейдара Алиева ежегодных мероприятий, посвященных событиям в Ходжалу.

Вышеупомянутые тематические направления служат не только созданию противовеса информационным потокам о Геноциде армян, но и закреплению «образа жертвы» азербайджанцев и сотворению из армян «образа врага».

***Тема 5. Обвинения Армянства в «совершении преступлений»
против других народов, повальной тюркофобии и
антисемитизме; инфологема «международной
армянской угрозы»***

В рамках этой тематики армян обвиняют в преступлениях и погромах, совершенных в отношении других народов региона, в том числе евреев и русских. Армянство обвиняется в совершенно несвойственном ему антисемитизме, из Армении и Армянской Апостольской церкви азербайджанская пропаганда пытается сотворить

¹ <http://news-ru.trend.az/karabakh/1426397.html>

проявившую себя в истории «международную террористическую этнокорпорацию». А уже в нынешних реалиях Армении и НКР приписывается терроризм, наркобизнес, траффикинг и прочие грехи, интегрирующие их в международные преступные сети. Кроме того, азербайджанская сторона совместно с Турцией пытается мифологизировать антитурецкое сознание армян. Замечательна в этом плане формулировка из учебника по истории для 11-го класса (Баку, 2002г.): «Трудно представить, насколько армяне ненавидят турок. Армяне ракетой «Стингер» сбили спешащий на помощь пострадавшим от землетрясения 1988 года самолет «Ил-76», а также югославский самолет, который по ошибке был принят за турецкий» [1, с. 71]. Между тем совершенно точно известно, что югославский самолет с миссией помощи пострадавшим от землетрясения 1988г. потерпел катастрофу вследствие аварии, и в память об этом воздвигнут памятник, а рассказ о турецком самолете – абсолютный блеф. Такие рассказы кажутся особенно странными на фоне плакатов с надписью «Поздравляем!», вывешенных на разграбленном поезде, прибывшем в Армению сразу после землетрясения через Азербайджан, и «поздравительных» открыток, которые получали армянские семьи от знакомых азербайджанцев в связи с землетрясением.

Мифы о «свирепости», приписываемой армянам в отношении азербайджанцев, продолжают слагаться, информационное пространство полно описаниями разрушений, грабежей, поджогов, и актов насилия, особенно в отношении женщин и детей. В этом ряду примечателен миф о «капанской трубе», согласно которому «в Капане армяне заперли азербайджанских детей в трубе и заварили ее с обоих концов». По ходу этих насыщенных трагическими эмоциями описаний развешиваются и соответствующие ярлыки, типа «агрессоров», «шовинистов» и пр.

Все описанные действия нацелены, во-первых, на то, чтобы представить РА, НКР и Армянство как международную угрозу. Во-вторых – воспитать свое общество, в особенности молодежь, в духе милитаризма, реваншизма и армянофобии [7].

Тема 6. Извращение морально-психологического облика и системы ценностей армянского народа

Эта тема, находясь в логике предыдущих, имеет свои ответвления. Например, любое, даже мелкое преступление, совершенное в любой точке планеты лицами армянского происхождения, освещается с подчеркнутой этнической точки зрения. Это же информационное действие реализуется и в историческом дискурсе – дискредитацией армянских деятелей и изображением военных героев побежденными [6].

Тема 7. Спекуляции существующими внутренними социально-экономическими и политическими проблемами РА и НКР и сочинение новых

Социально-экономическая и политическая ситуация в РА и НКР постоянно находятся в центре внимания азербайджанских пропагандистов, и они очень оперативно реагируют на наши внутренние развития, в особенности – на критику в адрес властей. РА представляется как страна, стремящаяся к самоизоляции, с развалившейся экономикой, будущее которой весьма туманно. Азербайджанские «аналитики» приходят к выводу, что экономическая ситуация в РА и НКР скоро еще больше осложнится и станет причиной тотальной эмиграции населения¹. Азербайджан же, напротив, представляется благополучной страной, набирающей мощь день ото дня.

Тема 8. Спекуляции проблемами армянской армии, распространение дискредитирующих инфологем

В азербайджанском информационном пространстве особое место занимают известия, дискредитирующие армянские вооруженные силы, представляющие их деморализованными и небоеспособными. Периодически муссируется дезинформация о «добровольной сдаче армянских военнослужащих», которые «рассказывают о царя-

¹ «Армяне бегут из Карабаха», 2009.07.08, <http://vesti.az/news.php?id=10385>

щей в армии тяжелой ситуации, не желают возвращаться на родину и требуют сдать их какой-либо третьей стране». Если раньше миф о «добровольной сдаче» армянских солдат подавался «как следствие дедовщины и противоречий между «айастанцами и карабахцами», то сегодня активно распространяется дезинформация о тяжелой экономической ситуации, которая привела к голоду и разрухе в армянской армии. И армянским солдатам ничего не остается, как искать спасение на территории благополучного Азербайджана. И все это сопровождается сведениями об усилении азербайджанской армии, что призвано внушить во внутреннем пространстве доверие к собственной армии. Дискредитация же армянских ВС является не только победной реляцией, направленной в азербайджанское общество, но и нацелена на распространение пораженческих настроений среди армян.

Анализ тематических сообщений указывает на применение азербайджанской пропагандистской машиной 4-х основных механизмов:

- Зеркальная перепечатка успешных информационных действий армянской стороны в армяно-турецких информационных отношениях;
- прямое проецирование уязвимых точек и негативной информации, касающихся турецко-азербайджанской стороны;
- применение антисемитских схем антиармянской направленности;
- применение принципа «антирасистского расизма».

Ярким примером зеркальной перепечатки является пущенное нынче в широкий оборот сымитированное понятие «Западный Азербайджан» (вспомним Западную Армению), под которым подразумеваются территории не только НКР, но и современной РА и отчасти Грузии. Результатом прямого проецирования является не только перекалывание организации геноцида на армянскую сторону, но и обвинение Армянской Апостольской церкви в целях и дея-

тельности, присущих радикальным террористическим течениям исламского мира.

С помощью механизма зеркальной перепечатки совместная турецко-азербайджанская пропаганда дает симметричные ответы всем армянским информационным потокам на тему Геноцида, одновременно напрямую проецируя известные турецко-азербайджанские проблемы и события на армянскую сторону.

Антисемитские схемы применяются в основном в темах, касающихся Геноцида армян, дискредитации Армянства и морального облика армянина. Принцип схем тот же, что применяется антисемитами, обвиняющими еврейский народ в сочинении «мифа» о Холокосте, его провоцировании и организации для достижения собственных целей. Азербайджано-турецкие пропагандисты, по примеру антисемитов, обвиняют армян в создании «мифов» об армянских погромах, в их провоцировании или организации. Широко применяются также антисемитские формы раздачи эпитетов: «коварные», «предатели», «алчные», «лжецы» др.

Принцип «антирасистского расизма» проявляется в виде обвинения Армянства в тюркофобии и антисемитизме. На этих «фобиях» основан солидный блок антиармянской пропаганды. Аналогично тому, как расизм в отношении белых обосновывается их расизмом по отношению к чернокожим, так и азербайджано-турецкое антиармянство пытается обосновать собственную армянофобию повальной тюркофобией и антисемитизмом Армянства.

Весомую часть тематических сообщений составляют исторический, правовой, религиозно-культурный и бытовой дискурсы. В этих сообщениях наиболее часто встречаются приемы текстового воздействия, основанные на логических ошибках и семантических манипуляциях. От простой лжи или инфологемы до соответственно обставленного «открытия темных страниц» и закрепления в сознании архетипических ярлыков.

Аудитория

Эффективность информационных действий связана с цивилизационными, религиозными и культурными особенностями аудитории. Азербайджанские пропагандисты уже научились четко разделять фокусные аудитории и дискурс адресованных им сообщений. Так:

- в исламских обществах Армения представляется как террористическое христианское государство либо марионетка мирового сионизма и христианских государств;
- в еврейских кругах – как антисемитская страна;
- в западных странах – как антидемократический элемент и тормоз территориального развития;
- в международных структурах Азербайджан выдвигает свои требования как якобы полностью соответствующие международным правовым нормам;
- в собственном же обществе исходит, в том числе, из ложных историко-культурных посылок и реваншистских устремлений в отношении «армянина-врага».

Основные цели

Основные цели следующие:

1. Умаление, «уничтожение» духовных, культурных и материальных ценностей, связанных с Арменией и Армянством. В противоположность этому – повышение оценки и интернационализация всего азербайджанского.
2. Ослабление, деморализация Армянства, формирование пораженческих настроений. В противоположность этому – формирование стремления азербайджанцев к реваншизму и единству против общего врага – армян.

Пути достижения первой цели, включающей и армянские аудитории, лежат через механизмы дискредитации и обвинения армян в бесчеловечных преступлениях. Хоть эффективность такого воздействия на армянскую аудиторию более чем сомнительна, оно,

тем не менее, способно сформировать у Армянства некий комплекс неполноценности. И тут в дело вступает вторая цель, направленная на конкретные армянские и азербайджанские аудитории. Здесь уже применяются не только механизмы умаления заслуг Армянства и обвинений его во всех смертных грехах, но и угрозы возобновления войны и экономического «удушения» РА и НКР в тисках блокады. В информационное пространство вбрасываются также представления о генеалогических и иных фундаментальных отличиях различных составляющих Армянства с тем, чтобы расколоть его. Причем информационные операции здесь имеют двойное назначение: то, что армянской аудиторией должно восприниматься как факторы деморализации и формирования пораженческих настроений, в азербайджанском обществе призвано возбуждать чувство гордости и веру в победу «над Армянством».

Источники и литература

1. *Демоян А.*, «Методы организации и осуществления пропаганды и контрпропаганды вокруг урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта», справочник «Регион», НОФ «Нораванк», Ереван, 2005, с. 66, http://www.noravank.am/file/article/76_am.pdf
2. *Наапетян А.*, «Пропагандистские приемы азербайджанской диаспоры» <http://www.noravank.am/am/?page=theme&thid=5&nid=1276>
3. *Коган В.З.*, «Качество информации и мир инфологем (фрагменты теории). – Проблемы информационного взаимодействия», Новосибирск, 1993.
4. *Мартиросян С.*, «Выводы из последней атаки на армянские сайты со стороны азербайджанских хакеров», «Глобус: информационная безопасность», # 3, сентябрь, 2008.
5. *Мовсисян С.*, «Факторы влияния азербайджанских СМИ в контексте информационной войны», «Глобус: информационная безопасность», #2, июнь, 2008.
6. *Вртанесян К.*, «Пропагандистские тезисы армяно-азербайджанского конфликта», «Глобус: национальная безопасность», #2(6), апрель, 2009.
7. *Тер-Арутюнян Г.*, «Информационные войны и НКР», <http://www.noravank.am/am/?page=analitics&nid=1243>

Сергей Саркисян

**ОБРАЗ АРМЯНИНА-ВРАГА В
МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНА**

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Следствием преступной деятельности армян является истребление 8 миллионов человек в Египте...
«Право выбора», 6 июня 2006г., Баку.

Сознание человека воспринимает окружающий мир через образы, которые не всегда адекватно отражают объективную реальность, зато во многом определяют его поведение. И потому, формируя в сознании человека нужные образы, можно оказывать целенаправленное воздействие на его последующее поведение.

В процессе возникновения и эскалации напряженности в отношениях различных уровней, особенно – во время подготовки и реализации вооруженного конфликта, создание легкоузнаваемого образа врага становится одним из ключевых процессов в пропагандистской и идеологической обработке собственного населения. Формирование, распространение и устойчивое закрепление в обществе образа врага в значительной степени зависит от состояния и свойств противника, в данном случае – объекта восприятия. От состояния среды (общества), в которой распространяется образ врага, и специфики взаимоотношений между конфликтующими сторонами.

Формирование образа врага, как правило, ведется в течение длительного времени через массированное информационное воздействие с широким применением методов политического и идеологического манипулирования. В этой главе на конкретных примерах будут представлены основные направления и технологии создания образа армянина-врага азербайджанскими СМИ, используемые ими приемы и способы идеологического и психологического воздействия.

Основная задача при формировании образа врага состоит в переходе от абстрактного восприятия противника в состоянии мо-

рально-психологической готовности к его уничтожению или, как минимум, лишению его способности оказывать негативное воздействие, реальное или мнимое. Тут следует заметить, что еще до начала активного формирования образа армянина-врага отношение к армянам уже выражалось широко распространенными негативными стереотипами. Эти стереотипы, будучи системой убеждений и установок, принятых заранее, не формируются через социальный опыт, а передаются с помощью языка. Поэтому формирование образа армянина-врага на фоне бытующих в азербайджанском обществе негативных стереотипов упрощается по двум обстоятельствам. Во-первых, к делу подключены СМИ, активно формирующие и поддерживающие и негативные стереотипы, и образ врага. Во-вторых, армянское и азербайджанское общества длительное время лишены или существенно ограничены в непосредственных межличностных контактах, способных противостоять распространяемым негативным стереотипам.

Для анализа формирования образа армянина-врага нами изучены публикации трех интернет-изданий Азербайджана – «*Зеркало*», «*Право выбора*» и журнала «*Region plus*» за период с 1 сентября 2006г. по 31 августа 2007г. Выбор периода обусловлен его относительным спокойствием – до президентских выборов как в Армении, так и в Азербайджане, было еще достаточно далеко. Переговорный процесс по Нагорно-Карабахскому конфликту шел в рабочем порядке, не прерываясь на шумные предвыборные кампании, которые, как правило, сопровождаются в Азербайджане дополнительными порциями громких и жестких заявлений в адрес армян Армении и НКР. То есть, это был самый обычный для работы СМИ АР год.

Статистические данные

Газета «*Зеркало*»¹. Выходит 5 раз в неделю тиражом 8 000 экземпляров, имеет расширенный субботний номер. Главный редактор газеты – Эльчин Шыхлинский. Адрес в Интернете: <http://www.zerkalo.az>.

¹ Информация из www.media.aznet.org.

«Право выбора» является интернет-газетой неправительственной организации с тем же названием. Главный редактор и руководитель НПО – Искендер Гулиев.

НПО «Право выбора» следит за общественно-политическими и социально-культурными событиями, процессами выборов как в Азербайджане, так и в целом на Южном Кавказе. Статьи и материалы выкладываются в ежемесячной 16-страничной газете и веб-сайте www.demaz.org под тем же названием.

Журнал «*Region plus*». Главный редактор – Г.Назарова.

Журнал издается на русском, азербайджанском и английском языках. Периодичность – два раза в месяц, распространяется как на территории Азербайджана, так и в России, Грузии и других странах региона, а также на международных авиалиниях. Подписчиками журнала являются министерства и ведомства, местные и иностранные компании, дипломатические представительства, финансовые институты, высшие учебные заведения и др.¹

Статистика исследованных в процессе исследования статей представлена в *Таблице 1*.

Таблица 1

	Всего статей	Имели отношение к Армении и НКР		
		Всего (% от общего количества)	из них	
			об Армении	о НКР
«Зеркало»	7 300	1 075 (14,7%)	416 (38,7%)	659 (61,3%)
«Право выбора»	1 520	342 (22,5%)	99 (28,9%)	243 (71,1%)
« <i>Region plus</i> »	431	114 (26,5%)	65 (57,0%)	49 (43,0%)

Картина несколько изменится, если соотнести количество материалов указанной направленности с количеством статей, размещенных в общественно-политических, военных и социальных рубриках, а именно:

¹ <http://www.regionplus.az>

- в газете «Зеркало» рубрики: «Основная тема», «Новости», «Политика», «В мире», «Армейское зеркало»;
- в газете «Право выбора» практически все статьи – из рубрик «Геополитика», «Интервью», «Мир», «Религия», «Страна» и «Карабах».
- в журнале «*Region plus*»: «Политика», «Социум», «Интервью».

Статистика по рубрикам приведена в *Таблице 2*.

Таблица 2

	Всего статей в рубриках	Имели отношение к РА и НКР	%
«Зеркало»	4 165	915	22,0
«Право выбора»	1520	342	22,5
« <i>Region plus</i> »	245	87	35,5

В течение рассматриваемого периода количество статей в месяц в газете «Зеркало» варьировалось от 261 (за март 2007г.) до 446 (август 2007г.). Однако доля статей, так или иначе касающихся Армении и Нагорно-Карабахской Республики, хоть и зависела от памятных дат, исторических событий, общественно-политических мероприятий, интенсивности переговоров по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта, оставалась относительно стабильной, от 17,8% (май 2007г.) до 29,5% (февраль 2007г.).

Всего в 240 номерах газеты «Зеркало» за исследуемый период было опубликовано 915 статей, касающихся Армении, НКР и армянских диаспор за рубежом, из них 615 были напрямую посвящены этим темам. То есть, в каждом номере в среднем в 3,8 статьях они упоминались в том или ином контексте и объеме; а в среднем 2,6 статьи были прямо посвящены им.

В журнале «*Region plus*» из 87 статей 48 были прямо посвящены Армении, НКР и армянским диаспорам; в каждом номере они упоминались в среднем в 3,8 статьях, а 2,1 были прямо посвящены им.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ В СМИ МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Около 70-80% материалов, размещенных в «Зеркале» и «*Region plus*», и около 50% статей в «Праве выбора», касающихся Армении и НКР, были посвящены переговорному процессу вокруг Нагорно-Карабахского конфликта. Их основная идеологическая цель заключалась в доведении до читателя установки, что «Карабах является неотъемлемой частью территории Азербайджана» и что «территориальная целостность Азербайджана признана всем международным сообществом», а манипулятивная – в постоянном повторении этих заявлений с использованием одних и те же шаблонов, слов и фраз, что является одной из самых эффективных технологий формирования и устойчивого закрепления у читателя требуемых установок.

Следующая технология – это «**Манипулятивная семантика**». Слова, способные вызвать у читателя отрицательные ассоциации, затрагивающие его самого, заменяются более благозвучными или нейтральными синонимами. Например, вместо «возобновление войны в Карабахе» часто употреблялось «восстановление территориальной целостности другими способами», что хотя и подразумевает войну – т. е. потери, жертвы и лишения, – но напрямую с нею не ассоциируется.

В то же время, слово «война» использовалось азербайджанскими СМИ для формирования в обществе атмосферы гнетущего ощущения того, что оно является перманентной жертвой армян: периодически запускались заявления о том, что «армяне объявили нам войну...» в той или иной области: «экологическую» («Последствия пожаров», «Зеркало», 28 сентября 2006г.), «информационную» («Россия уничтожила архивы, касающиеся событий 20 янва-

ря», «Зеркало», 20 января 2007г.); «Грязная информационная борьба Армении» («Право выбора», 07 февраля 2007г.); а в номере «Зеркала» от 23 января 2007г. были размещены две статьи с похожими названиями, анонсирующие начало сразу двух «войн»:

1. «Похоже, Армения объявляет нам масштабную хакерную войну»
2. «Армения объявила войну генофонду Азербайджана».

«Безапелляционное утверждение». Этот прием, по мнению французского психолога и социолога Сержа Московичи, одного из авторов теории социальных представлений, «в любой речи означает отказ от обсуждения... Это означает также просьбу к аудитории, к толпе принять идею без обсуждения, такой, какая она есть, без взвешивания всех «за» и «против», и отвечать «да» не раздумывая»¹.

Например, трагические события возле села Ходжалу во время активных боевых действий в НКР в 1992г. СМИ Азербайджана безапелляционно называются геноцидом азербайджанского народа, хотя по их горячим следам даже ряд азербайджанских же источников, включая и действующего тогда президента АР Аяза Муталибова, заявляли, что это была провокация Народного фронта Азербайджана, рвавшего к власти. В то же время Геноцид армян в Турции в 1884 -1923 годах называется не иначе, как «так называемый геноцид», «вымышленный геноцид», несмотря на то, что он официально признан и осужден, в частности, Советом Европы, Европарламентом, Подкомиссией ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств, Комиссией ООН по военным преступлениям, Всемирным советом церквей, 42 штатами США и двумя десятками авторитетных государств.

«Изоляция». Эта технология изолирует читателя от альтернативного мнения. Все СМИ Азербайджана находятся под тотальным контролем государства, и в них невозможно найти материал, отзывающийся об армянах положительно, предполагающий наличие у них каких-либо привлекательных черт. Так, все три изучаемых из-

¹ Московичи С., «Век толп», М., 1996г.

дания пожары в НКР вдоль линии противостояния в 2006г. сразу, с момента их возникновения, приписали «коварным армянам»:

«Зеркало», 7 сентября 2006г.

Крещение огнем» прошли оккупированные земли Азербайджана
«Судя по всему, армянские агрессоры вознамерились уничтожить все природное богатство нашей страны...».

«Зеркало», 22 сентября 2006г.

Армяне уничтожают флору и фауну оккупированных территорий
«Армяне дорожат каждой минутой, используя время в своих целях и выдвигая все новые требования. Учиняя пожары, они пытаются повлиять на психологическое состояние населения приграничных регионов. Очень жаль, что ряд международных организаций демонстрируют безразличие. Объяснять пожары жарой просто смешно».

«Право выбора», 07 сентября 2006г.

Азербайджан рассчитывает на объективность ООН
«Международные структуры склоняются к нашей позиции в вопросе поджогов...»

«Право выбора», 22 сентября 2006г.

Армяне уничтожают флору и фауну оккупированных территорий
«Оккупанты стремятся задержать решение конфликта».

«Region plus» №13, 1 сентября 2006г.

Лучшая оборона – наступление

«Пусть армяне объяснят международной общественности, почему они превращают в выжженную землю, в прямом смысле этого слова, оккупированные территории...».

«Region plus» №24, 15 февраля 2007г.*Подводя итоги*

«...Баку на уровне Генассамблеи ООН удалось привлечь внимание к поджогам, осуществленным армянской стороной на оккупированных территориях».

Как правило, одновременно используется сразу несколько манипулятивных приемов. Например, в примере с пожарами вдоль линии противостояния наряду с изоляцией от альтернативного мнения имело место применения приемов «нужный ракурс», «манипулятивная семантика», «смена акцентов», «комментарий с приписками».

«Нужный ракурс». Это подача селектированной информации под нужным углом зрения. Например, в газете «Право выбора» пять из десяти статей о пожарах за 2006г. были посвящены визиту миссии ООН. В частности, в статье «Азербайджан рассчитывает на объективность ООН» («Право выбора», 7 сентября 2006г.) в преддверии визита миссии ООН в Азербайджан высказывалось твердое мнение, что «международные структуры склоняются к нашей позиции в вопросе поджогов». Однако в связи с тем, что в заключение экспертов ООН вывод о преднамеренных поджогах не попал, эта тема резко исчезла со страниц электронного журнала и была вновь запущена только в следующем «пожароопасном» сезоне – в мае 2007г.

«Манипулятивная семантика», или подмена понятий. Так, слово «поджог» близко по значению к слову «пожар», однако, подменяя им имевшие место природные, естественные пожары, СМИ АР фактически объявляют о преступном деянии.

«Смена акцентов». Когда стало понятно, что Баку не получит нужного ему заключения экспертов, в статье «Вероятно, армяне опять поступят нечестно» («Право выбора», 9 октября 2006г.) прозвучало мнение, что эти заключения не так уж и важны: «Несмотря на то, что все еще неизвестна суть рекомендаций группы экспертов,

работающих в регионе, не стоит создавать проблемы в их реализации. Вероятно, армяне и здесь не упустят случая поступить нечестно. Подобное отношение армян к данному вопросу должно быть расценено как подтверждение их причастности к содеянному на оккупированных азербайджанских территориях».

Здесь был применен и **метод пресуппозиции** – в текст в скрытой форме встроено предварительное утверждение: мол, армяне всегда поступают нечестно, «и здесь не упустят случая».

Весь смысл статей, посвященных пожарам (9 – в «Зеркале», 14 – в «Праве выбора», 2 – «*Region plus*»), заключался не в попытке разоблачить ситуацию и привлечь внимание к экологическому бедствию, а в голословном обвинении армян.

«Все как один». Если в азербайджанском обществе по некоторым вопросам, касающимся Армении и НКР, и приводится альтернативное мнение, то лишь для того, чтобы, всенародно осудив его, авторитетно доказать его несостоятельность и пагубность для государства и общества. Это наглядно показало обсуждение визита группы представителей азербайджанской интеллигенции в Карабах и Армению в июне 2007г.: **«Шок: Полад Бюльбюльоглу посетил Ханкенди и Ереван»**¹ («Зеркало», 29 июня 2007г.), **«Общественность осуждает визит азербайджанской делегации в Карабах»**² («Зеркало», 3 июля 2007г.). Так, на один положительный отзыв представителя общественности об этом визите последовали десятки резко негативных, выдержанных в «патриотическом» духе заявлений и призывов «наказать виновных» и не допускать подобного впредь.

Реакция на визит была столь резкой, что П.Бюльбюльоглу пришлось публично оправдываться словами: **«Я не меньше других люблю свою родину...»**³. Такая подача темы должна внушить читателю мысль о том, что все честные азербайджанцы против подобных визитов, и ему тоже необходимо присоединиться к мнению спра-

¹ <http://www.zerkalo.az/rubric.php?id=19790&dd=29&mo=6&yr=2007>

² <http://www.zerkalo.az/rubric.php?id=19964&dd=3&mo=7&yr=2007>

³ <http://www.zerkalo.az/rubric.php?id=20037&dd=4&mo=7&yr=2007>

ведливого большинства.

Нежелание и неготовность Баку к установлению контактов как с представителями НКР, так и Армении, постоянный поиск у сотрудников международных организаций и представителей иностранных фирм, работающих в Азербайджане, дискредитирующих их армянских корней, служат дегуманизации и демонизации образа армянина.

Именно поэтому приезд армянской спортивной делегации на соревнования в Баку в 2007г., на который власти Азербайджана были вынуждены согласиться под угрозой санкций со стороны Международной федерации борьбы, был воспринят как нечто из ряда вон выходящее, и резко отрицательное отношение к подобным явлениям стало насаждаться местными СМИ заблаговременно. Рассмотрим приведенную ниже статью.

«Region plus» №16, 15 октября 2006г.

Армянские борцы выступят в Азербайджане¹

(Именно на это пришлось пойти спортивным боссам нашей страны, чтобы не потерять право на проведение лицензионного чемпионата мира 2007г. по борьбе)

Кстати, министр молодежи и спорта Азад Рагимов не исключает, что армяне могут и не приехать в Баку. Но он отметил, что если один из армянских спортсменов одержит победу на бакинском мундиале, то будет поднят армянский флаг и прозвучит гимн Армении. «Я не могу в это поверить. Однако, если армянский спортсмен выиграет здесь золотую медаль, безусловно, будет поднят армянский флаг и прозвучит армянский гимн. Таковы правила проведения международных соревнований». Надеяться на то, что армянские борцы откажутся от участия в Бакинском чемпионате мира, не стоит, хотя бы ради того, чтобы вызвать азербайджанцев на провокации и скомпрометировать Азербайджан в глазах мировой общественности. В связи с этим отечественным любителям борьбы стоит посоветовать

¹ <http://www.regionplus.az/artic/16/sport/s1.php>

товать проявить благоразумие в случае приезда армянских борцов в нашу страну и воздержаться от возможной расправы над армянами, а азербайджанским борцам – не допустить, чтобы армянский флаг был поднят в СКК имени Гейдара Алиева в сопровождении армянского гимна. А это значит, что нашим борцам во что бы то ни стало надо одержать победу над армянами, даже если борьба эта будет бескомпромиссной».

Заметим по этому поводу, что посещения азербайджанцами Армении, в частности, для участия в международных научных семинарах и конференциях, уже давно стали привычным делом и обходятся без возбуждения ненужных эмоций.

«Наклеивание ярлыков». Самый распространенный пример этого приема – называть армян НКР не иначе, как «сепаратистами», что изначально содержит в себе негативный оттенок. Примерами «манипулятивной семантики» и «наклеивания ярлыков» является изобретение СМИ Азербайджана неологизма «хайзм». Он призван символизировать общеармянскую идеологию и психологию, и способствовать негативной стереотипизации всех представителей армянского народа. Рассмотрим в этом контексте приведенные ниже статьи.

«Зеркало», 22 сентября 2006г.

Армяне «увековечивают память» своего живого генерала и не где-нибудь, а в соседней Грузии

«...следует отметить, что восьмиметровый постамент превратится в место массового поклонения сепаратствующих армян Грузии, которая, как и Азербайджан, имела неосторожность дать прибежище «древним хайям». С учетом нашего горького карабахского опыта у этого постамента будут происходить политические действия, экзальтированные мировоззрением бешеного сепаратизма. А сие есть очередной вызов подлинно русского армянства грузинской государственности...».

«Зеркало», 23 января 2007г.

Похоже, Армения объявляет нам масштабную хакерную войну (Уже парализован сайт Общественного телевидения)

«В этом месте позволю себе небольшое отступление и отмечу, что данный текст содержит одну грамматическую ошибку. Ошибку небольшую, но характерную для *хайской* манерности пользования великим русским языком, фундаментально освоить который нашим недружественным соседям никак не удастся. И это вопреки тому, что древняя Армения мужественно несет на себе историческое бремя форпоста (читай вассала) совсем немножко менее древней России».

В ряде статей «Зеркала» и «Право выбора» выражается сомнение по поводу «наличия такого понятия, как “армянский народ”», и предлагается использовать вместо него термин «армянская этнокорпоративная организация»¹.

«Право выбора», 12 марта 2007г.

Должны ли мы знать о том, кто является нашим врагом?

(Ровшан Мустафаев²: «Неверно указывать в качестве мишени армянский народ»)

«Должны ли мы знать о том, кто является нашим истинным врагом? Неправильно указывать в качестве мишени армянский народ, так как этого понятия не существует. Нашей мишенью должна стать армянская этнокорпорация, так называемое армянство, распространившееся по всему миру в виде сети и использующее все современные технологии. Данная сила, то есть армянская этнокорпорация, а также некоторые идеологические центры Ирана выступают против глобализации. Проживающие же в регионе азербайджанцы, грузины, турки и евреи являются ведущими силами глобализации».

¹ «Понятие «армянский народ» не существует», «Право выбора», 06 ноября 2006г.

² Ровшан Мустафаев, директор Института по правам человека Национальной Академии наук АР.

«Зеркало», 20 января 2007г.

Страсти по виртуали¹

(Оцениваемая армянскими СМИ как «крайне вредная и опасная» книга профессора Ровшана Мустафаева переиздана в Грузии)

«...В книге собран значительный материал, показывающий методы действий армянских террористических организаций, созданных по типу матрицы. Книга рассчитана не только для специалистов, но и для широкого круга читателей... В работе на основе обширного архивного материала, философской и теологической литературы, естественных наук рассматривается природа виртуальной реальности и биосоциальных экспериментов. В этой связи изучаются механизмы спроецированной в XIX веке этнокорпорации «армянство», раскрываются свидетельства о массовых убийствах ею евреев, курдов, турков, азербайджанцев, грузин, русских, лезгин, талышей, представителей других народов.

Первоначальный тираж исследования на примере армянства, изучающего губительные последствия деятельности этнокорпораций, согласно грузинским СМИ, уже составил 1500 экземпляров».

В ряде статей армяне прямо называются «врагами» (в 27 статьях в «Зеркале», 4 – в «Праве выбора» и 1 – в «*Region plus*») или «фашистами» (в 7 статьях в «Зеркале», 2 – в «Праве выбора» и 1 – в «*Region plus*»). Впрочем, в «наказание» за принятие французским Национальным собранием Франции решения об уголовном преследовании лиц, отрицающих Геноцид армян, такой же ярлык был навешен и на французских парламентариев: «При вынесении данного постановления французские парламентарии следовали фашистской идеологии. Свыше 100 депутатов, проголосовавших за принятие этого антитуркского решения, фактически являются фашистами»².

Иногда СМИ Азербайджана объявляют «врагом» и конкретное

¹ <http://www.zerkalo.az/rubric.php?id=12738&dd=20&mo=1&yr=2007>

² «Парламент Франции опирается на фашистскую идеологию», «Зеркало», 18 октября 2006г., <http://www.zerkalo.az/rubric.php?id=8884&dd=18&mo=10&yr=2006>

лицо: так, газета «Право выбора» от 28 марта 2007г. опубликовала статью «Продолжается кампания, связанная с объявлением Роберта Кочаряна “врагом детей”», суть которой полностью совпадает с названием.

«Авторитетное свидетельство». Подтверждение правильности установок мнением авторитетного лица, представителя руководящего звена политической, общественной структуры, экспертной или аналитической организации. Например, то, что «Карабах является неотъемлемой частью Азербайджана», «подтверждают» практически все иностранные визитеры в Азербайджан, давшие интервью местным СМИ.

Эмоциональные установки

Наиболее резонансным, эмоционально окрашенным направлением манипулятивной пропаганды по формированию образа врага является установка на склонность армян к геноцидам: *армяне на протяжении около 100 лет осуществили несколько геноцидов азербайджанского народа.*

Этой установке посвящены, в общей сложности, 62 статьи в «Зеркале», 3 – в «*Region plus*» и 27 – в «Праве выбора». Так, с 31 марта по 31 августа 2007г. в 22 номерах газеты «Зеркало» последовательно публиковалась статья доктора исторических наук Солмаз Рустамовой-Тогиди «Этого забыть нельзя». В ней из номера в номер приводились выдержки из уголовных дел «Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) для расследования насилий, произведенных над мусульманами и их имуществом в пределах всего Закавказья»¹.

Комиссия эта была создана 15 июля 1918г. постановлением первого Совета министров Азербайджанской Республики. Практически повторяющиеся слово в слово фразы из уголовных дел описывали похожие одна на другую сцены насилия по отношению к мир-

¹ Газета «Зеркало», 31 марта 2007г., <http://www.zerkalo.az/rubric.php?id=15532&dd=31&mo=3&yr=2007>

ному мусульманскому населению, которое совершалось исключительно «армянскими бандами». Частота публикаций материалов подобной направленности составила, в среднем, 1 на 4 номера, однако она заметно увеличивается в феврале, в связи с ходжалинскими событиями 26 февраля, и в преддверии 31 марта, объявленного в Азербайджане днем геноцида азербайджанцев.

Причем, как выясняется, армяне осуществили геноцид не только азербайджанского народа, но и египтян: «Следствием... преступной деятельности армян явилось истребление 8 млн. человек в Египте»: «Понятие «армянский народ» не существует» («Право выбора» 06 июня 2006г.). Выясняется также, что:

- армяне присвоили культурно-историческое наследие азербайджанцев (11 статей в «Зеркале», 2 – в «*Region plus*», 14 – в «Праве выбора»);
- не только НКР, но и сама Армения расположены на исконно азербайджанских исторических землях (5 статей в «Зеркале», 1 – в «*Region plus*»).

Сопутствующие факторы

Формированию в азербайджанском обществе образа армянина-врага помогает не только тенденциозная подача информации, но и распространение откровенных мифов, которые можно сгруппировать в 2 блока.

1. Первый блок – об Армении, НКР и армянской Диаспоре.

В прессе Азербайджана часты высказывания о том, что Армения является «вассалом России» («Зеркало», 23 декабря 2006г.), «продажная Армения – в прямом и переносном смысле» («Зеркало», 23 декабря 2006г.), которая потеряла «грань между собственными интересами и обслуживанием чужих» («*Region plus*» №27, 1 апреля 2007г.). Не избежала «критики» и армянская община США, квалифицируемая как «сборище бродяг и интриганов» («Зеркало», 28 мая 2007г.).

Часто встречается тезис об узурпации власти в Армении кара-

бахцами. Например: «...за оппозиционной риторикой в Ереване могут скрываться клановые противоречия. Точнее попытка «ереванцев» объединиться против «карабахцев». Дело в том, что за годы президентства Кочаряна практически все «командные высоты» в политике и экономике оказались в руках «карабахского клана», чем «ереванцы», всегда считавшие карабахских армян «нечистокровными» и т.д., были весьма недовольны. Но клановые противоречия, как известно, не всегда удается разрешить при помощи выборов»¹.

2. Блок второй – о вызовах, которые бросают РА, НКР и Диаспора международной общественности, что обязательно спровоцирует ее масштабный ответ.

В азербайджанских СМИ часто появляется тезис о превращении НКР в неконтролируемую территорию, которая служит «для выращивания и транзита наркотиков, хранения, продажи и переправки в другие страны незаконного оружия, захоронения ядерных отходов и проведения секретных ядерных исследований», следовательно «Против Армении должны принять жесткие меры» («Право выбора», 06 октября 2006г.).

В этом контексте примечательна статья главы Центра «Банк-Информация» Ровшана Новрузоглу: «Уран – из Нахчывана, а калифорний – из Нагорного Карабаха»², в которой высказывается сожаление о том, что «армяне, используя территорию Карабаха, с каждым днем набирают силу на мировом ядерном рынке. В этом им помогает даже природа. Еще в 1978г. академик С.Александров в своем докладе, подготовленном специально для военного разведуправления Минобороны СССР, отмечал: «Территория Нагорного Карабаха Азербайджанской ССР является одной из тех зон мира, куда падает много метеоритов. Эту территорию можно объявлять “закрытой зоной”... Ученые знают, что в составе метеоритов есть химические

¹ «Парламентские выборы или клановые противоречия?», «Region plus» №30, 15 мая 2007г., <http://www.regionplus.az/artic/30/polit/p2.php>

² Газета «Зеркало», 23 декабря 2006г., <http://www.zerkalo.az/rubric.php?id=11798&dd=23&mo=12&yr=2006>

элементы калифорний, осмий и уран, которые применяются в качестве основы для создания ядерного оружия”».

Второй вздорный тезис – это связи армян с «международной террористической сетью», и в этом смысле интересен материал, приводимый ниже.

«Право выбора», 03 октября 2006г.

Армяне готовят камикадзе из азербайджанских детей, взятых в плен на оккупированных территориях.

«Как сообщили... в Организации защиты исторических и культурных памятников на оккупированной территории Азербайджана, с этой целью (подготовки смертников из азербайджанских детей. – Ред.) в селе Забух построены лагеря. В сообщении говорится, что на территории Лачинского района построен и учебный центр. Спонсирует это дело житель города Гринвиль штата Северная Каролина США, церковный методист¹ Терри Кейглин. В распространяемом организацией заявлении говорится о том, что Т.Кейглин является спонсором также строящихся на территории Лачинского района двух церквей, и мировая общественность должна обратить свой взор на оставшийся в стороне вопрос подготовки террористов в Нагорном Карабахе.

Организация подчеркивает, что всем известно об оказании помощи Армении крупными государствами, однако присоединение к этой кампании служителей религии вызывает сожаление».

Христианскую тему подхватывает ***«Зеркало» от 27 октября 2006г.:***

Радио «Голос Ватикана» оказывает помощь карабахским сепаратистам²

¹ Наверное, имеется в виду Методистская церковь.

² Газета «Зеркало», 27 октября 2006г., <http://www.zerkalo.az/rubric.php?id=9151&dd=27&mo=10&yr=2006>

«В процессе захвата и армянизирования Нагорного Карабаха немаловажную роль сыграл христианский фактор. Ватикан внес свою лепту в дело армян, причем она не ограничилась моральной поддержкой братьев-христиан. Во время оккупации азербайджанских земель в боевых операциях принимали участие незаконно сформированные Ватиканом вооруженные отряды «Опис Деу»¹ (Воины Бога). Об этом «Зеркалу» сообщил глава международного Центра стратегических исследований против мирового террора и коррупции «Банк-Информация», политолог Ровшан Новрузоглу. По его словам, участие этого отряда в оккупации карабахских земель признала радиостанция «Голос Ватикана» (24 апреля, 2004г.). По данным политолога, это же самое радио собирается установить свои передатчики 6 января 2007 года (армяне празднуют эту дату как день рождения Иисуса) в Нагорном Карабахе.

«Особо хочу отметить, что вышеназванное радио, которое стремится к раздроблению ислама, впервые вышло в эфир 14 февраля 1931 года под названием «Голос Бога». Далее оно несколько раз меняло название – «Голос Папы», «Рупор Ватикана» – и, наконец, с 1941г. стало называться «Голос Ватикана». Это радио выходит в эфир на 37 языках. Среди 50 сотрудников, большинство из которых имеют высшие духовные саны, работают и 17 армян. Ежегодный бюджет радио составляет 2,2 миллиона долларов.

Предвзятое, я бы даже сказал враждебное, отношение к Азербайджану «Голос Ватикана» демонстрировал много раз. Например, армяне, оккупировавшие наши земли, организовали там «исторически-краеведческий музей Арцах». А это радио сделало про него передачу, после чего выступило с призывом ко всем армянам. Они предложили армянам посетить музеи мира и добиться возвращения «на историческую родину» всех «армянских ценностей», которые до

¹ Наверное, имеется в виду «Опус Деи» (лат. *Opus Dei*, «Божье дело») – организация, основанная испанским священником Хосе Мариа Эскрива де Балагер (1902-1975) в Мадриде и утвержденная папой Пием XII в 1942г. конституцией *Provida Mater Ecclesia*”.

сих пор выставлялись как азербайджанские. По данным нашего Центра, в Ватикане уже создано «Карабахское бюро» – радио, которое начнет работу с 2007г.», – отмечает Р.Новрузоглу¹...».

Заключение

Поддержание негативных стереотипов восприятия армян, формирование и закрепление образа армянина-врага – это специальный заказ государства СМИ Азербайджана на создание постоянно действующей внешней угрозы.

Во внутреннем поле эта внешняя угроза активно используется для отвлечения широких общественных масс от острых социально-экономических проблем. Образ армянина-врага проще и быстрее принимается поколением молодых азербайджанцев, не имевшим опыта личных контактов с представителями Армении и НКР и менее критично воспринимающих насаждаемые СМИ АР стереотипы восприятия армян.

Эта информационная политика говорит о том, что государственно-политическая элита АР не имеет реального желания решать вопросы, связанные с НКР, через мирный переговорный процесс. Параллельно с распространением и закреплением в азербайджанском обществе образа армянина-врага СМИ АР сегодня переходят к более широкому использованию военной риторики в отношении Армении и НКР, насаждению в обществе военного психоза и призывам к реваншу на поле боя.

¹ Против главы международного Центра стратегических исследований против мирового террора и коррупции «Банк-Информация», профессора Ровшан Новрузоглу были выдвинуты обвинения по статьям 320.1 (подделка удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, изготовление в тех же целях или сбыт поддельных государственных наград, штампов, печатей, бланков), 320.2 (использование заведомо поддельных документов) и 310 (присвоение полномочий должностного лица) Уголовного кодекса. 18 апреля 2008г. Новрузоглу получил 4 года тюрьмы (Day.Az). Вряд ли арест уважаемого политолога связан с его оголтелыми заявлениями, хотя профессор, как это было показано, в своем армянофобском запале не щадил никого, и исключать влияние на судьбу выдающегося ученого авторитетных международных структур нельзя. Впрочем, не исключено также, что некоторая психическая неадекватность знаменитого исследователя, не удержавшись в рамках антиармянской пропаганды, распространилась и на иные сферы бытия, что и привело почтенного Новрузоглу к конфликту с законом.

Артур Атанесян

**ПРОПАГАНДА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, АНАЛИЗ,
МЕТОДЫ ПРИМЕНЕНИЯ**

ПОНЯТИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Понятие пропаганды непосредственно связано с целым рядом понятий, отображающих процессы, происходящие в сфере современных массовых коммуникаций, и имеющих схожие, взаимосвязанные цели. Именно поэтому необходимо определить специфику пропаганды в системе таких понятий, как «манипуляция», «промывание мозгов», «реклама», «PR», «информационная война», «внушение», «убеждение» и т.п.

Прежде всего, следует отметить, что понятие *пропаганда* зачастую используется в отрицательном значении, в качестве воздействия на аудиторию с целью обмана, злоупотребления незнанием, направления мыслей и действий слушателя на достижение целей, нежелательных для слушателя, однако не осознаваемых им как нежелательных. Негативность воздействия пропаганды и подобное ее восприятие большинством людей связано с тем опытом, который сложился вокруг использования пропаганды недемократическими политическими режимами в XX веке, в частности, негативные последствия массовой пропаганды нацизма и фашизма в гитлеровской Германии. Кроме того, после развала СССР на всем пространстве посткоммунистических стран пропаганда, особенно в первые годы независимости, односторонне ассоциировалась с советской коммунистической пропагандой, изжившей себя и показавшей свою несостоятельность, ложность, манипулятивность. Соответственно, в постсоветских странах все, что как-то напоминало пропаганду, принималось в штыки, отрицалась необходимость создания и популяризации, легитимизации системы политических стратегий и тактик государства, что воспринималось как следствие пропаганды. В результате утеря постсоветскими обществами государственной идео-

логии привела к их слабости и подверженности внешним воздействиям: отрицание необходимости внутренней идеологии привело к ее замене на идеологию внешнюю, соответственно, к большей подверженности внешним угрозам безопасности.

Тем не менее, пропаганда не всегда имеет негативные последствия, не всегда изначально нацелена на достижение эффекта, нежелательного для реципиента. Так, коммерческая реклама является пропагандой товаров и услуг и служит интересам не только производителей, но и потребителей. Следовательно, очень важно определить и классифицировать пропаганду и методы ее осуществления.

В своей книге «Пропаганда и внушение» (2006г.) Г.С. Джоветт и В. О'Доннелл (*Jowett & O'Donnell*) [1] обобщают целый ряд определений и классификаций методов и способов, целей и средств пропаганды, к которым пришли наиболее известные западные авторы за последние десятилетия. Несмотря на различия в определении и интерпретации понятия *пропаганда*, всех этих авторов объединяет рассмотрение пропаганды как элемента современных массовых коммуникаций, наиболее характерного именно для информационных обществ. Можно сказать, что пропаганда тем развитее и изощреннее, чем более развиты средства массовой информации и коммуникаций.

Итак, наиболее обобщающим и функциональным, на наш взгляд, является определение пропаганды, данное Алексом Кэри (*Alex Carey*): «пропаганда – это коммуникации, форма и содержание которых определяются одной-единственной целью – приведением целевой аудитории к принятию позиций и убеждений, заранее избранных спонсорами этих коммуникаций» [2, р. 2]. Вероятно, что если цели авторов-заказчиков коммуникации и ее целевой аудитории будут различны, то навязывание подобной коммуникации посредством пропаганды будет негативным для аудитории.

Интересно отметить, что, по словам Кэри, успешность бизнес-пропаганды (коммерческой рекламы) заключается в создании убеждения, будто это – не пропаганда, и якобы пропаганда в демонстрации достоинств товаров и услуг отсутствует, т.к. они в пропаганде

не нуждаются. Между тем, как считает Кэри, именно это и является наибольшим достижением пропаганды в XX веке [2, р. 2].

По мнению Бертранда Тэйти и Тима Тортона, «пропаганда является формой политического языка и всегда вращается вокруг системы истинности, выражая логику исключаящего преподнесения. Целью пропаганды является убеждение, приобретение преимуществ и привлечение оппонента на свою сторону» [3, р. 2].

Пратканис и Тернер определяют функцию пропаганды как «попытку направить реципиента на заранее определенную точку зрения путем использования простых образов и слоганов, которые воздействуют на предубеждения и эмоции... Убеждение основано на дебатах, дискуссии и тщательном рассмотрении вариантов с целью нахождения лучшего решения комплексных проблем, когда как пропаганда является результатом манипуляции элитами масс» [4, pp. 190-191].

Дж.Кумбс и Д.Ниммо считают пропаганду «основной формой публичного дискурса» [5, р. 45].

Г.С. Джоветт и В. О'Доннелл считают пропаганду подкатегорией убеждения: «Пропаганда – продуманное, систематическое воздействие с целью формирования восприятий, манипулирования сознанием и направления действий для достижения ответной реакции, напрямую соответствующей намерениям пропагандиста» [1, р. 7].

Примечательно, что, согласно наиболее широкому определению пропаганды, любой процесс обучения является пропагандой, т.к. распространяет информацию, ограниченную рамками пространства и времени, а также рамками знаний, представлений, ощущений, мировосприятия и идеологической направленности источника информации, в роли которого обычно выступает человек или созданные им средства научно-обучающей деятельности (книги, статьи, теле- и радиопередачи, интернет-источники). Один из наиболее известных авторов данной широкой трактовки пропаганды как любого процесса преподавания и обучения (*education*), Эллиот Андерсон (*Anderson*), в результате контент-анализа современных школьных учебников по арифметике пришел к выводу, что боль-

шинство примеров, приводимых в учебниках, связано с куплей и продажей, взвешиванием, обменом, накоплением и т.п. Из этого автор сделал выводы о том, что даже школьные учебники идеологичны и проводят «Идеологию капитализма». Следовательно, процесс преподавания и обучения является пропагандой. Более того, автор задал этот вопрос четырем авторам проанализированных учебников по арифметике, и все четверо согласились с тем, что если обучение по их учебникам и не является идеологией капитализма, то в любом случае способствует пропаганде идеологии менеджмента (организирования) (по [1, р. 31]).

Информационную войну нередко ассоциируют с пропагандой; более того, ее зачастую определяют как пропаганду. В обыденном сознании пропаганда и информационная война часто объединяются в единый процесс, и, например, как показывает опыт опроса студентов, обучающихся на курсе политических коммуникаций и информационных технологий¹, их первичное ассоциативное восприятие информационной войны связано именно с пропагандой.

Тем не менее, мы считаем, что одной из основных особенностей пропаганды, в отличие от универсального процесса обучения, является воздействие на адресата помимо его воли, зачастую против воли получателя информации, в ущерб аудитории и в пользу пропагандиста и его спонсоров. Процесс обучения, в отличие от пропаганды, в основном инициируется самим обучаемым, основывается на его добровольном участии, деятельности и активности.

Информационная война и пропаганда также не идентичны, хотя пропаганда является одним из основных средств ведения информационной войны. Пропаганда скорее идентична понятию «агитации», и в нашем понимании обозначает **распространение идей**.

Пропаганда как распространение идей охватывает более широкую область человеческих взаимоотношений, нежели информационная война, которая ограничивается конфликтом. Пропаганда характерна не только для конфликта, но и, скажем, является спосо-

¹ Из опыта автора.

бом преодоления конкуренции, методом популяризации идей, взглядов, вкусов, моды, в результате пропаганды могут быть достигнуты рыночные цели увеличения продаж товаров, распространение определенных видов продукции и т.д. Пропаганда является характерным проявлением связей с общественностью (*PR*), пропаганда выступает в виде коммерческой рекламы, направленной на распространение привлекательности тех или иных видов товаров и услуг. В области политических коммуникаций пропаганда выступает определенным источником информации для определения политического выбора граждан, пропаганда в политике нацелена на активизацию политических предпочтений граждан, на стимулирование их политической ориентации и политического участия. Пропаганда политических сил и лидеров – распространение и популяризация их идей в целях заполучения большего количества голосов избирателей в их поддержку. Таким образом, пропаганда намного шире, чем информационная война.

Во-вторых, если информационная война характерна именно для конфликтных отношений и направлена на разрушение информационного поля противника, на его дестабилизацию и поглощение, то пропаганда не ограничивается популяризацией деструктивных идей и моделей поведения, а зачастую служит источником информации, необходимым для ориентации в мире многообразия идей и возможностей.

В условиях информационной войны пропаганда нацелена на уничтожение целей и ценностей противника, на их замещение изначально выработанными моделями поведения, позволяющими превратить врага в послушного исполнителя собственных идей и замыслов. В этом смысле пропаганда как метод ведения информационной войны соответствует своему определению в качестве процесса распространения идей, однако в условиях конфликта и информационной войны распространение идей направлено на подавление противника, а не на его освобождение. Однако вне рамок конфликтных коммуникаций пропаганда позволяет постичь альтернативные

ценности, не принуждая к их принятию. Так, пропаганда западных ценностей и моделей поведения не обязательно включает в себя безальтернативность, не направлена на замещение прежних ценностей, а лишь предлагает альтернативные модели поведения. Например, реклама «Кока-колы» как «напитка нового поколения» не обязательно означает отсутствие иных напитков для нового поколения. Более того, иные виды коммерческой рекламы пропагандируют свой товар, который предлагается не в виде запрета на все остальное, а в виде новой альтернативы.

Тем не менее, пропаганда в информационной войне направлена на создание представления о безальтернативности выбора. Именно это характерно для пропагандирования идей и моделей поведения в условиях конфликта и кризиса. Однако и конфликтная, и мирная пропаганда используют определенные, специфические методы воздействия на целевые группы, и эти методы воздействия можно встретить как в позитивных социальных коммуникациях или политической риторике, так и в агитационной информационной войне. Неслучайно функционеры информационной войны считают себя пропагандистами (например, Геббельс был министром пропаганды нацистской Германии и руководил ведением информационной войны против жертв нацизма и стран антигитлеровской коалиции). И, несмотря на то, что в современном мире пропаганда охватывает все виды социально-политических коммуникаций, тем не менее, негативный ассоциативный смысл, связанный с эпохой ограниченности пропаганды конфликтными отношениями и областью информационной войны, по-прежнему влияет на ассоциирование пропаганды именно с информационной войной и деструктивными эффектами.

ФОРМЫ ПРОПАГАНДЫ

Учитывая конфликтную и мирную стороны пропаганды, необходимо рассмотреть ее различные формы. Так, обобщая исследования целого ряда авторов и анализируя современные примеры массовой пропаганды, Г.С. Джоветт и В. О'Доннелл приводят следующие основные формы пропаганды.

1. Белая пропаганда. «Белая пропаганда исходит от источника, который точно определён, а информация в сообщении верна. Это – то, что можно услышать по «Радио-Москве» или «Голосу Америки» в мирное время. Несмотря на то, что услышанное радиослушателями близко к истине, оно преподносится в стиле убеждения аудитории в том, что посылающий сообщение является «положительным героем» (good guy) с наилучшими идеями и самой правильной политической идеологией. Белая пропаганда направлена на создание доверительных отношений с аудиторией, которая в будущем может оказаться очень полезной» [1, p. 16].

2. Чёрная пропаганда. «Чёрная пропаганда присутствует, когда источник информации скрыт, или же информация приписывается ложному автору, от имени которого распространяется ложь, сфабрикованная информация, вводящая в заблуждение... Успех или провал чёрной пропаганды зависит от готовности получателя поверить достоверности источника и содержания сообщения. Пропагандисту, осуществляющему чёрную пропаганду, следует обратить особое внимание на то, чтобы источники и сообщения соответствовали социальной, культурной, политической системе целевой аудитории. Если отправитель ошибочно представляет себе аудиторию и соответственно формулирует сообщение, не подходящее всему этому, то чёрная пропаганда может вызвать подозрение и провалиться» [1, pp. 17-19].

3. Серая пропаганда. «Серая пропаганда находится где-то между белой и чёрной пропагандой. Источник может или же не может быть точно определён, и достоверность информации также неопределённа» [1, р. 20]. Джоветт и О'Доннелл приводят очень интересный пример серой пропаганды: «В газетах США появились письма, в которых описывалась успешность американцев по восстановлению послевоенного Ирака. Согласно публикациям, письма были написаны американскими солдатами, служившими в Ираке в 2003г. Американское новостное агентство *Gannett News Service (GNC)* насчитало идентичные письма в 11 газетах. Шестеро солдат, чьими именами были подписаны эти письма, были опрошены этим агентством, и все они отрицали то, что эти письма были написаны ими. Седьмой солдат вообще не был в курсе того, что опубликовано письмо, написанное от его имени, пока его отец не поздравил его с публикацией «его письма» в местной газете. Все проинтервьюированные солдаты заявили, что согласны с информацией, изложенной в этих письмах, несмотря на то, что их не писали. Настоящий источник так и не был раскрыт. Это – однозначно серая пропаганда с приемлемой информацией, приписанной источнику, не принадлежащему врагу (как это часто делается в условиях конфликтной пропаганды. – А.А.); тем не менее, источник является ложным» [1, pp. 20-21]. Как пишут авторы, «серая пропаганда не всегда распространяется в политических целях. Компании, искажающие статистику в годовых отчетах, рекламируя товар, якобы достигающий определенных эффектов, а в действительности – нет, киноролики, производящиеся сугубо для распространения товаров, телевизионные евангелисты, кладущие себе в карман деньги, пожертвованные на религиозные нужды, – все эти и подобные случаи относятся к категории серой пропаганды» [1, р. 21].

4. Дезинформация. Любопытно, что дезинформация, привычная советскому и постсоветскому читателю как явление, очень характерное для любого информационного пространства, западными авторами приписывается именно советским пропагандистам и часто рассматривается как синоним пропаганды. Как пишут Джоветт и О'Доннелл, «другим термином, описывающим пропаганду, является

дезинформация (Disinformation). Дезинформация обычно характеризует чёрную пропаганду, т.к. она скрыта и использует ложную информацию. Фактически, слово “*disinformation*” происходит от русского “*dezinformatsia*”, взятого от названия отдела КГБ по осуществлению чёрной пропаганды. ...Дезинформация создается из новостных историй, намеренно сфабрикованных с целью ослабления противников; эти газетные истории распространяются журналистами, которые в действительности являются секретными агентами иностранного государства. Истории подаются как истинные и якобы из достоверных источников» [1, р. 22].

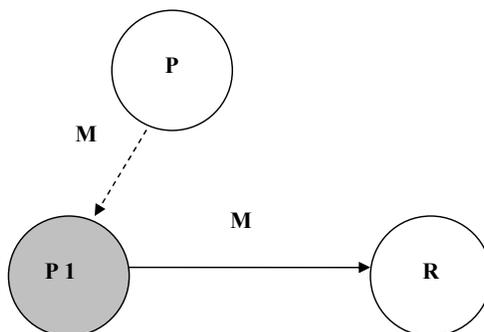
5. Подпропаганда, или Содействующая коммуникация (*Subpropaganda / Facilitative Communication*). Первый из терминов введен Л.Дубом (*Doob*), второй – Л.Мartiном (*Martin*). Оба этих термина используются как синонимы и обозначают информационное воздействие на аудиторию с целью создания атмосферы доверия и сотрудничества, симпатии, что в дальнейшем планируется использовать в целях продвижения конкретных действий и решений. Как пишут Джоветт и О'Доннелл, «содействующая коммуникация наиболее часто осуществляется в форме финансовой помощи, новостных радиотрансляций, пресс-релизов, книг, памфлетов, периодических изданий, культурных программ, выставок, фильмов, семинаров, курсов иностранных языков, справочных служб и личных социальных контактов. Все это организовывается с целью создания дружественной атмосферы с теми, кто позже может понадобиться» [1, р. 26].

Джоветт и О'Доннелл разработали очень простые и вместе с тем адекватные структурные схемы пропаганды как коммуникативного процесса (см. *Схема 1 и 2*).

В первой схеме пропагандист осуществляет свое воздействие на целевую аудиторию через подставной источник информации. Пропагандист (*P*) создает «отвлекающий» источник информации (*PI*) и через него посылает информацию реципиенту (*R*), так что получатель воспринимает информацию, связывая ее с ошибочным источником и не подозревая, что за ним стоит совсем другой автор с иными целями и намерениями (см. *Схема 1*):

Схема 1

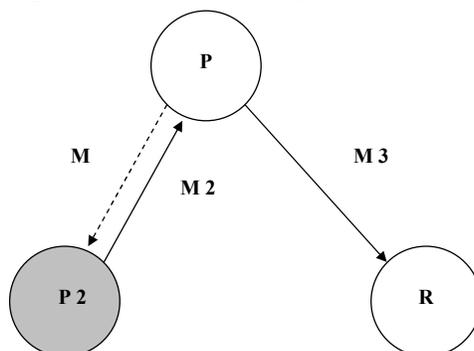
Модель пропаганды с «отвлекающим» источником

Во второй схеме структура пропаганды меняется (см. *Схема 2*).

Схема 2

Модель пропаганды с легитимирующим источником

Пропагандист (P) тайно размещает исходное сообщение ($M1$) в легитимирующем источнике ($P1$), затем это же сообщение пропагандист открыто получает, теперь уже как совершенно новое сообщение ($M2$), и отсылает его реципиенту (R) как сообщение ($M3$), исходящее не от него самого, а от легитимного источника. Этот прием легитимирует сообщение, создает впечатление, что оно не связано с пропагандистом, тем самым делая сообщение более приемлемым и скрывая пропагандиста в качестве искомого источника (см. [1, pp. 25-26]).

МЕТОДЫ ПРОПАГАНДЫ

Итак, пропаганда может служить как конструктивным, так и деструктивным целям. Техники и методы пропаганды различны. Их описание основывается на опыте осуществления военной пропаганды, коммерческой рекламы, политической риторики. Выделяют целый ряд методов пропаганды (см., например: *Cross*, 1983)¹.

1. Навешивание ярлыков (*Name-Calling*) – метод пропаганды, наиболее часто используемый в условиях межпартийных конфликтов, но зачастую встречающийся также в рамках информационной войны более широких масштабов. Данная техника пропаганды основывается на дисквалификации оппонента, на его обзывании неким характерным словом или словосочетанием, имеющим общепризнанное негативное значение. Так, обзывая Жириновского «бабником», пропагандист изначально накладывает ассоциативный отпечаток на его поведение, выступления, которые будут восприниматься людьми в соответствии с данным клише. В политической риторике наиболее характерны такие клише, как «популист», «лгун», «политический импотент», «неудачник», «карьерист»... Известны такие клички, как «Железный Феликс» (Дзержинский), «Железная леди» (Маргарет Тэтчер), «Рычащая мышь» (Тони Блэр), и др.

Навешивание ярлыков позволяет направлять восприятие людьми политика, его имиджа, его выступлений и действий в определенном русле, задаваемом подходящей, не всегда лестной кличкой.

¹ Представленный нами не прямой перевод названий методов пропаганды с английского языка на русский связан с особенностями метафор в английском языке, которые при прямом переводе зачастую теряют свое контекстуальное значение. О политических метафорах в современном английском языке см., например, интересную и богатую примерами монографию украинского автора Анатолия Худолия [6].

2. «Кричащие» обобщения (*Glittering Generalities*). Метод «кричащих обобщений» – это обоснование политических решений всякого рода вечными ценностями – приведением понятий, которые во все времена считаются общечеловеческими ценностями: любые действия во имя таких ценностей считаются оправданными. Эти понятия – свобода, равенство, справедливость, демократия, права человека, независимость, Родина и т.д. Пропаганда данным методом сводится к приведению подобных терминов в оправдание определенных действий, которые тем самым становятся более приемлемыми для большинства людей, и таким образом пропагандист достигает одной из целей – мобилизации масс на выполнение определенных действий. Так, призывы голосовать за определенного кандидата на выборах обычно сопровождаются использованием в политической риторике кандидата призывов к «справедливому выбору», к «достойному будущему», к «защите прав человека» и т.д. Причем, как правило, сегодня буквально все кандидаты используют аналогичные «кричащие термины», с той лишь разницей, что не всегда эти термины адекватны реальным поступкам деятелей. Вместе с тем, на протяжении всей истории любые героические поступки и массовые действия свершались именно под лозунгами, выражающими «броские понятия».

3. «Один из нас» (*Plain Folks Appeal*). С помощью данного метода пропаганды говорящий или действующий пытается заручиться нашей поддержкой и согласием, всячески пытаясь показать, что он «один из нас», такой же, как мы, и т.п. Как пишет об этом Донна Вулфолк Кросс (*Cross, 1983*), всевозможные рукопожатия политических лидеров с простыми людьми из толпы, посещения ими заводов и фабрик, неформальное и простое поведение представителей элиты с простым народом – все эти действия направлены на создание благоприятной почвы для последующего заполучения поддержки избирателей. Политики всегда берут на руки и целуют чужих детей перед объективом видеокамер не потому, что все они любят детей, а

потому, что этот жест означает: «Доверяйте мне, я такой же, как вы, я один из вас». Характерным примером использования данного метода пропаганды является посещение президентом США Джорджем Бушем-младшим военной базы в Афганистане во время боевых действий, где Буш в обычной армейской униформе стоял на кухне и раскладывал черпаком кашу для американских солдат.

Безусловно, этот метод очень успешен, однако известно, что даже представителям собственной группы не всегда можно доверять. Поэтому имидж «своего парня» может быть не столь эффективным, как кажется.

4. «Аргумент к людям» (*Argumentum ad Populum*). Данный способ убеждения и пропаганды можно выразить следующей мыслью: «Говори людям то, что они хотят услышать». Естественно, если говорить людям то, что соответствует их желаниям, что льстит их самолюбию и тщеславию, то «под этим соусом» можно преподнести что угодно. Данный способ пропаганды очень часто применяется при воздействии на так называемые целевые группы – группы с определенными характерными особенностями, образом действий и мышления, профессиональной направленностью и т.д. Так, в каждой поездке по штатам или регионам пропагандисты используют определенные комплименты в адрес их жителей с учетом их ментальных, исторических, географических особенностей, традиций и т.д. Из предвыборного обращения кандидата в президенты Джона Керри к национальному конвенту (29 июля 2004г.): «...Мы можем добиться большего, и мы добьемся! Мы оптимисты! Для нас это¹ – страна будущего. Мы – люди, которые могут! И давайте не забывать того, что мы сделали в 90-е годы. Мы сбалансировали бюджет, мы расплатились с долгами. Мы создали 23 миллиона новых рабочих мест. Мы подняли миллионы людей из-за черты бедности, мы повысили прожиточные стандарты жизни для среднего класса. Нам лишь нужно вновь поверить – и мы сможем сделать это снова». Естественно, призывы к силе и могуществу нации действуют лучше, чем к ее поражениям и песси-

¹США. – А.А.

мизму. Однако, к сожалению, многие политики постсоветской эпохи предпочитают мобилизовывать массы не оптимистическими призывами и конструктивными проектами, основанными на силе и желании создавать, а националистическими лозунгами и призывами искать виноватых в собственных ошибках и просчётах.

5. «Аргумент к человеку» (*Argumentum ad Hominem*). Этот способ следует считать скорее «находкой» теории аргументации [7, сс. 64-65], нежели теории пропаганды. Тем не менее, он очень эффективен и часто применяется как риторический компонент политической пропаганды и антипропаганды. Его суть состоит в том, что пропагандист умышленно переносит внимание аудитории от слов говорящего к его личности, критикуя его как человека. Так, любое положительное выступление лидера можно свести на нет или преподнести в отрицательном свете, напомнив аудитории о тех или иных недостатках говорящего в настоящем и прошлом. Например, сегодня выступления и предложения коммунистов в постсоветских странах, какими бы дельными и прогрессивными они ни были, нередко комментируются оппонентами не в виде критики, направленной на данные предложения, а в виде выпадов против коммунистов как таковых: «Да знаем мы вас, из-за вас мы 70 лет простояли на одном месте, разве не коммунисты развалили страну», и т.п. Интересно заметить, что в теории аргументации данный прием перевода критики от слов говорящего к личности говорящего считается логической ошибкой (см., например, [7, сс. 64-65]). Тем не менее, данный прием встречаем очень часто.

6. «Аналогия» или «Перенос» (*Transfer*). Метод аналогии в риторике и пропаганде нацелен на создание у целевой аудитории определенных ассоциаций, представлений об обсуждаемом предмете, причем, эти ассоциативные представления могут быть как положительными, так и отрицательными – в зависимости от того, с чем пропагандист связывает наши представления. Так, если пропагандист намерен представить нам свою идею в лучшем свете, то он

проводит параллель между этой идеей и чем-то, к чему мы хорошо относимся. Например, некоторые новые пищевые продукты рекламируются с помощью выражений типа «Вкус из детства». В политической пропаганде любые лозунги, рассчитанные на положительное восприятие, обычно преподносятся в качестве вечных истин, которые были справедливы и в прошлом. Обратного эффекта можно достичь, подгоняя идею под изначально выработанный негативный стереотип. Так, комментируя выступление и пытаясь подвести его восприятие под негативный контекст, можно провести аналогию с чем-то, что у большинства людей ассоциируется с отрицательными воспоминаниями. Возьмем пример из выступлений мастера по приведению аналогий Сталина, который, пытаясь уничтожить демократическую оппозицию во главе с Троцким, сравнил его идеи с идеями меньшевизма, чем подогнал его под однозначно-негативный контекст: «...Третья ошибка, допущенная Троцким, состоит в том, что он в своих выступлениях партийный аппарат противопоставил партии, дав лозунг борьбы с “аппаратчиками”. Большевизм не может принять противопоставления партии партийному аппарату... Я боюсь, что Троцкий, которого я, конечно, не думаю поставить на одну доску с меньшевиками, таким противопоставлением аппарата партии дает толчок некоторым неискушенным элементам нашей партии встать на точку зрения анархо-меньшевистской расхлябанности и организационной распущенности»¹. Метод аналогии применяется не только в проведении исторических параллелей, но и в процессе принятия политических решений, когда принятие решения в определенной ситуации обосновывается принятыми в подобных ситуациях аналогичными решениями в прошлом [8].

7. «Грузовик» (*Bandwagon*²). Название этого метода пропаганды призвано усилить иллюстративность в объяснении техники его использования. «Грузовик» означает, что все, кто в него сел, поедут в одном направлении, независимо от индивидуальных желаний каж-

¹ Сталин, И. В. Сочинения, Т. 6, с. 15.

² Данное название использует автор статьи Донна Вулфолк Кросс (*Donna Woolfolk Cross*) [9].

дого отдельного пассажира. Данный метод пропаганды оперирует механизмами массовых действий, его сутью является призыв «Делай так, потому что все так делают». Любая коммерческая реклама пропагандирует присоединиться к группе потребителей данного товара, и чем больше эта группа, тем легче призывать к ее пополнению, т.к. по этой логике большинство не ошибается. Так, если большинство людей пьет колу, значит, именно это – правильный выбор. Призыв присоединения к массовым действиям более эффективен, чем призыв неповиновения и отклонения, т.к. большинство людей в своем поведении настроены на приспособление, конформизм, предпочитают не вступать в конфликт с обществом. Люди, отличающиеся в своем внешнем виде и поведении от большинства, зачастую испытывают трудности в адаптации, их не принимают или принимают с трудом. Так, несоответствующих массовому поведению, культуре, моде во все времена называли скорее обидными кличками, используя выражения «аутсайдер», «маргинал», «белая ворона» и т.п.

В политической жизни призывы присоединения к массовым политическим процессам также более результативны, нежели попытки неподчинения и отклонения, которые нередко наказываются, тогда как массовое политическое участие поощряется. Так, отказ от участия в боевых действиях, от службы в армии, от членства в партии, от просмотра новостных передач о политической жизни страны рассматривается скорее как отклонение от нормы, нежели как свобода выбора. Безусловно, определение различных видов социального поведения в терминах нормы и отклонения зависит от типов общества, от политической и социальной культуры, от конкретных социально-политических условий, однако механизм присоединения к массовому поведению на основании того, что оно – массовое, т.е. популярное, является в той или иной форме характерным для всех типов обществ. Однако, если вдуматься, не все товары массового потребления являются качественными и полезными, не все массовые политические процессы приводят к свободе и справедливости. Сегодня модно говорить о том, что большинство стран мира определилось с выбором своего пути развития в направлении де-

мократии. В пользу демократии как наиболее вероятного, наиболее правильного и даже единственно верного пути развития государства и общества приводят именно то, что это – выбор большинства государств. Однако целый ряд государств, считающихся демократичными и тем более демократизируемыми, не только демонстрируют «сбои» демократического механизма, но и свидетельствуют о неприемлемости демократии для определенных типов обществ с характерной культурой, менталитетом, традициями легитимации власти¹. Такие явления, как алкоголизм, наркомания и т.д., отнюдь не являются достойными моделями поведения, несмотря на массовость. Это является характерным свидетельством того, что массовость не является критерием качества, а аргумент «поступай именно так, потому что все так поступают» – зачастую является лишь риторической уловкой.

Здесь мы не будем вдаваться в множество различных аргументативных и риторических уловок, которые становятся компонентами пропаганды и основаны на использовании различных логических ошибок, парадоксов, психологических манипуляций. Каждый подобный компонент эффективен в определенных случаях, в условиях определенного типа аудитории. Так, нацеленность пропаганды на женскую аудиторию использует различные визуальные эффекты, апеллирует к сугубо женским чувствам, таким, как, например, чувство матери, жены, дочери, а также желание и стремление быть красивой, нравиться, опережать и уничтожать соперниц и др. Нацеленность пропаганды на мобилизацию мужчин апеллирует к чувству долга, к демонстрации мужской силы, к образу «защитника Отечества». Выбор эмоционального и рационального компонентов, а также их различных комбинаций также зависит от множества факторов и особенностей аудитории, а также текущего момента. На этом, в частности, основана картина новостных передач, в которых комбинируются текстовые и образно-визуальные составляющие.

Так, одной из наиболее значимых дискуссий сегодня является правомерность показа по телевидению и, в частности, в новостных

¹ Об этом см., например, [11, сс. 13-23].

передачах жертв различных стихий, несчастных случаев, войн и террористических актов¹. Является ли демонстрация трупов по ТВ результатом свободы слова или это – дисфункция, отклонение, пропаганда насилия? Чего в современной пропаганде больше – позитивного или негативного, свободы или порабощения? По всей вероятности, решение многих подобных вопросов не может быть окончательным и верным в любых условиях.

Источники и литература

1. *G.S.Jowett & V.O'Donnell*, Propaganda and Persuasion. USA: Thousand Oaks, Sage Publications Inc., 2006.
2. *A.Carey*, Taking the risk out of democracy: Corporate propaganda versus freedom and liberty. Urbana: University of Illinois Press, 1997.
3. *B.Taithe & T.Thornton* (Eds.), Propaganda: Political rhetoric and identity, 1300-2000. Oxford, UK: Sutton, 2000.
4. *A.R.Pratkanis & M.E.Turner*, Persuasion and democracy: Strategies for increasing deliberative participation and social change. *Journal of Social Issues*, 1996, 52, pp. 187-205.
5. *J. E.Coombs, D.Nimmo*, The new propaganda: The dictatorship of palaver in contemporary politics. NY: Longman, 1993.
6. *Худолий А.О.*, «Функціональні зміни у мові американської публіцистики кінця ХХ-початку ХХІ століття». Острог: Видво НаУОА, 2006.
7. *Брутян Г.А.*, «Очерк теории аргументации». Ер., Изд-во АН Армении, 1992, сс. 64-65.
8. *Атанесян А.В.*, «Обоснование в принятии политических решений». Ер., Изд-во НАН РА, 2002.
9. *Donna Woolfolk Cross*, Mediaspeak: How Television makes up your Mind. Coward McCann, 1983.
10. *Атанесян А.В.*, «Актуальные проблемы современных политических и конфликтных коммуникаций». Ер., Изд-во ЕГУ, 2008.
11. *Атанесян А.* «Парадоксы демократии и тенденции демократизации в странах Центральной Азии и Южного Кавказа» // Международный журнал социально-политических исследований «Центральная Азия и Кавказ», Швеция, 2005, #6, сс. 13-23.
12. *B.Zelizer*, Death in Wartime: Photographs and the “Other War” in Afghanistan. In: Press/Politics, 2005, #10(3), pp. 26-55.

¹См., например, [12, pp. 26-55].

Самвел Мартиросян

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ИНФОБЕЗОПАСНОСТИ АРМЕНИИ**

ИНФОРМАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ ОТ ВОЗМОЖНОГО ОТКРЫТИЯ ГРАНИЦ С ТУРЦИЕЙ

Динамика в армяно-турецких отношениях в настоящем и возможные изменения в ближайшем будущем, которые могут привести к открытию границ, способны повлечь за собой и переформатирование информационного поля Армении, а также армянской Диаспоры.

Азербайджан и Турция на сегодняшний день являются основными противниками Армении в информационном поле. При этом события вокруг подписания армяно-турецких протоколов уже привели к определенной деформации информационного поля. Азербайджан стал вести не только антиармянскую, но и антитурецкую пропаганду, в основном направленную на турецкое и азербайджанское общество. В связи с чем произошло определенное ослабление давления на Армению.

В свою очередь турецкий фронт стал более проницаем для Армении. В период отсутствия каких-либо отношений между двумя странами основная информационная борьба шла между Турцией и ее сателлитами (турецкими диаспоральными организациями, поддерживающими Турцию азербайджанскими, еврейскими организациями и т.д.) и армянской Диаспорой – в основном западно-армянской. В этот период турецкое информационное поле в Армении воспринималось преимущественно через призму диаспоральных информационных потоков.

На сегодняшний день ситуация изменилась. Для армянской прессы турецкие издания, организации, эксперты стали ньюсмейкерами. Армянские интернет-пользователи в свою очередь стали активно читать турецкую он-лайн прессу. Фактически, армянское информационное поле попало под непосредственное воздействие турецкого.

При этом надо учитывать, что армянское информационное поле форматировано под реагирование на информационные и пропагандистские реалии постсоветского пространства. Естественным стало противодействие азербайджанскому информационному воздействию, причем в основном именно на постсоветском, русскоязычном информационном поле. Актуализация турецкой информационной угрозы вне общего привычного контекста борьбы за признание Геноцида вообще еще мало осознается. Кроме того, пока нет и работающих противодействующих средств для этой области.

Воздействие на связь Армения – Диаспора

Турецкая пропаганда уже активно работает на то, чтобы вбить клин между Арменией и Диаспорой. На сегодняшний день для этого используются имеющиеся среди армян противоречия относительно армяно-турецких протоколов.

Здесь в качестве медиатора – как и во многих других информационных воздействиях со стороны Турции – выступает азербайджанская пресса. Именно через Азербайджан уже отфильтрованная турецкая пропаганда попадает в армянское поле. Азербайджанская сторона здесь использует ряд факторов, основными из которых являются следующие:

1. Армянская пресса и интернет-пользователи до сих пор в определенной степени находятся в зависимости от азербайджанской прессы, из которой черпают новости регионального характера
2. Языковой фактор: армянский интернет-пользователь в основном владеет русским языком, в меньшей степени – английским. Соответственно, азербайджанская пресса активно переводит с английского на русский нужные фрагменты турецкой прессы, чтобы оказывать психологическое и информационное давление на армянское общество. Кроме того, активно используются вбросы из турецкоязычной прессы, которая не может контролироваться и проверяться армянскими СМИ ввиду отсутствия достаточного количества знатоков турецкого языка.

Эти два фактора позволяют турецкой и азербайджанской прессе оказывать довольно активное воздействие на армянское информационное поле. Соответственно, делаются попытки работать именно в направлении формирования раскола между сегментами армянского общества на основе уже имеющихся противоречий.

Следует иметь в виду, что в случае открытия границы Турцией Армения окажется лицом к лицу с другой действительностью, которая на сегодняшний день практически не присутствует как реалья. Речь идет об армянской общине Турции. Учитывая тот факт, что община состоит как из армян, оставшихся здесь со времен Геноцида, так и новой волны эмиграции из независимой Армении, у Турции появится возможность разыгрывать карту раскола также и с турецкой общиной, тем более что последняя находится в довольно трудном положении и может быть подвержена воздействиям со стороны турецких властей. Уже после убийства Гранта Динка стало ясно, что армянская община является для властей Турции пропагандистским орудием для формирования имиджа во внешнем мире. Точно так же армянский фактор внутри Турции может стать орудием психологического воздействия на общество в Армении и Диаспоре.

АРМЯНСКОЕ МЕДИАПОЛЕ И ЭЛЕКТРОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ (ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР)

Армянское медиаполе, как уже отмечалось, на сегодняшний день находится под все возрастающим влиянием турецкого. При этом следует учитывать, что как по качеству, так и по количеству СМИ Турция на порядки превосходит сегодняшнюю прессу Армении. Финансовые возможности турецких СМИ дают возможность предположить, что уже в ближайшее время следует ожидать их непосредственного внедрения в армянское поле.

Первым шагом станет создание корпунктов турецких СМИ в Армении. При этом ожидать столь же оперативного реагирования с армянской стороны не придется: армянская пресса чрезмерно ориентирована на внутривнутриполитическое поле (даже в Нагорном Карабахе не создаются корпункты армянских СМИ).

На втором этапе вполне ожидаемым является начало распространения турецкой печатной продукции в Армении. На английском языке – для армян и туристов. На турецком – для потенциальных мигрантов из Турции.

На третьем этапе возможно возникновение совместных армяно-турецких, а также чисто турецких СМИ на армянском языке.

Армянское информационное поле не готово к тому, что Турция начнет активное внедрение, причем не только на английском языке, но и на армянском. На территории Турции уже действует армяноязычное радио. Кроме того, со стороны армянской общины там выпускаются и армянские издания, что делает Турцию намного более подготовленной к информационной интервенции.

Азербайджан уже с октября вещает новости на армянском языке по спутниковому каналу. Однако разница между азербайджанской и турецкой интервенцией в армяноязычное информационное поле будет резко заметна по некоторым параметрам:

1. В Турции армянская психология – серьезно изученная область. Поэтому вбросы информации будут серьезно продуманными, в отличие от азербайджанской топорной пропаганды.
2. В Турции поощряется изучение армянского языка среди чиновников. Кроме того, среди армян общины есть много тех, кто так или иначе сотрудничает с властями, с прессой и т.д. Соответственно, там есть серьезные возможности как по мониторингу армянской прессы, так и по созданию материалов на хорошем армянском языке

К подобным изменениям в информационном поле армянское общество не готово ни в одном из своих сегментов. В очень короткие сроки турецкое информационное поле может практически поглотить армянское. Информационное поле Турции крайне разнообразно, динамично и потребует намного более жесткой конкуренции, чем тот же Азербайджан.

Есть и обратная сторона происходящего – армянские СМИ начинают вещать на турецком языке. Если ранее уже несколько лет существовала турецкая он-лайн версия газеты «Азг», то на сегодняшний день уже два интернет-агентства – *Tert.am* и *News.am* – переводят часть своей новостной ленты на турецкий язык. С одной стороны, это хорошая возможность осуществления воздействия на ту часть турецкого общества, которая не читает по-английски. С другой стороны, формируется неконтролируемое со стороны армянского общества информационное поле, которое может стать со временем инфогенной угрозой именно в силу того, что из Армении исходят потоки, которые формируются и контролируются крайне ограниченным количеством людей.

Открытие границ с Турцией будет означать для Армении также и диверсификацию коридоров для обмена данными с внешним миром. Соответственно, следует ожидать в скором времени возникновения оптоволоконных маршрутов из Армении через Турцию во внешний мир.

Уже в октябре 2008г. появилась информация о том, что компания «Билайн» и турецкий телекоммуникационный оператор *Turkcell* ведут переговоры о создании запасного интернет-канала. Несмотря на то, что впоследствии эти сообщения опровергались со стороны компании, очевидно, что в условиях открытия границ и открытой конкуренции появление «турецкого» кабеля быстро станет реальностью.

В этом случае следует иметь в виду, что интернет-трафик, идущий через территорию Турции, станет потенциально контролируемым со стороны турецких спецслужб.

Кроме того, речь может идти также и об использовании турецких коммуникационных спутников для обмена данными. Подобный опыт у Армении частично уже имеется. Так называемый «Виртуальный шелковый путь», в который вовлечен ряд стран постсоветского пространства, в течение нескольких лет использовал турецкий коммуникационный спутник для предоставления научным и образовательным институтам Армении доступа к Интернету. Уже в 2002г. в проекте был задействован спутник *Eurasiasat-1/TurkSat-2A*.

* * *

Потенциально угрозы инфогенного характера со стороны Турции в ближайшее время могут возрасти. Следует учитывать два фактора:

1. Турция не перестанет в ближайшее время быть как минимум информационным и политическим противником Армении даже в случае подписания протоколов и осуществления описанных в них программ по сближению между двумя странами;

2. Несмотря на противоречия с Турцией, Азербайджан не перестанет быть союзником Анкары. Пропагандистский тандем Анкара-Баку будет продолжать давление на Армению. Точно так же будет продолжаться сращение между азербайджанскими и турецкими хакерскими группировками, действующими против Армении и Армянства в целом.

В то же время продолжающееся противостояние между Турцией и Израилем может стать положительным фактором для Армении как в плане возможного сближения с Тель-Авивом, так и ослабления турецкой пропагандистской машины в связи с усиливающимся давлением с израильской стороны. Однако стоит иметь в виду, что израильско-турецкие отношения не однозначно испорчены и может произойти откат обратно, что опять приведет к тому, что протурецко настроенные израильские структуры и еврейские организации диаспоры вновь начнут информационную и лоббистскую поддержку Анкары.

С другой стороны, резкое изменение и увеличение динамики информационного поля приведет к быстрому развитию СМИ, альтернативных медиа в самой Армении, к изменению приоритетов от внутривнутриполитических к более внешнеполитическим.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

Гагик Арутюнян

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	4
--	---

Проблемы информационной безопасности и цивилизационный фактор	5
--	---

Вопросы информационной организации Армянства	22
--	----

Полиидеологические сообщества и информационная безопасность	38
--	----

Сергей Гриняев

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ	48
---	----

О концепции тотальной информационной войны	49
--	----

Информационная война как способ разрешения конфликтов	57
--	----

О работах в области информационной войны в Великобритании, Франции, Германии и КНР	67
---	----

Рачья Арзуманян

КОНЦЕПЦИЯ ОПЕРАЦИЙ, БАЗИРУЮЩИХСЯ НА ДОСТИЖЕНИИ ЭФФЕКТОВ	87
--	----

Эволюция и развитие концепции ОБДЭ	88
--	----

Понятия, определения и терминология концепции ОБДЭ	114
--	-----

Компоненты концепции ОБДЭ	125
---------------------------------	-----

Концепция ОБДЭ на различных уровнях войны	132
---	-----

<i>Анна Жамакочян, Диана Галстян</i> СИСТЕМА И МЕТОДОЛОГИЯ АНТИАРМЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА	149
Система антиармянской инфополитики Азербайджана	150
Методология антиармянских информационных операций Азербайджана	170
 <i>Сергей Саркисян</i> ОБРАЗ АРМЯНИНА-ВРАГА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНА	187
Создание образа врага: общие положения	188
Применяемые в СМИ манипулятивные технологии	192
 <i>Артур Атанесян</i> ПРОПАГАНДА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, АНАЛИЗ, МЕТОДЫ ПРИМЕНЕНИЯ	207
Понятие и определение	208
Формы пропаганды	214
Методы пропаганды	218
 <i>Самвел Мартиросян</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНФОБЕЗОПАСНОСТИ АРМЕНИИ	226
Информационные угрозы от возможного открытия границ с Турцией	227
Армянское медиаполе и электронная безопасность (турецкий фактор)	230

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Редакторы

Анна Жамакочян
Лилит Меликсетян
Арен Вардапетян

Переводчики

Лилит Меликсетян
Рузанна Манукян

Технический редактор

Лусине Баграмян

Научно-образовательный фонд «Нораванк»
РА, 0026, Ереван, Гарегина Нжде 23/1
Веб-сайт: www.noravank.am
E-mail: office@noravank.am
Телефон/факс: +(374 10) 44 04 73

Бумага офсетная. Формат 60X84 1/16.
Тираж 300 экз. Шрифт: Sylfaen
Типография ООО «ГАСПРИНТ»